

ROMANOSLAVICA XXXVIII

REFERENȚI ȘTIINȚIFICI

Prof. dr. **MIHAI MITU**

Conf. dr. **OCTAVIA NEDELCU**

COMITETUL DE REDACȚIE

Prof. dr. **DORIN GĂMULESCU** (redactor responsabil), prof. dr. **MIHAI MITU** (redactor responsabil adjunct), prof. dr. **GHEORGHE MIHAILĂ**, membru corespondent al Academiei Române, conf. dr. **MARIANA MANGIULEA** (secretar), lect. dr. **SORIN PALIGA** (secretar), prof. dr. **CORNELIU BARBORICĂ**, prof. dr. **DAN HORIA MAZILU**, prof. dr. **JIVA MILIN**, prof. dr. **VIRGIL ȘOPTEREANU**, prof. dr. **VICTOR VASCENCO**, prof. dr. **ION PETRICĂ**, prof. dr. **ONUFRIE VINȚELER**

Volumul de față apare sub îngrijirea

Conf. dr. **Mariana Mangiulea**

Lect. dr. **Sorin Paliga**

Tehnoredactare de Sorin Paliga, procesor de text Mellel 1.6
(www.redlers.com)

© **Asociația Slaviștilor din România**
Romanian Association of Slavic Studies
www.asocslav.ro
office@asocslav.ro

© Editura Universității din București
Șos. Panduri 90-92, București – 76235;
Tel./Fax: 410.23.84
E-mail:
Internet:

UNIVERSITATEA DIN BUCUREȘTI
FACULTATEA DE LIMBI ȘI LITERATURI STRĂINE
Catedra de limbi slave Catedra de filologie rusă

ASOCIAȚIA SLAVIȘTILOR DIN ROMÂNIA

ROMANOSLAVICA

XXXVIII

Editura Universității din București
2002

ROMANOSLAVICA XXXVIII

**Referate și comunicări
prezentate la Cel de-al XIII-lea
Congres Internațional al Slaviștilor
(Ljubljana, 15 – 21 august 2003)**

**Papers and articles
for the XIIIth International Congress of Slavists
(Ljubljana, August 15–21, 2003)**

**Доклады и сообщения
представленные на XIII
Международном Съезде Славистов
(Любляна, 15 – 21 августа 2003)**

I. LINGVISTICĂ
LINGUISTICS

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО СЛАВЯНО-РУМЫНСКОЙ
ФИЛОЛОГИИ ПИСАТЕЛЯ АЛЕКСАНДРА ОДОБЕСКУ
(ALEXANDRU ODOBESCU)**

Г. Михаила (G. Mihăilă)

1. Проекты молодого Одобеску. В октябре 1855 г. возвращался из Парижа на румынскую родину молодой литератор, воодушевленный патриотическими замыслами, обогащенный археологическими, литературными и искусствоведческими знаниями. Это был Александр Одобеску (р. 23 июня 1834 г.), сын полковника Иоана Одобеску и Катинки, урожденной Каракаш, принадлежащей семье с богатыми научно-культурными традициями¹.

В атмосфере, созданной Революцией 1848 г., молодой 21-летний ученый филолог определил одно из направлений своих научных изысканий в страстном исследовании культурных и литературных творений румынского народа на протяжении прошлых веков и десятилетий². Вот как он характеризовал через четверть века атмосферу, в которой он сформировался в столице Франции вместе со своими друзьями Дж. Крецяну, П. Ятрополем, Дм. Флореску, Дм. Бериндеем, А. Сихляну и др.: «Мы, молодые заграничные студенты, рады были учиться в Париже, тем более, что там мы могли свободнее любить свою родину, усердно изучать ее историю и язык; ей задумывали мы посвятить все знания, которые наш румынский патриотизм побуждал усвоить в этом центре свободомыслия»³.

2. В поисках старых памятников румынской культуры и искусства. Из этого постулата вышла через два года первая *Историческая сцена из румынских хроник – Господарь Михня-Лютый* (1857 г.), за которой вскоре последовала *Государыня Кяжна* (1860) – обе, имевшие в качестве модели „прекрасную историческую новеллу“ *Александр Лапушнянул* Константина Негруци⁴. Но тот же постулат направил молодого писателя и в другое направление – строго научное, украшенное однако качествами художественных произведений. Назначенный 25 мая 1860 г. членом Документальной комиссии при Министерстве Вероисповедания и Народного Просвещения, А. Одобеску вскоре (18 июля) поехал вместе с Сашей, его женой⁵, и с швейцарским художником Хейнрихом Тренк (Heinrich Trenk, 1820–1892 гг.)⁶ в известное исследовательское путешествие в уезды Арджеш и Вылча. До 15 августа они посетили „свыше 70 монастырей и скитов, собрав в каждом исторические сведения, художественные и археологические рисунки” (Письмо от 24 марта 1870 г. к своему старшему приятелю А. Голеску-Негру, бывшему министру, ставшему впоследствии премьер-министром)⁷.

В этом путешествии, в большой мере описанном им самим, Одобеску скрупулезно исследовал монастыри и скиты около города Питешть, город Куртя де Арджеш и прилегающие места, а также монастыри по долине Ольта – особенно Козию –, монастыри Оланешть, Говора, Бистрица, Однодеревянный монастырь (Mănăstirea dintr-un Lemn), Арнота и Хорез⁸.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

В вышеуказанном письме мы находим короткую и точную самооценку исследований предметов искусства, славяно-румынских и румынских рукописей и старопечатных книг XIV–XVII вв., открытых и доставленных до сведения властей и читающей публики в первые годы после Объединения Румынских княжеств в единое государство (1859 г.). Публикации Александра Одобеску предшествуют богатой коллекции документов и исторических источников, напечатанных Богданом Петричейку Хашдеу в *Arhiva istorică a României (Исторический архив Румынии, 1864–1867 гг.)*. Благодаря II тому *Opere (Сочинения)* Александра Одобеску, напечатанному Марфой Аниняну и Вирджилом Кындя в Издательстве Румынской Академии, в 1967 г., мы имеем перед собой следующие ценные тексты писателя-филолога и историка: *Însemnări despre monumentele istorice din județele Argeș și Vâlcea. Călătorie făcută în 1860 din însărcinarea Ministerului Cultelor și Instrucției Publice* (Заметки об исторических памятниках уездов Арджеш и Вылча. Путешествие, совершенное в 1860 г. по поручению Министерства Вероисповедания и Народного Просвещения⁹; пять официальных уведомлений писателя-ученого к министру вероисповедания и народного просвещения (май–сентябрь 1861 г.)¹⁰; часть детального доклада, представленного в последние месяцы 1860 г. (другие три доклада не были до сих пор открыты в архивах)¹¹; наконец, серию бесценных статей, напечатанных в „*Revista română*” (1861–1862 гг.).

Исследуя ряд религиозных учреждений, „среди которых восемь значительных монастырей”, писатель-филолог сгруппировал свои доклады – как он доложил министру 29 мая 1861 г. – в восемь разделов¹²; из них в настоящее время известен только четвертый доклад, посвященный *Монастырю Бистрица* и содержащий четыре главы: первая была опубликована Одобеску самим под названием *Antichități ecleziastice, Bistrița (județul Vâlcea, plaiul Cozii)* [*Церковные древности, Бистрица (уезд Вылча, волость Козия)*], в „*Buletinul Instrucțiunii Publice*” (Anul I, 1865, octombrie, стр. 137–143); третья была положена в основу серии статей в „*Revista română*”, включенных полностью в *Opere*, II (см. ниже), под названием *Schiturile și metoașele mănăstirii Bistrița din Vâlcea* (*Скиты и метохы монастыря Бистрица, у. Вылча*), в „*Buletinul Comisiunii Monumentelor Istorice*” (1908, июнь–сентябрь, стр. 101–106); наконец, вторая еще не была опубликована¹³.

3. Первые исследования по старорумынской культуре и литературе в „*Revista română*” (1861–1863 гг.). Указанные доклады являются лишь предварительными редакциями, некоторые из них административного порядка. Но только в течение следующих лет А. Одобеску полностью использовал данные, относящиеся к славяно-румынским и румынским рукописям и старопечатным книгам на страницах журнала „*Revista română pentru științe, litere și arte*”, основанного и руководимого им с апреля 1861 г. по ноябрь 1863 г.¹⁴

Его деятельность на страницах журнала внушительна: на протяжении трех лет он выступает как один из первых наших фольклористов-компаратистов; как первый компетентный исследователь старорумынской культуры и литературы на книжнославянском языке в их отношениях с

литературой и культурой южнославянских стран в XIV–XVII веках; как исследователь ряда литературных произведений XVII–XVIII вв. и первой половины XIX века. Но в настоящем сообщении мы остановимся специально на обширном этюде *Despre unele manuscripte și cărți tipărite cflate la mănăstirea Bistrița (districtul Vâlcea din România)* [О некоторых рукописях и старопечатных книгах, найденных в монастыре Бистрица (уезд Вылча из Румынии)], напечатанном в трех выпусках журнала „Revista română” за 1861–1862 гг.¹⁵

В введении писатель выдвинул предложение собрать в библиотеку, которая впоследствии стала Библиотекой Румынской Академии, рукописи и старопечатные книги, находящиеся „в монастырях, городских и сельских церквях Румынии”, с тем, чтобы способствовать „изучению истории и развития нашего языка”. Он сам положил начало этому широкому предприятию, доставив в Бухарест, с одобрения Министерства Вероисповедания и Народного Просвещения, „коллекцию интереснейших книг, открытых в монастырях Козия и Бистрица. Из монастыря Козия было привезено 20, а из Бистрицы 19; мы не намереваемся умялять значение ряда книг (рукописных и печатных – прим. н.), найденных во многих других монастырях – подчеркивал далее ученый филолог –, но Бистрицкая библиотека дала нам до сих пор самые значительные результаты в отношении древности”¹⁶. Библиотека монастыря содержала также „свыше 300 старых сборников”, среди которых „около 80 славянских рукописей (евангелия, псалтыри, часословы, канонические правильники и др.), написанные уставными и минускульными буквами, различного формата (in-folio, in-80, in-40)”, старопечатные славянские, румынские и греческие книги XVII и XVIII вв. (стр. 112–114).

Этот богатый культурный фонд обязан в своем начале – когда монастырь был построен четырьмя братьями Крайовеску – Барбу, Пырву, Данчу и Раду (1494 г.), а потом (в 1514 и 1519 гг.) восстановлен господарем Нягом Басарабом – культурной роли этих исторических личностей и их связям со семьей деспотов Бранкович, с религиозными центрами Сербии и с сербскими афонскими монастырями (Святого Павла, Хилендар, Святого Пантелеймона или Русикон)¹⁷.

Очевидным результатом этих связей является древнейшая рукопись, хранившаяся в Бистрицком монастыре и привезенная Александром Одобеску в Бухарест (в настоящее время в Библиотеке Румынской Академии, № 205)¹⁸; он подробно описал ее в первой главе своего этюда – *Psaltirea comentată de Branco Mladenovici* (Толковая псалтырь Бранко Младеновича, стр. 114–118), „чтобы привлечь внимание ученых из соседних славянских стран и особенно из Сербии” (стр. 126). Написанная Иоаном Богославом в 1346 г. по поручению Бранко Младеновича, прадеда последних сербских деспотов – Бранковичей, и привезенная в Валахию (Țara Românească) вероятно Максимом, будущим митрополитом, или Деспиной Милицей, его племянницей, ставшей супругой Нягоя Басараба, эта *Толковая псалтырь* нашла в Александре Одобеску первого компетентного исследователя как в отношении палеографического и филологического описания – с воспроизведением конечной записи, а также ряда отрывков текста –, так и в отношении культурно-исторического определения.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Мы позволим себе снова воспроизвести по рукописи эту запись, внося в строку, в скобках, надписанные буквы:

Всѣвид'цоу и прѣблагомоу Бѣу слава, дающоу моу
кон'ць всакомоу дѣлоу, иже ѿ никъ науинакмомоу, ам
нь, амнь, амнь.

Ис(с)ь Х(с)ь
ни ка

Изволеникъмъ Бжикъмъ и въплъщеникъмъ Сѣго Дѣа и
рожденикъмъ Сѣа, сиѣ Ѹал'тирь написа се помощию Б
жикю и Прѣу(с)тые кго Мѣре, въ лѣ(т) хс. ѿ.нѣ.,
кндик'то Г.¹⁹, съ потъщаникъмъ прилежныъмъ и
всеср(д)унымъ, иже ѿ оуставоу вж(с)твнх' писаниѣ.
Написа си Ѹал'тирь Бран'ко Младѣновикъ, а роукою
многгрѣшнааго завитааго въ соуктиѣ житиистѣмъ
раба Бжиа Іѿ(н), а зовомъ Бѣослава²⁰, въ мѣсть,
рекомѣмъ Борьуь, въ дѣни Бѣговѣр'нааго и Б
гоу'тивалааго и самодръж'ца всѣхъ Ср'вьскыхъ земль и
Поморскыхъ кра(л)а Стѣфа(н)²¹ и сѣа моу кра(л)а
Оуроша, въ тѣ врѣ(м) прѣк гѣнь Стѣфа(н) градъ
Костоурь, градъ Бѣл'градъ, градъ Каниноу²².

Комментируя этот ценный исторический памятник, Одобеску заключал:
„Бранко Младенович, храбрый сербский барон, был сыном Младена (...).
Соратник короля Душана и сподвижник вместе с ним культуре сербской
нации, этот благородный муж (...) был отцом известного Волка или Вуха
Бранковича, зятя короля Лазаря Хребеляновича (...). Его потомки сохранили
славное имя его отца, Бранко, как фамильное имя, на троне Сербии до 1459
г., а потом в изгнании в соседних странах...” (стр. 118)²³.

Второй по древности была *Хилендарская рукопись 1408 г.* (Глава II,
Manuscriptul de la Hilandar, стр. 128–131), сильно поврежденная, на
последнем листе которой ученый смог еще прочесть две записи с датой и с
именем деспота Стефана, сына легендарного Лазаря, погибшего в
Косовской битве в 1389 г.; этот Стефан был зятем Вука Бранковича (Значит,
и эта рукопись, впоследствии исчезнувшая, была привезена в Валахию
Максимом Бранковичем или Деспиной Милицей).

Перейдя к славяно-румынским рукописям первых десятилетий XVI века,
А. Одобеску описывает две *Книги бана Преда Крайовеску, 1518–1521 гг.*
(Глава III, *Cărțile banului Preda Basarab [= Craiovescu] 1519 [точнее: 1518] –*
1521): 1) Известный сборник моральных рассказов и философско-
моральных цитат из знатных авторов античности и средневековья
(Пифагора, Платон, Аристотель, Иоан Златоуст, Василий Великий и др.),
составленный византийским монахом Антонием (XI в.) и озаглавленный
Пчела – рукопись дьяка Драгомира, который окончил ее 23 ноября 1518 г.
(исчезнувшая впоследствии); 2) *Минеза за январь*, написанная Диенишем и

Драгомиром, который окончил ее 17 марта 1521 г. (в настоящее время в БРА, слав. рук. № 262)²⁴.

„Этим не исчерываются (...) книги, подаренные братьями-основателями Бистрицкого монастыря и их потомками – заканчивает Одобеску главу о жалованиях Предаы Крайовеску –, но мы отметили важнейшие из них; перейдем сейчас к другим рукописным книгам, находящимся в монастыре, не меньшего значения» (стр. 133), а именно *Три рукописных славянских четвероевангелия* (Глава IV, *Trei tetraevanghelii slavone scrise de mâpă*, стр. 134–142): Четвероевангелие, подаренное великим постельником Марчей (Марсеа) и его супругой Маргой (сестрой Нягоя Басараба), окованное позолоченным серебром в 1519 г., с красивыми виньетками, с цветными и золотыми заглавиями и инициалами (в настоящее время в Музее искусств Румынии, Отдел феодального искусства, № 7)²⁵; Четвероевангелие игумена Мисаила от Бистрицкого монастыря 1537 г. (БРА, № 744), а также другое Четвероевангелие (поврежденное) той же эпохи, с которой художник Тренк рисовал красивую миниатюру: „Христос призывает Петра и Андрея”²⁶.

Добавим к этому, что А. Одобеску открыл в Бистрицком монастыре не менее *семи экземпляров* первой славяно-румынской печатной книги – *Служебник Макария* (1508 г.), из которых два он привез в Бухарест (ныне в БРА); два экземпляра *Четвероевангелия* того же Макария (1512 г.), причем один из них – *роскошный*, на пергаменте, напечатанный для Нягоя Басараба (ныне также в БРА), а также другие книги, более поздние. В связи с этим ученый-филолог написал в премьере ценную главу о *Первой типографии в Валахии* (Глава V, *Prima tipografie din Țara Românească*, стр. 142–163), что пополняет картину его роли зачинателя в изучении древнейшего культурного наследия Румынии²⁷.

Наконец, VI глава была посвящена другой „типографской премьере” – на этот раз *на румынском языке*; речь идет о двуязычной славяно-румынской *Псалтыри Кореси, напечатанной в г. Брашов, в 1577 г.* (*Psaltirea lui Coresi, tipărită la Braşov, în 1577*, стр. 163–173), на основе экземпляра, открытого в Бистрице, который *впервые* был представлен читающей публике с подробным комментарием и с попыткой очертить биографию знаменитого тырговиштянского и брашовского типографа на фоне культурной и языковой истории румынского народа²⁸.

Цикл культурно-исторических этюдов, напечатанных Александром Одобеску в „*Revista română*”, заканчивается научно-художественным эссе *Câteva ore la Snagov (Несколько часов в Снагове; II, 1862, июль, стр. 351–405)*²⁹, которое предвещает капитальное сочинение писателя – *Псевдокинетикос* (*Pseudokinetikos*, 1874 г.)³⁰. Это эссе неоднократно перепечатывалось, начиная с трехтомным собранием *Литературных и исторических сочинений* 1887 г. (*Scriseri literare și istorice*), а потом и отдельно, для широкой публики – правда, в частично измененной и сокращенной форме³¹. Оно удачно было охарактеризовано Шербаном Чокулеску в 1944 г.: „Важнейшим литературным сочинением А. Одобеску периода <<Revista română>> является прелестная <<promenade archéologique>>, названная *Несколько часов в Снагове*. Единственный знаток археологии у нас (в то время – *прим. н.*), получивший задание инвентаризировать церковные драгоценности, писатель представляет

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

публике результаты своих компетентных разысканий в виде увлекательных путевых записок, с целью просвещать и одновременно развлекать³². Вот, впрочем, собственные слова А. Одобеску после разговора со своим проводником на территории монастыря: „Этот льстивый эпитет («*sărturar de grimejdie*» – «опасный ученый» - прим. н.) вызвал у меня улыбку; моя скромность давно стала на протяжении многочисленных поездок по монастырям страны побуждать феноменальное удивление монахов, которым я расшифровывал славянские, а часто и румынские надписи, хранящиеся в церквях, на которые они привыкли смотреть как на мертвую букву, как на тайный клад прошлого...» (Ореге, II, стр. 204).

В 1863 г. писатель был назначен (правда, на короткое время) министром вероисповедания и народного просвещения (26 мая, когда он приближался к 29-летнему возрасту); в ноябре того же года „*Revista română*” перестала выходить. В следующие годы, различные официальные должности, длительное и углубленное исследование золотого *Клада из Пьетроасы*³³, избрание А. Одобеску членом Румынского Академического Общества (в 1870 г.) и назначение профессором Бухарестского Университета (в 1874 г.) – все это удаляло его в большой мере от занятий по истории старорумынской культуры и литературы, хотя он не покинул их полностью. Так, например, можно цитировать в этом отношении: короткий эскиз *Mișcarea literară din Țara Românească în secolul al XVIII-lea* (Литературное движение в Валахии в XVIII веке – письмо к А. Папиу-Илариану, напечатанное в „*Analele Societății Române*”, II, 1869, стр. 79–82, воспроизведенное во втором томе *Scrieri literare și istorice*, стр. 309–317)³⁴; проект издания романа *Варлаам и Иоасафат* (*Varlaam și Ioasaf*), переведенного в 1648–1649 гг. с книжнославянского на румынский язык Удриште Настурелом³⁵, о котором Одобеску отзывался следующими словами в письме к генералу Константину Настурел-Хереску 16/28 августа 1873 г., по случаю учреждения этим меценатом знаменитой академической премии: „ученый великий логофет Уриил или Удриште Настурел Хереску, знаменитый муж, который в длительном и достойном правлении своего зятя, господаря Матвея Басараба, усердно и умно трудился на поприще первых переводов и печатных церковных книг (в Валахии – *Țara Românească* – прим. н.), а также редактирования первого уложения на народном языке...” – *Правильник от Говсры* (*Pravila de la Govora*, 1640), научно переизданный впоследствии самим Одобеску³⁶; *Князь Дмитрий Кантемир. Жизнь и творчество* (*Principele Dimitrie Cantemir. Viața și scrierile lui*) – XVII-ую лекцию в книге *История археологии* (*Istoria arheologiei*, 1877 г.)³⁷, а также издание VI и VII томов из академического *Собрания сочинений* ученого господаря Молдавии³⁸.

4. Псалтырь Бранко Младеновича (1346 г.) и ее место в научных румыно-сербско-хорватско-словенских научных отношениях. Выше мы уже видели, что древнейшей славянской рукописью, открытой А. Одобеску в Бистрице и привезенной в Бухарест, была *Псалтырь Бранко Младеновича 1346 г.*, хранящаяся в настоящее время в Библиотеке Румынской Академии (слав. рук. № 205). Мы также отметили, что сам писатель старался своей публикацией привлечь внимание иностранных ученых к этой рукописи; поэтому мы считаем уместным подробнее остановиться на этом моменте из деятельности Одобеску и на его последствиях.

В 1965 г. мы напечатали с кратким комментарием официальное прошение Фр. Миклошича – будущего почетного члена Румынской Академии (1880 г.), адресованное румынскому министру вероисповедания и народного просвещения (датированное 10 августа 1870 г.) вместе с рекомендацией Одобеску (3 ноября 1870) послать словенскому ученому ценную рукопись в целях внимательного исследования³⁹. Позднее, Д. Пакурариу напечатал часть своей венской „жатвы” – пять писем А. Одобеску и столько же писем Б. П. Хашдеу, адресованных венскому слависту, дополняя таким образом интересную главу о научных связях этих двух знаменитых представителей румынской литературы и филологии с иностранными учеными⁴⁰.

Перейдем к изложению фактов на основе переписки А. Одобеску и Фр. Миклошича, а также статьи последнего, напечатанной в 1872 г.

4 марта 1870 г. Одобеску впервые написал словенскому ученому:

„Monsieur,

Il y a déjà quelques années (je crois que c'était en 1863), j'ai eu l'honneur de vous voir une fois à la bibliothèque imperiale de Vienne⁴¹ et plus tard je me suis fait un plaisir de vous donner connaissance d'un manuscrit slave (un psautier avec commentaires, ayant appartenu à Branco Mladenowich en 1346), que j'avais trouvé en 1860 dans le monastère Bistritza (en Roumanie, district de Vâlcea) et que j'avais apporté à la bibliothèque nationale de Bucarest”.

Узнав, что Миклошич хотел бы исследовать эту рукопись, Одобеску предлагает свои услуги – ходатайствовать перед румынскими должностными лицами, чтобы временно послать ее в Вену: „Aussi, dans l'intérêt de la science, je me fais un devoir de vous écrire ces quelques lignes pour vous dire que ce manuscrit se trouve confié entre mes mains et qu'il me sera très facile de vous l'envoyer à votre adresse, si vous vouliez bien me faire parvenir une requête à l'adresse de S. Ex. le Ministre des Cultes et de l'Instruction Publique de Roumanie, par laquelle vous demanderez, pour un temps déterminé, le manuscrit slave en question (...).

Peut-être aussi, après examen, songerez-vous à sa publication et, dans ce cas, il serait fort possible que notre ministère se chargeât des frais. Quant à moi je suis presque convaincu que je n'aurai pas de peine à obtenir que notre gouvernement fasse les frais d'une édition de ce volume, dirigée par une main aussi habile et aussi expérimentée que la vôtre”.

В заключении, писатель-филолог, заинтересованный кардинальными вопросами истории румынского языка и его связей с другими языками, просит своего корреспондента послать ему фундаментальную для того времени монографию Die slavischen Elemente im Rumunischen, напечатанную в 1861 г., в „Denkschriften der Kais. Akademie der Wissenschaften” (Phil.-hist. Classe, Bd. XII, и отдельно), которая – добавляет он – „est introuvable. Peut-être en auriez-vous quelques exemplaires de surplus, et vous plairait-il d'obliger, en le lui envoyant, celui qui profite de cette occasion, Monsieur, pour vous prier d'agréer, avec ses remerciements anticipés, l'assurance de sa considération la plus distinguée⁴².

Odobescu”.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Следуя его предложению, Фр. Миклошич послал А. Одобеску, 10 августа 1870 г., прошение, адресованное министру вероисповедания и народного просвещения (вместе, вероятно, с письмом к самому Одобеску, которое однако не сохранилось⁴³); 3/15 ноября писатель направил прошение к министру П.П. Карпу (Сагр), вместе со своим ходатайством, в котором он уточняет: „Узнав из моей статьи о ценной рукописи, знаменитый венский профессор Фр. Миклошич, член ряда академий и известнейший славист нашего времени, написал мне несколько месяцев назад, сообщая, что хочет внимательно исследовать этот древний славянский текст, до сих пор совершенно неизвестный научным кругам”.

Представив министру прошение венского ученого, Одобеску добавлял: „С моей стороны, Господин Министр, прошу Вас разрешить мне послать Господину Миклошичу, в Вену, рукопись, находящуюся в моем хранении, позволив ему установить термин ее возвращения, чтобы она была потом передана в Бухарестскую Национальную Библиотеку, котолрой и принадлежит этот ценный филологический памятник”.

Вот, впрочем, и прошение Фр. Миклошича, вежливо и со сдержанной скромностью написанное:

„Votre Excellence!

La Bibliothèque Nationale de Bucarest conserve un manuscrit du XIV siècle contenant une version slave des psaumes avec un commentaire. La description de ce manuscrit que Mr. A. Odobesco a fait insérer dans la Revista Romana de 1861 fait voir son importance pour la connaissance de la langue ecclésiastique des Slaves. Occupé depuis des années de l'étude de cette langue, je prends la liberté de prier Votre Excellence de vouloir permettre que le dit manuscrit me soit envoyé pour l'espace de six mois.

Agréé, Monsieur le Ministre, l'expression de mon plus profond respect.

Fr. Miklosich”.

В тот же день министр одобрил прошение и скоро рукопись была направлена в Вену, как явствует из письма А. Одобеску от 21 ноября (нового стиля) 1870 г. (Он объясняет опоздание тем, что отсутствовал из страны от апреля до октября). Возвращаясь к предложению о возможной публикации текста, писатель добавляет: „et, de plus, si vous le jugiez nécessaire, je vous fournirais, en plus de ce que j'ai déjà publié dans la Revista Română (1861, p. 703–708), quelques détails sur le Monastère de Bistritza, où en 1860, j'ai trouvé cet intéressant manuscrit.

Veillez bien, Monsieur, en m'accusant réception du paquet qui contient le volume et que je remets aujourd'hui à la poste, sous votre adresse, me faire part de vos intentions au sujet de la publication du Psautier de Branco Mladenovitz; nous tenons tous à grand honneur de vous voir, une fois de plus, vous occuper, dans vos remarquables travaux, de la Roumanie et des faits intéressants que notre patrie apporte dans le cercle des études philologiques”.

В заключении, Одобеску сообщает Миклошичу информацию о книгах, посвященных арумунскому диалекту, одну из которых он посылает в том же пакете с рукописью; наконец, в постскриптуме он благодарит

словенского слависта за „les intéressantes publications que vous avez bien voulu m'envoyer” и выражает „ma reconnaissance pour votre dissertation sur les Eléments slaves dans le Roumain que vous avez l'obligeance de m'annoncer dans votre lettre”.

Миклошич вернул рукопись одновременно с письмом от 22 декабря 1871 г. (которое не сохранилось в архиве Одобеску), как явствует из письма писателя от 16 января 1872 г., в котором он благодарит венского ученого за новые брошюры и добавляет; „Votre liberalité à cet égard m'encourage, Monsieur, à vous demander de vouloir bien me faire part aussi des publications où vous aurez pu utiliser notre manuscrit de Bistritza. Je suis fort impatient d'avoir sur cette pièce, qui m'a paru, à moi profane, de quelque importance, l'avis du Doyen des slavissants de notre époque”.

В том же году, в журнале „Starine” (IV knjiga, Zagreb) вышла статья Фр. Миклошича, отдельный оттиск которой хранится в Библиотеке Румынской Академии: *Psaltir s tumačerjem pisan 1346 za Branka Mladenovića*, obznanio Dr. Fr. Miklošić (U Zagrebu, 1872, [II] + 34 стр., шифр: II. 108299): „Gospodin A. I. Odobescu u «Revista Română pentru științe, litere și arte», I, str. 703–742 – лаконично начинает он свой этюд – opisa četiri slovenska rukopisa iz manastira Bistrițe. Između njih učini se osobito tumačenipsaltir Branka Mladenovića dostojan da se potanko ispita. Dobroti gospodina prosvjete u Bukareštu i prijateljskoj potpori gospodina A. I. Odobescu imam zahvaliti što mogoh u Beču po volju proučiti rukopis” (стр. 1).

Следуют краткое описание рукописи и его языка, охарактеризованного как „srpsko-slavenski”, и запись писца, на основе которой Миклошич заключает: „Odatle izlazi da je psaltir pisao godine od stvorenja svijeta 6854, t.j. 1346 po našem brojenju, za Branka Mladenovića Joan Bogoslav u Borču, za vremena kralja, još ne cara, Stefana [Dušana] i sina mu kralja Uroša, iste godine, kad kralj Stefan osvoji gradove Kostur, Biograd i Kaninu. Što se tiče Branka Mladenovića, on je sim onoga Mladena, koji se javlja godine 1326 pod kraljem Urošem kao vojvoda (Monumenta Serbica, 85) a otac Vuka Brankovića, despota srpskoga, kao što se vidi iz spomenika od godine 1392, u kojem se Branko nazivlje sevastokrator (Monumenta Serbica, 223) ...” (стр. 1–2).

Эта *Толковая псалтырь*⁴⁴ была переведена, по словам Миклошича, „u X vijek, kao što pokazuje starost rukopisa u kojima se nalazi” (стр. 2): одна – XI века, в славяно-русской редакции (*Псалтырь митрополита Евгения*, фрагмент, 20 лл.), и две – среднеболгарские, XII-го (*Погодинская*) и XIII-го века (*Болоньская*)⁴⁵. Зато *Бистрицкая (Бухарестская) псалтырь* представляет сербскую редакцию, что дало повод венскому слависту частично воспроизвести ее и выявить ряд характерных черт в области графики, фонетики и лексики – слова, дополняющие его *Lexicon palaeoslovenico-graeco-latinum* (Vindobonae, 1862 – 1865): **всакогожде** **уловѣка** (ПС. 66, 7); **мѣста плана**, οί τόποι Πεδία (ПС. 131); stl]püsthna], Пврүоѳáреѳи (ПС. 121, 7) и многие другие (стр. 5–18).

„Pošto je A. I. Odobescu u raspravinaprijed spomenutoj već naštao osim uvoda 1. b- – 4.a. i psalm 136. s komentarom – продолжает знаменитый славист – , priopćujem ovdje za slaviste i za bogoslove nekokiko izvoda, i dodajem za ove druge nekoliko psalama s komentarom iz bečkoga rukopisa gr. theol. 311” (стр. 8–9) – именно псалмы 1, 2, 3, 8, 10, 17, 97, 103 (стр. 9–27).

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Таким образом, благодаря публикациям Одобеску и Миклошича *Псалтырь Бранко Младеновича* стала известной европейским славистам. Впоследствии она была широко использована учеником и „наследником” венского слависта – хорватским ученым Ватрославом Ягичем, ставшим также (в 1904 г.) почетным членом Румынской Академии⁴⁶. В результате долгого и скрупулезного труда, он напечатал в 1907 г. монументальное издание: **СЛОВЪНСКАЯ ПСАЛЪТЪРЬ**. Psalterium Bononiense, interpretationem veterem slavica cum aliis codicibus collatam, adnotationibus ornatam, appendicibus auctam. Adjutus Academiae Scientiarum Vindobonensis liberalitate edidit V. Jagić. Accedunt XIX specimina codicum, Vindobonae – Berolini – Petropoli, MDCCCXCVII, XII + 968 стр. + XIX табл.⁴⁷

„Editionis fundamentum posui duo codices, quorum supra mentionem feci [Bononiensem et Pogodinianum] – пишет венский славист в *Предисловии* –, sed extant praeterea duo alii optimaе notae libri, scripti medio seculo quarto decimo, Sofiensis Bulgaricae originis, Bucurestinus Serbicae quibus nequaquam supersedere mihi licuit. Alter societatis litterarum Bulgaricae Sofiensis, cui nomen est Българското книжовно дружество, alter Bucurestini ministerii institutionis publicae permissu meum in usu rara benevolentia Vindobonam missus est, ubi plus quattuor annos asservabantur” (стр. IX).

Печатаемая на двух колонках текст двух основных рукописей – Погодинской (слева) и Болоньской (справа), В. Ягич полностью сличил их с двумя остальными – Софийской и Бухарестской; в результате он регистрировал все лексические и грамматические варианты: „Сориа lectionum variarum, quam Sofiensis et Bucurestinus suppeditaverunt, magno fuit usui in adnotationibus, ubi omnes differentias Sofiensis vel Bucurestini diligentissime adnotavi praeter orthographicas, quas supervacaneum duxi commemorare” (стр. IX–X). Ряд вариантов из *Бухарестского кодекса*, ускользнувших от внимания в течение работы, был добавлен, после культурно-исторических и палеографических замечаний, в Appendix VI. De psalterio serbico anno MCCCXLVI scripto, hodie Bucurestino (стр. 830–838). Две красивые цветные снимки (табл. XVIII, л. 239, и табл. XIX, последний лист, с красной записью писца) дополняют сведения о *Бухарестской псалтыри Бранко Младеновича*.

В скором времени после выхода в свет внушительного издания, хорватский славист послал в знак признательности один экземпляр Румынской Академии: „От румынского посольства в Вене – отмечается в протоколе Академии от 26 марта 1907 г. – получена книга Psalterium Bononiense, подаренная г. В. Ягичем, почетным членом Академии; это – красивое издание Славянской псалтыри с комментариями, реализованное на основе трех рукописей⁴⁸, из которых одна, датированная 1346 г., хранится в настоящее время в Библиотеке Румынской Академии”⁴⁹.

Итак, в самом начале своего *нового периода* румынская славистика включилась в европейскую славистику благодаря исследованиям А. Одобеску⁵⁰. Он открыл, компетентно описал и великодушно способствовал дальнейшему изучению и частичному изданию рукописи, которая остается до сих пор одной из ценностей Библиотеки Румынской Академии, занимая важное место среди древнейших письменных памятников южных славян и являясь замечательным свидетельством их культурных и литературных связей с румынским народом на протяжении веков.

Примечания

1 Подробнее в нашем этюде: A. I. *Odobescu – cercetător al culturii și literaturii române vechi*, „Memoriile Secției de Științe Filologice, Literatură și Arte” (Academia Română), Seria IV, t. VI, 1984, București, 1985, p. 73–93; основные издания: A. I. *Odobescu, Scrieri literare și istorice*, vol. I–III, București, 1887; *Opere literare*, ediție critică ... de Scarlat Struțeanu, București, 1938; *Opere*, ed. îngrijită ... de Tudor Vianu, vol. I–II, București, 1955; *Opere, I. Scrieri din anii 1848–1860. Text critic și variante* de G. Pienescu, Note de acad. T. Vianu și V. Cândea, București, Editura Academiei Române, 1965; II. *Scrieri din anii 1861–1870. Text critic și variante* de Marta Anineanu, Note de Virgil Cândea, 1967; IV. *Tezaurul de la Pietroasa. Ediție îngrijită, introducere, comentarii și note* de Mircea Babeș. *Studii arheologice* de Radu Harhoiu și Gh. Diaconu, 1976; V. *Scrieri arheologice. Partea I. Studiu introductiv ...* de Alexandru Avram. Text stabilit ... de Marian Ciucă, 1989; VIII–XIII. *Corespondență. Text stabilit ...* de Nadia Lovinescu, Filofteia Mihai, Rodica Bichis, 1979–1996 (Цитаты воспроизводятся в основном по этому изданию, с указанием тома и страниц).

2 Основная библиография: G. Călinescu, *Istoria literaturii române de la origini până în prezent*, București, 1941, p. 303–309, 900–901 (ed. 2, rev. și adăug., îngrijită de Al. Piru, București, 1982, p. 343–358, 996–997); Șerban Cioculescu, Vladimir Streinu, Tudor Vianu, *Istoria literaturii române moderne* (1944), București, 1971, p. 116–123; D. Păcurariu, A. I. *Odobescu*, București, 1966; Nicolae Manolescu, *Introducere în opera lui Alexandru Odobescu*, București, 1976; Idem, *Istoria critică a literaturii române*, I, ed. revizuită, București, 1997, p. 257–279; Alexandru Odobescu interpretat de... *Antologie ...* de Rodica Pandele, București, 1976; Paul Cornea, *Odobescu Alexandru (Dicționarul esențial al scriitorilor români)*. Coordonatori: Mircea Zăciu, Marian Papahagi, Aurel Sasu, București, Editura Albatros, 2000, p. 586–590); Florentin Popescu, *Romanul vieții și operei lui Alexandru Odobescu*, Constanța, Ex Ponto, 2001.

3 *Junimea română din Paris pe la 1852* (*Opere*, I, ed. T. Vianu, București, 1955, p. 337).

4 См. Александру Одобеску, *Избранное*. Перевод с румынского Ю. Кожевникова, Москва, „Художественная литература”, 1984, стр. 5–64.

5 Внебрачная дочь (вместе с пятью братьями и сестрами) генерала Павла Киселева и Александрины Багратион, усыновленная дядей последней, Яковахе Прежбяну, поскольку родители не смогли венчаться по объективным причинам; см.: *Alexandru Odobescu și corespondenții săi*, ediție de Filofteia Mihai și Rodica Bichis, București, Minerva, 1984, p. 13; Florentin Popescu, *Romanul...*, p. 100–117.

6 Бывший преподаватель рисования и художник в г. Сибиу, приехавший в Бухарест в 1851 г.; см.: Ion Frunzetti, *Arta românească în secolul XIX. Cuvânt înainte* de Dan Grigorescu, București, Editura Meridiane, 1991, p. 276–287.

7 *Opere*, VIII, p. 204.

8 См.: *Opere*, II, 1967, p. 644–648; Geo Șerban, *Cronologia vieții și activității lui Odobescu* (Al. Odobescu, *Pagini regăsite*, București, EPL, 1965, p. 299–407); Fl. Popescu, *Romanul ...*, p. 105–117.

9 *Opere*, II, p. 381–408, 641–666.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

10 Там же, стр. 423–434, 672–674.

11 Там же, стр. 411–422, 667–671.

12 Там же, стр. 423–425.

13 См. там же, стр. 667.

14 См.: Stancu Ilin, *Revista română (Reviste literare românești în secolul al XIX-lea, sub îngrijirea și cu un cuvânt înainte de Paul Cornea, București, Minerva, 1970, p. 105–159); Gabriela Drăgoi, Odobescu Alexandru; Revista română (Dicționarul literaturii române de la origini până la 1990, București, Editura Academiei, 1979, p. 637–643, 734–735; См. переиздание: Editura Academiei Române – Editura Gunivas, București – Chișinău, 2002, p. 653–658, 755).*

15 Opere, II, p. 110–184, 538–548. В конце введения, перепечатанного самим А. Одобеску в *Scrieri literare și istorice* [I, București, 1887, p. 334–348: *Despre odoarele, manuscriptele și cărțile cflate în mănăstirea Bistrița (Districtul Vâlcea în România)*], его сотрудник (вероятно, G. Ionescu-Gion) добавил специальное примечание, из которого мы позволим себе воспроизвести здесь в переводе небольшую часть:

„Среди археологических работ г-на Одобеску, относящихся к румынским монастырям, следует упомянуть статью о старых церковных пеленах из восточно-европейских стран, обращая внимание особенно на „Воздух” от русского Тихвинского монастыря, датированной 1601 г. Долгое время он хранился в монастыре Бистрица, откуда он был привезен в Бухарестский Национальный Музей, вместе с большинством старых предметов, зарегистрированных г. Одобеску в своих исследованиях 1860 и последующих годов. Эта статья была напечатана только в русском переводе [с французского] и с иллюстрациями в периодическом издании Московского археологического общества, озаглавленном *Древности* за 1874 г., стр. 1–36: *Воздух с вышитым изображением положения Спасителя во гроб, пожертвованный 1601 г. в русский Тихвинский монастырь и найденный в Бистрицком монастыре в Валахии*. – В этой статье автор описывает, объясняет и сравнивает большое количество эпитафий и других старых церковных вышивок, которые хранятся в монастырях Валахии (Țara Românească), Молдавии и Буковины, а также в старых лаврах Афонской горы. Это – интересная статья о живописи с иглой или религиозных вышивках, широко распространенных во всем христианском Востоке. Данная живопись перешла от древних византийцев к грекам, попавшим под турок, к сербам, румынам из обоих Княжеств, к русским, грузинам и армянам. Каждый из этих народов придал особый колорит творениям этого искусства, практикованного специальными ремесленниками (*seidicari, searparazari*), а также женщинами, происходившими из высших имущих классов” (Текст примечания был перепечатан в: Opere, II, p. 540–542: Variante; оттиск исследования А. Одобеску из журнала „Древности. Труды Московского археологического общества”, 4, 1874, стр. 1–36 + III табл., хранится в Библиотеке Румынской Академии: III. 99749).

16 Opere, II, p. 112; см. стр. 411–422, 429–434, 667–674.

17 См. наш этюд: *Originalul slavon al „Învățăturilor” și formația culturală a lui Neagoe Basarab (Învățăturile lui Neagoe Basarab către fiul său Theodosie, ediție de Florica Moisil, Dan Zamfirescu și G. Mihăilă, București, Editura Minerva, 1970, p. 66–*

75).

18 См.: А. И. Яцимирский, *Славянские и русские рукописи румынских библиотек* (Сборник ОРЯС, т. LXXIX), СПб., 1905, стр. 345–350, P. P. Panaitescu, *Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei R.P.R.*, vol. I, București, Editura Academiei, 1959, p. VII, 300–302.

19 В 6854 (1346) году индикт был 14.

20 Одобеску читал Bogoslov[, но уже Фр. Миклошич воспроизвел правильную форму (см. ниже).

21 Стефан Душан (1331–1355 гг.).

22 Л. 410 а–б (последний; при механическом нумерации был пропущен один лист после л. 249: он должен носить цифру 249 bis).

23 См. ниже, 4-ый параграф об исследованиях Фр. Миклошича и В. Ягича, посвященных этой знаменитой рукописи, при содействии самого А. Одобеску.

24 См.: P. P. Panaitescu, *Manuscrisele ...*, p. 357–358.

25 См.: Elena Lința, Lucia Djamo-Diaconiță, Olga Stoicovici, *Catalogul manuscriselor slavo-române din București*, Tipografia Universității din București, 1981, p. 22 – 24 (L.D.- D.).

26 Миниатюра была воспроизведена в книге: V. Brătulescu, *Miniaturi și manuscrise din Muzeul de artă religioasă*, București, 1939, p. 77, pl. XXXII.

27 См. например: *Liturghierul lui Macarie. Cu un studiu de P. P. Panaitescu și un indice de Angela și Alexandru Duțu*, București, Editura Academiei, 1961.

28 См. издания Б. П. Хашдеу (*Psaltirea publicată românește la 1577 de diaconul Coresi*, Tomul I. Textul, București, 1881) и Стелы Тома (*Stela Toma: Coresi, Psaltirea slavo-română (1577), în comparație cu psaltirile coresiene din 1570 și din 1589*, București, Editura Academiei, 1976), а также: *Coresi în cultura românească. Culegere de studii și cercetări* („Cumidava”, XIII, Brașov, 1983; Ion Gheție – Al. Mareș, *Diaconul Coresi și izbânda scrisului în limba română*, București, Editura Minerva, 1994; G. Mihăilă, *Între Orient și Occident. Studii de cultură și literatură română în secolele al XV-lea – al XVIII-lea*, București, Editura Roza Vânturilor, 1999, p. 236–291.

29 Монастырь, находящийся недалеко от Бухареста, на острове в озере Снагов; см.: Ореге, II, p. 191–236, 570–593; сокращенный русский перевод: *Несколько часов в Снагове*, в сб. А. Одобеску, *Избранное*, стр. 191–235.

30 См. русский перевод: *Псевдокинегетикос, или Лжестрактат об охоте (там же*, стр. 65–188). Интересны размышления известного русского литературоведа и переводчика Ю. Кожевникова об этом единственном в своем роде произведении в послесловии, озаглавленном *Александр Одобеску – писатель и ученый* (стр. 217–255), из которого мы позволим себе цитировать следующие синтетизирующие характеристики: „Дело в том, что *Псевдокинегетикос* знаменует собой завершение бурного периода формирования румынского литературного языка. Окончательно оформившимся этот язык предстает в творчестве Эминеску (1850–1889), но Одобеску с его *Лжестрактатом* – непосредственный предшественник великого поэта” (стр. 253). И далее: „Но *Лжестрактат об охоте* не только теоретический трактат по эстетике и практический трактат о языке, это еще и своеобразная энциклопедия искусств, которая, несмотря на всю свою неполноту и

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

бессистемность, все же выполняет роль воспитателя вкуса и дает определенные сведения о самых разных видах искусств, бытовавших в различные времена у различных народов, что также являлось целью автора-просветителя, весьма ревностно пекущегося о народном образовании во всех его видах” (стр. 254).

31 „Эти два издания (1862 и 1887 гг. – прим. н.) очень близки друг к другу – писали издатели II тома *Сочинений* 1967 г. (Opere, II, 570 – 571) –; Одобеску представил с самого начала текст хорошо стилизованный и построенный, который не нуждался в значительной переработке к переизданию в 1887 г. Однако автор практически сокращает текст за счет надписей на славянском языке, также как он поступил и с другими текстами, переизданными в 1887 г. ” В академическом издании они воспроизводятся в разделе *Варианты* (Variante, p. 572–580), так что специалисты вынуждены искать их здесь.

32 Șerban Cioculescu, Vladimir Streinu, Tudor Vianu, *Istoria literaturii române moderne*, p. 119–120.

33 Занятия А. Одобеску *Кладом из Пьетроасы* начались именно летом 1861 г.; первое его публичное выступление было в „Académie des inscriptions et belles-lettres”, в Париже, 1 и 8 декабря 1865 г., под названием: *Notice sur le Trésor de Pétrossa découvert en Roumanie et conservé au Musée National de Bucarest* (Opere, IV, p. 6–8).

34 Это „письмо” только по форме следовало бы включить во II том Opere, а не в VIII том (*Corespondență*, p. 200 – 203).

35 БРА: П. 108659 – три печатных листа (32 стр.) проектированного издания по рукописи 2470, написанной по всей вероятности писцом Фота, как и рук. 508 (см.: Dan Horia Mazilu, *Varlaam și Ioasaf. Istoria unei cărți*, București, 1981, p. 90–113, 145).

36 Opere, VIII, p. 278–281. О культурной деятельности ученого логотета см. монографию: D. H. Mazilu, *Udriște Năsturel*, București, 1974. Издание А. Одобеску носит название: *Pravila bisericească, numită cea mică, tipărită mai întâi la 1640 în mănăstirea Govora, publicată acum în transcripțiune cu litere latine de Academia Română*, București, 1884.

37 См.: Opere, II, 1955, p. 308–312; *Istoria arheologiei, I. Antichitatea. Renașterea, ediție îngrijită ... de D. Tudor*, București, 1961, p. 323–325.

38 См. наш этюд: *Alexandru Odobescu – editor de literatură română veche*, „Viața românească”, LXXXI, 1986, nr. 1, p. 48–62; nr. 2, p. 1–13.

39 *Din legăturile lui Fr. Miklosich cu A. I. Odobescu, B. P. Hasdeu și Ioan Bogdan*, Rsl, XII, 1965, p. 235–239 + 2 факсимиле; см. также наше сообщение: *Место Фр. Миклошича в славяно-румынской филологии*, в сб. *Miklošičev zbornik*, Ljubljana (Slovenska Akademija Znanosti in Umetnosti v Ljubljani – Univerza v Ljubljani – Univerza v Mariboru), 1992, стр. 379–392 (воспроизведено в книге: *Langue et culture roumaines dans l'espace sud-est européen. Румынский язык и литература в Юго-Восточной Европе*, București, Editura Academiei Române, 2001, p. 553–563).

40 Dim. Păcurariu, *Corespondență inedită: Al. Odobescu, B. P. Hasdeu*, „Revista de istorie și teorie literară”, t. 17, 1968, nr. 3, p. 409 – 505 (Österreichische Nationalbibliothek, Autogr. 137/20); Idem, *Tradiții ale culturii românești la Viena (Comunicările „Hyperion”. Filologie*, 11, București, Editura Victor, 2002, p. 3–35:

письма А. Одобеску к Фр. Миклошичу, стр. 11–20).

41 Возможно все-же в октябре 1865 г., когда Одобеску отправлялся в Париж с официальным заданием (см.: Geo Șerban, *Cronologia...*, p. 330–331; Fl. Popescu, *Romanul ...*, p. 134–137).

42 Фр. Миклошич послал А. Одобеску свою работу, о чем мы узнаем из письма последнего от 21 ноября того же года (см. ниже, а также: *Langue et culture roumaines ...*, p. 583–584).

43 Книга *Alexandru Odobescu și corespondenții săi* не содержит никаких писем от Фр. Миклошича.

44 Толкования (комментарии) к *Псалтыри* принадлежат Гесихию Ерусалимскому (V в.), как установил В. Ягич (см. ниже).

45 См.: *Slovník jazyka staroslovenského. Lexicon linguae palaeoslovenicae*, I, hlavní redaktor J. Kurz, Praha, Academia, 1958–1966, p. LXIV.

46 См.: „*Analele Academiei Române*”, Seria II, t. XXVI, 1903 – 1904, Partea adm. și dezb., p. 190–192; Ioan Bogdan, *Scrieri alese, cu o prefață de Emil Petrovici, ediție îngrijită ... de G. Mihăilă*, București, Editura Academiei, 1968, p. 590–591, 692): [*Vatroslav Jagić*]. Избрание состоялось по предложению его ученика и друга И. Богдана, подписанному также Б. П. Хашдеу, Гр. Г. Точилеску, И. Биану и др. Коротко представив разностороннюю деятельность известного хорватского филолога в Загребе, Одессе, Берлине, С.-Петербурге и Вене – где И. Богдан слушал его лекции в 1887–1888 гг. –, румынский славист подчеркивал в докладе, прочитанном в Румынской Академии 23 марта 1904 г.:

„В 1876 г. он основал [в Берлине] первый европейский журнал по славянской филологии: «*Archiv für slavische Philologie*» (...). Начиная с 1864 г., когда он напечатал первый свой научный труд, проф. Ягич развернул в течение 40 лет по сей день поразительную деятельность во всех отраслях славянской филологии (...). Академические издания Загреба, Белграда, Петербурга, Вены и основные славистические журналы почти всех славянских стран полны его исследованиями, всегда глубокими и оригинальными”.

Особое внимание обращал венский славист к румынской филологии и ее связям с славянской филологией: „Очень важным для нас является тот факт, что профессор Ягич, хотя и не занимался специально румынским языком, как покойный Миклошич, с интересом следил за достижениями румынской филологии и отмечал их в «Архиве» каждый раз, когда появлялся случай. В своих исследованиях и рецензиях, а также на лекциях он всегда обращал внимание славистов на тот интерес, который представляет для них изучение румынского языка, литературы и истории. Вслед за А. Веселовским, он является в настоящее время вторым славистом, который неоднократно подчеркивает значение румынской культуры прошлого для познания всей Восточной Европы”.

Переписку В. Ягича с И. Богданом, в частности в связи с рукописью *Псалтыри Бранко Младеновича*, подробно прокомментировал И. Лупаш в академическом сообщении: I. Lupaș, *Ioan Bogdan în lumina unor fragmente din corespondența sa*, отдельный оттиск из „*Analele Academiei Române*”, *Memoriile Secției Istorice*, Seria III, t. XXVII, 1944–1945, p. 171 – 183 (19–31); см. также: N. Iorga, *Oameni care au*

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

fost, vol. II, București, 1967, p. 203–204.

47 В переписывании текстов В. Ягичу помог, рядом с другими, Е. Козак, будущий профессор славистики в Черновицком университете.

48 На самом деле, четыре.

49 A.A.R., Seria II, t. XXIX, 1906–1907, Partea adm. și dezb., p. 145; шифр книги в Библиотеке Румынской Академии: III. 7634. В последнее время *Болонская псалтырь* была переиздана фотографским способом со вступительной статьей акад. Ив. Дуйчева: *Psalterium Voyniense. Болонски псалтир*, София, 1968; *Погодинская псалтырь* была подробно описана Климентиной Ивановой: *Български, сръбски и молдо-влахийски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин*, София, 1981, стр. 23–31 и табл. I, на стр. 497.

50 См.: *Langue et culture roumaines ...*, p. 501–532.

**Du “sacré” au “profane”
dans l’évolution sémantique
(sur les slavonismes roumains)**

Mihai Mitu

Parmi les plus significatifs évolutions sémantiques, c’est celle du “sacré” au “profane”. Ces deux notions situés pratiquement en opposition, se confondent même à la dynamique de l’évolution de la mentalité et du comportement humain par rapport à l’environnement. La langue, le parler, comme réflexion de la réalité environnante, représente le plus important déposition des résultats de ce type d’évolution. La riche littérature du sujet, accumulée le long des années, nous offre deux aspects complémentaires : *d’une part*, les historiens de la culture et de la civilisation, des religions, les ethnopsychologues, les anthropologues, les folkloristes qui ont analysé, chacun de son point de vue, l’évolution de la mentalité humaine, dans le contexte de la dichotomie “sacré”/“profane”, ils ont tous fait appel aux multiples et variés exemples offerts par le vocabulaire (D. Drăghicescu, M. Eliade, P. P. Panaitescu, R. Vulcănescu, C. Noica); *d’autre part*, les philologues, les linguistes qui ont étudié ces deux notions, comme expression bipolaire de l’évolution sémantique, ont cherché et souvent ont aussi trouvé des explications extralinguistiques dans les résultats des recherches de leurs confrères nonlinguistes (L. Șăineanu, Anca Irina Ionescu).

L’opposition “sacré”/“profane”, à laquelle M. Eliade a spécialement consacré son ouvrage *Le sacré et le profane* (1956, éd. roum., 1992), est un anneau d’une chaîne qui commence, en fait, par “le profane”. L’essentiel mobile du passage du “profane” au “sacré” a été *le pouvoir*: “Le sacré est équivalent au pouvoir”, dit Eliade (p. 14) qui donne l’exemple de la pierre, considérée sacré, lorsqu’elle prouve son pouvoir de guerrier. Le profane a commencé à avoir des connotations sacrées lorsque l’objet qu’il représentait avait prouvé son pouvoir, son ascendant sur l’homme, quand l’action qu’il exerçait dépassait sa capacité de la comprendre. *Homo sapiens* est devenu *homo religiosus* au moment où il mit au crédit d’une force surnaturelle les phénomènes de la nature qu’il ne pouvait pas les expliquer. Plus tard, le long du développement de la société humaine, dans le processus de diversification, toujours plus accentuée, des langues, dans les conditions spécifiques de diverses communautés humaines, certains mots, surtout les emprunts (mais pas seulement) ont été soumis à une “désacralisation”, ils sont redevenus profanes, mais, souvent à *un autre sens profane que l’initial*. Une pareille direction peut être suivie, dans le contexte de la sémantique historique; par exemple, pour IE *svantás* (cf. védique *çvantas*), qui initialement signifiait “étincelant, florissant”, avait plus tard modifié son sens, dans le latin et le slave commun: lat. *sanctus* “saint, sacré”, sl. com. *svętъ* “sacré”, mais aussi “inviolable, vertueux, propre (moral)” considérant que “le resplendissement, l’épanouissement” sont propres au pouvoir divin, possesseur de la lumière, comprise comme le symbole de la propriété, de la pureté. Dans le passage du slave

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

au roumain, v sl. *svęty* > rom. *sfânt*, gardant encore son sens de “sacré”, le mot commencé à développer de nouveaux sens profanes, plus familiers: “parfait, effrayant, terrible” (comme dans l’expression *o sfântă de bătaie* - “un sacré coup”) tout en conservant le sens de “pur, innocent” dans la poésie (Eminescu, Goga), tandis que du lat. *sanctus*, en roumain on a les formes populaires *sân* (*sânt*) au sens unique “sacré” dans les formules: *Sângeorgiu, Sânziene, Sântana*.

A notre connaissance, à part le travail – devenu classique – de L. Șăineanu, dans lequel on trouve un chapitre spécialement consacré au *Christianisme et la langue* (ed. 1999, p. 43 – 109), suivi d’autres suggestives références à des exemples du lexique religieux roumain (trouvés partout dans le travail, p. 112-141; 157-159, 178-257) on ne trouve aucune autre préoccupation – au moins à intention déclarée – dans le domaine de l’évolution sémantique des termes religieux de la langue roumaine. Les ouvrages lexicographiques – par leur nature – ne font qu’enregistrer, chronologiquement, les sens de différents mots, sans essayer de donner des explications (DA y fait exception; on y trouve souvent de vraies microétudes étymologiques élaborées par S. Pușcariu). Ils sont, sans doute, particulièrement utiles, grâce à la richesse des attestations.

Des listes de slavonismes (y compris religieux), accompagnées de l’explication de l’étymon et du sens, on en trouve, aussi dans des ouvrages d’histoire de la langue roumaine, contenant parfois des explications (O. Densusianu, S. Pușcariu, Al. Rosetti, G. Ivănescu), mais plus détaillées dans les ouvrages des slavistes (G. Mihăilă, E. Vrabie, V. Vascenco) qui ont repris ce problème, abordé depuis longtemps par F. Miklosich, par de nouveaux exemples et par des tentatives d’analyse plus profonde, aussi que d’autres ouvrages de référence (H. Mihăescu).

Les dernières années, la terminologie religieuse (d’origine latine ou slavonne) a fait l’objet de certaines études (G. Chivu; F. Király, Maria Király et Valeria Nistor; Liviu Onu; Viorica Goicu). Particulièrement utiles, pour le linguiste, chercheur de la terminologie religieuse roumaine, il y a certains dictionnaires mythologiques récemment parus (I. Evseev, I. Ghinoiu, I. Taloș, Antoaneta Olteanu etc.).

D’une grande importance théorique et méthodologique pour l’histoire du vocabulaire roumain d’origine slave, il y a la délimitation faite entre les termes d’origine ancienne sud-slave (entrés à voie orale) et ceux d’origine slavonne (entrés à voie livresque).

On peut ainsi fortement souligner, comme une réalisation fondamentale de la lexicographie roumaine, la mention spéciale dans le DLR (à partir de la fasc. 7 de la lettre M) du caractère vieux-slave ou slavon de l’étymon proposé pour un mot roumain de cette origine.

La distinction effectuée, chez nous, pour la première fois, il y a près de deux siècles, par I. Budai-Deleanu (1818), a été reprise par de nombreux linguistes (commençant par B.P. Hasdeu et I. Bogdan), pour trouver sa précise consolidation théorique dans les études de G. Mihăilă et sa reconnaissance comme une bonne acquisition de la science roumaine, dans des ouvrages tels que *l’Encyclopédie de la langue roumaine* (2001, p. 526-527, article signé par M. Sala). Dans ces conditions, le postulat lancé dès 1960 par G. Mihăilă et suivi à chaque occasion dans les ultérieures études, est devenu, on pourrait le dire, la

Pierre de touche de n'importe quelle étude roumaine de sémantique historique et d'étymologie roumaino-slave.

L'étude présente se proposant de s'arrêter sur l'évolution du "sacré" au "profane" sur les slavonismes de la langue roumaine, il faut absolument considérer plusieurs aspects:

1. Le domaine de prédilection de cette étude reste *la terminologie religieuse* de la langue roumaine, dans laquelle, la première couche chronologiquement parlée est cette *d'origine latine* ("le peuple roumain est né chrétien"). En grande partie, cette première couche n'a pas souffert de spectaculaires évolutions sémantiques: à peu d'exceptions, les mots d'origine latine, qui représentent des notions religieuses fondamentales (*Dumnezeu* "Dieux", *biserică* "église", *cruce* "croix" etc.) sont restées les mêmes à leur sens initial, noble, accompagnées du respect dû, des parleurs, ce sens étant même consolidé par des expressions phraséologiques d'une grande expressivité et popularité: *a nu avea nici un Dumnezeu* (n'avoir ni rime, ni raison; n'avoir ni queue, ni tête), *a nu fi uşă de biserică* (n'être pas plier d'église), *a-şi face cruce* (faire le signe de la croix, s'étonner, s'émerveiller). Même les dérivés tels que: *bisericuţă* "petite église", *părinţel* "petit curé" ne vont pas altérer le sens du mot initial, tous les deux étant des diminutifs hypocoristiques, légèrement familiers. Le sens de "cotérite" du mot *bisericuţă* est assez nouveau (XX-è siècle), probablement développé sous l'influence du fr. *clocher, paroisse* (selon DA).

2. Le caractère plus profond, plus spectaculaire de l'évolution sémantique des slavonismes, par rapport aux mots de base d'origine latine, comporte de diverses et multiples explications tenant des causes plus générales qui peuvent aussi être rencontrées dans la culture d'autres peuples, mais aussi de causes spécifiques roumaines:

- l'étroite relation du peuple roumain à la réalité matérielle immédiate, fait que la plupart des évolutions sémantiques soit rattachée au milieu naturel du village, de la terre;
- la réceptivité de l'orthodoxie roumaine aux éléments mythologiques préchrétiennes, païennes, due au respect de la tradition, des coutumes et à l'exemple des précurseurs;
- l'hospitalité proverbiale du paysan roumain; fait qui a accentué l'esprit de tolérance religieuse;
- le caractère profondément populaire, plus profane de l'orthodoxisme, en général, et roumain, en particulier, manifesté dans le plus divers domaines de la vie spirituelle: dans l'art populaire (figures de Saints "humanisés" sur les parois des églises), dans le folklore (des légendes et des contes bleus où Dieu et des Saints se mêlent parmi les hommes ayant des préoccupations humaines);
- l'inclination vers le ludique, l'ironie, vers la poésie et la métaphore qui ne manque pas, ni dans certains éléments de la vie religieuse (voir les anecdotes populaires dans lesquelles certains curés apparaissent dans une lumière assez humoristique);
- l'attitude plus ou moins formelle, dans une grande mesure sceptique, face à la religion, comme doctrine, fait qui justifie aussi l'absence du fanatisme, de dévouement aveugle à l'égard des choses saintes;
- la réception, le long des siècles, des mots employés de la pratique

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

écclésiastique prononcés dans une langue étrangère inconnue – le slavon – fait qui a accentué une attitude plus ou moins réservée vis-à-vis de la religion, sa réduction à un fait rituel, habituel, passible de “dégradation” tel que n’importe quelle activité humaine;

- l’expressivité plus accentuée du slavonisme, que le mot étranger emprunté (fait généralement reconnu dans l’histoire du vocabulaire) dans les conditions de sa répétabilité dans la pratique du culte.

Dans l’analyse de la direction de l’évolution sémantique des slavonismes roumains, il faut, dès le début, faire une délimitation, absolument nécessaire:

- *les slavonismes cultes, créations personnelles des écrivains classiques*, issue du besoin d’enrichissement du lexique des traductions, ou de leurs œuvres originales (Varlaam, Dosoftei etc.). La plupart d’entre eux se retrouvent seulement dans les ouvrages religieux de l’époque (certains sont même des “happax”) sans avoir développé d’autres sens que celui original du slavon, et sans être plus tard employés (ex. chez Dosoftei: *cetverodvoită, inoplemenic, blagodetelstvui, bogonoseț*, cf. des attestations uniques, dans les DA et DLR).

- *les slavonismes usuels, entrés depuis longtemps dans la langue roumaine* (certains dès l’époque du contact du roumain commun et du vieux slave, d’autres de la période immédiatement suivante de la pratique du culte orthodoxe chez les Roumains dans cette langue, jusqu’au XVII-ème siècle): *duh, rai, iad, sfânt* etc. (d’origine vieux-slave ou slavonne) ou *aghiazmă, cfurisit, canon, filosc, icoană, zăzanie* etc. (d’origine grecque, par l’intermédiaire du slavon).

Une autre délimitation, concernant les slavonismes, absolument nécessaire pour mieux définir la valeur et l’intensité de l’évolution sémantique du “sacré” au “profane”, c’est celle qui fait la distinction entre “*nomina sacra*” *proprement dits* (y compris les noms propres bibliques, les noms de saints ou des toponymes) et les mots soi-disant “*techniques*” (certains même laïques, profanes) employés surtout dans l’église, prononcés par le prêtre ou d’autres personnes qui participent au service divin, bien liées à la pratique religieuse courante, fait qui leur confère “une auréole sacrée”. Ces derniers mots, grâce à leur fréquent emploi, ont atténué leur “sacralité”, celle initiale ou acquise, devenant, d’habitude par l’extension du sens ou par la métaphorisation, des mots tout-à-fait profanes, communs. Le nouveau sens profane, dépourvu de sacralité, semble souvent très évident, à peine dans une expression phraséologique. Généralement, la synonymie au terme équivalent d’origine latine, surtout quand il garde ordinairement son sens initial, neutre, met fortement en évidence le nouveau sens profane du terme d’origine slavonne.

Parmi les nombreux mots religieux d’origine slavonne, employés aussi au sens profanes (rencontrés parfois jusqu’aujourd’hui), les suivants nous paraissent les plus suggestifs:

I. Notions fondamentales de la religion chrétienne

- **duh** “esprit”, “être surnaturel”, l’une des trois hypostases de la trinité divine du christianisme, (< slavon. ДУХЪ) possède une polysémie et une phraséologie très riches: “âme, esprit (d’un être vivant)”; “capacité intellectuelle, raison, intelligence, humour, esprit”: *om de duh* (“l’homme d’esprit”), *plin de duh* (“plein

d'esprit, fin, intelligent"), *sărac cu duhul* ("bête, niais"); "caractère, naturel, tempérament": *cu duhul blândeții* ("avec douceur, par la persuasion"); "trait caractéristique, spécifique".

- *rai* "paradis" (< slavon. РАИ), par extension du sens, "lieu, pays enchanteur, bel endroit dans la nature": *pe-o gură de rai* ("beau paysage"); *colț de rai* ("coin de paradis"); *raiul pe pământ* ("le paradis sur terre"); "lieu où l'homme se sent très bien, dans lequel il ressent une grande satisfaction spirituelle". L'idée d'utilité, d'efficacité d'une punition est suggérée par l'expression *bătaia e ruptă din rai* ("la correction est sainte comme le paradis").

- *arhanghel* "l'archange" – 'le chef des anges' (< slavon. АРХАНГЕЛЪ < gr.) a aussi le sens de "fouet, martinet" (euphémique), avec sa variante populaire *aranghel*, dans l'expression *Șfântu' aranghel* ("le Saint Archange"), expliquée par Ciorănescu 396 par le fait que la verge qu'on utilisait à punir les écoliers indisciplinés était, d'habitude, gardée derrière l'icône des Saints Archanges Michel et Gabriel (équivalent en français au *martin-bâton*).

II. Esprits et lieux maléfiques

- *diavol* "diable" (< slavon. ДИАВОЛЪ < gr.), mais aussi "enfant (homme) insolent, tapageur, espiègle"; fam. *diavoliță* "diabliesse", "fille vive, pleine de charme".

- *satană* "Satan" (< slavon. САТАНА), 'diable, le chef des diables'; esprit impur et, à une nuance ironique, épithète employé pour 'une personne insupportable, perfide, méchante'.

- *antihrist*, pop. *antihârț* "antéchrist" (<slavon. АНТИХРИСТЪ < gr.), du sens "d'ennemi de Dieu, Satan, l'hérétique", en roumain on a aussi développé des nuances dépréciatives, ironiques "personne hors la loi, escroc, homme de rien".

- *Scaraoțchi* "Satan" (< slavon. (И)СКАРНОТСКИ 'Judas Iscariote'), sens exclusivement populaire roumain qui vient de Judas Iscariote, comme personification du mal.

- *iad* "enfer" (< slavon. ИАДЪ < gr.) 'lieu de pénitence et de souffrance pour les pécheurs, après la mort', mais aussi figuré pour n'importe quel lieu de souffrance dans cette vie; bruit assourdissant; ténèbres (attributs de l'enfer).

- *iudă* "Judas" (< slavon. ИЮДА < gr.; DA II, 919 ajoute aussi le sens du bg. *juda* "personne méchante, chien; fée aquatique méchante"). Parmi les apôtres de Jésus, le seul ayant un rôle négatif, Judas, a été depuis longtemps retenu comme tel par le peuple. Chez nous il a aussi les sens de: "usurier, traître, personne méchante, infâme; esprit impur, porteur des vents; enfant insolent"; même argotique "agent de police" (cf. Ciorănescu 4541).

- *idol* "idole, statue (païenne), divinité païenne" < slavon. ИДОЛЪ, dans le passé ayant, dans les écrits religieux, de nombreux dérivés, aujourd'hui, au sens figuré de "personne qui constitue l'objet d'un culte" et fam., "diable", par extension, "personne mauvaise".

- *lighioană* "bête sauvage" (< slavon. ЛЕГЕОНЪ, cf. ESJS, 406), qui vient du sens de "légion des diables" (dans la *Bible*), conservé dans le vieux roum. *legheon*, il est devenu, sur le modèle du pl. *legheoane* au sing. *lighioană*, "animal repoussant, dégoûtant".

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

III. Noms de saints

- *sfânt* “saint” (< vsl. **СВѦТЪ**). Mot à étymologie vieux-slave en roumain, mais qui, grâce à sa grande fréquence dans la période slavonne, il est resté en roum., non seulement à ses sens religieux, sacrés fondamentaux, “céleste, divin; icône représentant un saint”, mais, plus tard, il a aussi développé d’autres sens profanes: 1. “épithète donné aux jours de la semaine, comme une personnification, dans les croyances populaires (*Sainte Vendredi, Sainte Dimanche*)”; 2. “qui impose du respect, de la vénération, intangible, inviolable”; 3. “parfait, formidable, terrible” (l’idée de superlatif absolu); 4. “innocent, pur”, présent dans beaucoup d’expressions familières (*Ferit-a Șfântul* – “Dieu m’en garde, jamais de la vie” *a se jura pe toți sfinții* - “jurer ses grands dieux”, *a avea sfinți la Ierusalim* - “jouir d’une protection imméritée”, aussi que dans les dérivés < slavon. **СВѦТИТИ**: *a sfinți* (sanctifier), *sfințire* (sanctification), *sfințenie* (sainteté), *sfințit* (sacré, béni) et *asfinți* (les astres – se coucher), *asfințit* (coucher du soleil), mais aussi le sens figuré “a merge spre declin, decădere” (coucher, declin), “a merge spre întuneric, a pieri lumina” (“après le coucher du soleil”), “Apus, Occident” (Ouest, Occident).

- *moaște* “reliques” (< slavon. **МОЩИ**), seulement aux pluriel (DAR VI 759-760; Mihăilă, *Studii*, 128), “les ossements mumifiés du corps d’une personne considérée sainte”, acquit un autre sens, moins sacré dans l’expression *a plimba pe cineva ca pe sfintele moaște* “faire de mouvements inutiles”) ou, plus rarement, *a avea rude printre moaște* (“être de noble extraction”).

IV. Les mots concernant l’hierarchie ecclésiastique, la plupart visant les supérieurs de l’église, comme *patriarh* (patriarche), *mitropolit* (métropolit), *episcop* (évêque), *arhiepiscop* (archevêque), *arhieru* (prelat), *protopop* (archiprêtre), *arhidiacon* (archidiaque), tous d’origine slavonne, n’ont pas connu une évolution sémantique.

Le plus familier des mots à grande diffusion, c’est *popă* “pope, prêtre, curé” (< slavon. serb. **ПОПА**). A l’exception de son synonyme d’origine latine, *preot* “prêtre” (< lat. *praesbiter*, DLR VIII, 1320), qui a depuis toujours gardé son sens initial jusqu’à nos jours, plein de noblesse, de respect envers “le représentant du Dieu sur terre”, le slavonisme *popă* (pope, curé) est un mot familier, populaire, qui désigne le prêtre roumain de la campagne, peu instruit, généralement issu de ses concitoyens, obligatoirement marié (conformément aux canons orthodoxes) et, hors l’église, une personne comme les autres, travaillant sa terre comme ses voisins, soumis à tous les péchés humains. Par conséquence, *popă* (à l’exception du *preot*) ne manque jamais du riche folklore humoristique roumain (devinettes, blagues, anecdotes), de la phraséologie et de la sémantique roumaine. Par rapport à une colonne et demie consacrée au mot *preot*, DLR VIII consacre à *popă* presque quatre colonnes (p. 1034-1036); le premier sens étant déjà “populaire et familier” (chez Coresi, XVIe siècle), à une très riche et plastique phraséologie et parémiologie: *a da ortu popii* “mourir” (textuellement, *donner d’argent au pope*); *a se duce buhul ca de popă tuns* “il est connu comme un loup blanc” (textuellement, *il e connu comme un pope avec les cheveux et la barbe coupés*, c’est-à-dire contrairement à l’orthodoxie, dans laquelle les prêtres

sont obligés de porter de la barbe et de la moustache); *a se uita la cineva ca dracul la popă* “regarder qqn. de travers, méchamment” (textuellement, *regarder qqn. comme le diable regarde un pope*); *a fi botezat de un popă beat* “être fou” (textuellement, *être baptisé par un curé ivre*). L’une des figures du jeu de cartes s’appelle “le roi” ou „le pope”, d’où l’expression: *uite popa, nu e popa* (*c’est tantôt Pierre, tantôt Paul*), employée pour une personne qui fait des supercheries. Toujours *popă* s’appelle la pièce la plus grande des quilles, la personne qui lance la balle au jeu “oina” (jeu de balle roumain). En Moldavie, les jours maigres s’appelle *de popă* (“du pope”); on appelle aussi *popă* une espèce de poisson, certains insectes et plantes. Dans la botanique populaire, des nombreuses plantes contiennent le mot *popă* dans leur nom, comme résultat d’une métaphore: *barba popii* (la barbe du pope) ‘*Aruncus vulgaris*’; *boașele popii*; *desagii popii* (les testicules du pope) ‘*Aristolochia clematitis*’; *ciucurul popii* (le pompon du pope) ‘*Tripholium pratense*’; *ouăle popii* (les œufs du pope) ‘*Helleborus purpurascens*’; *punga popii* (la bourse du pope) ‘*Capsela bursa-pastoris*’. Il y a plus de 20 termes pareilles (tandis que pour *preot* il n’y en a aucun !), cf. Borza, DEB. Il n’est pas difficile de deviner quel est le mobile et la dynamique de la métaphore populaire dans ce cas, si on remarque en même temps qu’à côté de *Maica Domnului* ou *Maica Precista* (*la Sainte-Vierge*), le terme religieux le plus respecté (après *Dieu*) on a ajouté des mots tels que: *mână* (main), *lacrimi* (larmes), *brâu* (ceinture), *cămașă* (chemise), *floare* (fleur), *lemn* (bois), *mătură* (balai), *palmă* (paume), *păr* (cheveux), *poală* (jupes).

De la même manière, pour les dérivés *a popi* (ordonner prêtre), *popesc* (ecclésiastique), *popime* (clergé), *popie* (prêtrise), *popește* (à la manière des prêtres), on trouve dans le DLR les mêmes nuances péjoratives, dépréciatives, tandis que pour les dérivés du *preot* (prêtre): *preoție* (sacerdoce), *preoteasă* (femme d’un prêtre), *preotește* (écclésiastique), *preoțime* (clergé), les sens sont les mêmes – religieux, noble et neutre du point de vue sémantique. D’ailleurs, le caractère cultivé du terme *preot* (prêtre) part rapport à celui populaire du slavonisme *popă* était déjà visible dès les XVI-XVII siècles, fait particulièrement suggestif dans la dédication de Simion Ștefan pour le gouverneur de la Transylvanie, dans *Le Nouveau Testament*, publié à Alba Iulia (1684): “Votre Majesté, vous m’avez ordonné de trouver parmi les petits *popes*, des prêtres érudits, hommes sages...” (ed. 1988, p. 113).

V. Objets de culte

- *cădelniță* “encensoir” (< slavon. **КАДИЛЬНИЦА**) ‘recipient en argent ou en or pour l’encensement fait pendant la messe’; le dérivé verbal *a cădelnița* (encenser), outre son sens initial, “agiter l’encensoir”, il a aussi développé un sens figuré: “flatter quelqu’un” (cf. DEX² 148); voir *a tămâia* (encenser), de même sens.

- *icoană* “icône” (< slavon. **ИКОНА** < gr. byz.), ‘tableau, peinture représentant la figure d’un saint, devant laquelle les croyants font le signe de la croix’. Dans la langue littéraire, il a le sens élargi de “figure, visage, tableau, portre, esquisse, cadre” et, au figuré, “image, visage, représentation”. A retenir sa présence dans la

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

phraséologie, à nuances ironiques: *a purta pe cineva (pe) la icoane* ‘tromper qqn., menner qqn. par le bout du nez, le duper, le mettre en jugement’ (textuellement, *porter qqn. devant les icônes*); *casa plină de icoane și podul de ghioage* se dit d’une personne mauvaise mais qui fait mine de saint, de pieux (textuellement, *avoir la maison pleine d’icônes et le grenier plein des massues*). Il y a aussi de nouveaux dérivés: *iconiță* (petite icône), *iconar* (peintre d’icônes, marchand d’icônes), *iconografie* (icônographie).

VI. Termes de rituel et de pratique ecclésiastique

- *aghiazmă* ‘eau bénite’ (< slavon. АГІАЗМА < gr.) a aussi développé un sens ironique ‘d’eau-de-vie, de boisson alcoolique très forte’, rencontré aussi dans le verbe *a (se) aghezmui* ‘s’enivrer’; fam. ‘gifler, donner une claque’ (DA I, 68-69; Ciorănescu, 129).

- *citi* ‘lire’ (< slavon. ЧЬСТИ, ЧЬТЖ, -ЕШИ) est resté en roumain (à la place des synonyme d’origine latine) parce que cette action se rattachait à la personne du curé: le paysan roumain, non seulement *écoutait*, mais aussi *voyait* le pope lisant (*l’Evangile*, pendant la messe; une absoute à l’enterrement d’une personne). En même temps, le verbe *a scie* ‘écrire’ (< lat. *scribere*) aussi que le subst. *carte* ‘livre’ (< lat. *charta*) se sont, entre autres, perpétués en roumain, n’étant pas remplacés par leurs correspondants slaves *pisati* et *kniga*, grâce au fait que *le Roumain ne voyait presque jamais son curé écrire des livres, mais seulement les lire*. Les slavonismes *pisanie* (inscription votive) et *pisar* (secrétaire d’un monastère ou d’une chancellerie princière) (< slavon. ПИСАНИКЪ, ПИСАРЪ) sont restés seulement dans le milieu strictement religieux ecclésiastique, gardant leur sens du slavon: ‘inscription votive sur les parois d’une église ou monastère’ et ‘copiste, moine écrivain’ (ultérieurement aussi ‘secrétaire de chancellerie, beaucoup d’entre eux étant recrutés parmi les moines); d’autant plus, on a pu gardé les dérivés *citanie* (lecture) et *citeț* (lecteur), du slavon. ЧИТАНИКЪ, ЧЬТЬЦЬ.

- *mîr* ‘huile sacrée’ (< slavon. миро), parce que le curé mettait, à la fin de la messe, de l’huile sacrée sur le front de chaque croyant, le verbe *a mirui* (< slavon. МИРОВАТИ), a côté de son sens initial, a aussi le sens familier ‘d’asséner un coup au milieu du front’, sens conservé dans l’expressions *a-i da la mîr*, *a lovi pe cineva la mîr* (DA II, 587-588) et *a-i lua cuiva mirul* ‘tuer qqn.’.

- *pomelnic* ‘obituaire’ (< slavon. ПОМЕНЬНИКЪ), DAR VIII, 1004); le sens religieux de ‘liste de personnes décédées ou vivantes, lue par le curé pendant la messe ou la prière’, est devenu, dans le langage familier à sens dépréciatif ‘liste longue, interminable de noms, objets, un torrent de paroles, prolongé et ennuyeux’.

- *tâlc* ‘sens, signification’ (< slavon. ТАЛКЪ) et le verb *a tâlcui* ‘traduire, expliquer, interpréter’ (< slavon. ТАЛКОВАТИ), n’avait pas en slavon un sens sacré, mais parce que ces deux mots était employés, au commencement, seulement dans le milieu ecclésiastique (‘évangile à mots couvertes’, ‘le commentaire des évangiles’), car l’action de ‘traduire, expliquer, interpréter’ était réservée à un groupe restraints de connaisseurs (prêtres, moines) et parce que les sentences, les maximes et les paraboles (la plupart de la *Bible*) n’étaient que

des allégories, des fables à sens couvert, il n'a pas été difficile, dans le milieu roumain, de passer du sens initial de "commentaire, explication, signification" à celui de "fable, blague, maxime, sentence" dans des expressions telles que: *cu tâlc* "qui comporte un sous-entendu" ou "sensément, judicieusement"; *a vorbi (a răspunde) în tâlcuri* "parler (répondre) en paraboles, à mots couverts".

De même que pour le verbe *a citi* "lire", pour lequel l'apport personnel du prêtre est édifiant, dans la même catégorie on pourrait aussi inscrire une série de mots à fort visible nuance dépréciative-péjorative, qui trouvent leurs origines dans la modalité de lire ou de prononcer de certaines formules usuelles dans la pratique religieuse, exercitée dans une langue inconnue par le peuple (le slavon). C'est le cas de certains verbes, à expressif aspect phonétique, auxquels on a donné une autre connotation sémantique: "grommeler, grogner, rouspéter, protester", contenue par les mots *bodogăni* (< slavon. БОГЪ+ДАТИ); *bogonisi* (< slavon. БОГНОСИТИ), *boscorodi* (< slavon. БОГЪ+РОДИТИ, БОГОРОДИЦА) tous, à modifications phonétiques propres au langage populaire. Il est à retenir le mot (*a*) *blagoslovi* "bénir" (< slavon. БЛАГОСЛОВИТИ) qui, à l'exception du mot (*a*) *binecuvânta* "bénir" (synonyme formé sur le terrain roumain du lat. *bene+dicere*) qui est resté avec son sens positif, le premier a reçu dans la vie quotidienne une nuance légèrement ironique, amusante ou d'une certaine concession (ex. *I-am blagoslovit cu o notă de trecere la examen* – "Je l'ai béni à une note de passage à l'examen", *Vânătorul l-a blagoslovit pe lup cu un glonte* "Le chasseur a béni le loup par une balle".) Outre ces exemples, il y a encore d'autres formules, fréquemment employées par le prêtre dans l'église et en dehors d'elle, connaissant d'intéressantes évolutions sémantiques péjoratives, par exemple *bogdaproste* (< slavon. БОГЪ ДА ПРОСТИ) est devenue la formule de remerciement généralement utilisée, mais aussi à sens péjoratif, dans l'expression *pui de bogdaproste* "l'enfant d'un mendiant, maigre, sale et déguenillé"; *daibc* (< slavon. ДАИ БОЖЕ) a aussi le sens de "gratuitement, sans effort".

Conclusions. Dans la langue roumaine, la plupart des slavonismes appartenant essentiellement à la terminologie religieuse, dans le milieu laïque (particulièrement rurale) ont aussi évolué vers un sens ludique, familier, ironique, mais, généralement, se rapportant à des éléments secondaires (bâtiments, institutions, personnes, etc.) évitant les termes sacrés fondamentaux, qui appartiennent à la doctrine religieuse. Grâce à leur expressivité et leur caractère archaïque, beaucoup d'entre eux ont été utilisés dans les œuvres de nos écrivains classiques (Eminescu, Alecsandri, Creangă) qui ont contribué, par leur talent et leur autorité, à la survivance de ses mots dans la langue roumaine.

* * *

Les slavonismes appartenant à la terminologie religieuse constituent seulement une infime partie de la totalité des slavonismes qui ont connu en roumain d'intéressantes évolutions sémantiques. Tous ces phénomènes peuvent être expliqués par des causes extralinguistiques. À côté des causes généralement rencontrées dans d'autres langues et chez d'autres peuples, il faut avant tout souligner la grande inventivité et l'inépuisable imagination des gens du peuple.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Les exemples que nous y venons de présenter, auxquels on pourrait ajouter beaucoup d'autres encore, loin de représenter la négation de la religion en tant que doctrine, doivent être compris comme une manifestation de ces manifestations psychologiques du peuple roumain. Le Roumain chrétien est resté un *homo religiosus* en dépit de toutes ces "déraillements" sémantiques.

Une plus large recherche comparative, ayant comme objectif des situations similaires d'autres langues (de certains peuples slaves orthodoxes ou des peuples appartenant à d'autres croyances chrétiennes), pourrait sans doute mettre en évidence des phénomènes similaires concernant "la profanisation" des mots initialement sacrés. Un seul exemple: les mots polonais conservés du latin de la religion catholique, tels que *kreatura* (< m. lat. *creatura*) ou *sakrament* (< m. lat. *sacramentum*) qui, dans le polonais parlé, ont aussi développé des connotations fort profanes, arrivant même aux invectives.

Bibliographie

I.

Fr. Miklosich, *Die christliche Terminologie des slavischen Sprachen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung*, Wien, 1876.

Lazăr Șăineanu, *Încercare asupra semasiologiei limbii române* (Essai sur la sémasiologie du roumain), 1887, nouv. éd., Timișoara, 1999.

Ovid Densusianu, *Histoire de la langue roumaine*, Paris, 1901; éd. roum. *Istoria limbii române*, I, București, 1961, p. 159-188.

Sextil Pușcariu, *Limba română* (La langue roumaine), I, 1940, nouv. éd., București, 1976.

Al. Rosetti, *Istoria limbii române* (Histoire de la langue roumaine), București, 1968.

G. Mihăilă, *Împrumuturi vechi sud-slave în limba română* (Les emprunts vieux sud-slaves en roumain), București, 1960.

G. Mihăilă, *Studii de lexicologie și istorie a lingvisticii românești* (Études de lexicologie et d'histoire de la linguistique roumaine), București, 1973, p. 117-135.

H. Mihăescu, *Influența grecească asupra limbii române până în secolul al XV-lea* (L'influence grecque sur le roumain jusqu'au XVème-siècle), București, 1966, p. 82-102.

Emil Vrabie, *Экспрессивность элементов славянского происхождения в румынском языке*, "Romanoslavica", XVI, 1968, p. 43-57.

G. Ivănescu, *Istoria limbii române* (Histoire de la langue roumaine), Iași, 1980.

V. Vascenco, *Franz Miklosich și terminologia creștină românească de origine slavonă* (Franz Miklosich et la terminologie chrétienne roumaine d'origine slavonne), "Romanoslavica", XXIX, 1992, p. 73-82.

Viorica Goicu, *Elemente creștine în lexicul și onomastica românească* (Les éléments chrétiens dans le lexique et l'onomastique roumaine), dans le vol. *G. I. Tohăneanu 70*, Timișoara, 1995, p. 223-232.

I. Gheție (coordonateur), *Istoria limbii române literare. Epoca veche (1532 – 1786)* (Histoire de la langue roumaine littéraire. Première époque, 1532 – 1780), București, 1997.

Gheorghe Chivu, *Civilizație și cultură. Considerații asupra limbajului bisericesc*

actual (La civilisation et la culture. Considérations sur le langage ecclésiastique actuel), București, 1997.

F. Király, Maria Király, Valeria Nistor, *Слова книжнославянского происхождения в церковной терминологии румынского языка*, "Romanoslavica", XXXV, 1997, p. 207-218.

Liviu Onu, *Terminologia creștină a limbii române* (La terminologie chrétienne roumaine), București, 2000.

II.

DA – Academia Română, *Dicționarul limbii române* (Dictionnaire de la langue roumaine), vol. I-II, A-L, București, 1913-1948.

DLR – Academia Română, *Dicționarul limbii române* (Dictionnaire de la langue roumaine), vol. VI-XIV, M-Z, București, 1965-2002.

DEX – *Dicționar explicativ al limbii române* (Dictionnaire explicatif de la langue roumaine), 2éd, București, 1996.

Borza DEB – Al. Borza, *Dicționar etnobotanic* (Dictionnaire ethnobotanique), București, 1968.

Cioranescu – Alejandro Cioranescu, *Dictionario etimológico rumano*, Tenerife, 1954-1966 (éd. roum., *Dicționarul etimologic al limbii române*, București, 2001).

Vasmer-Trubaciov – *Etimologičeskij slovar' russkogo jazyka*, I-III, Moskva (traduction russe de O. Trubačev; original: Max Vasmer, *Russisches Etymologisches Wörterbuch*, I-III, Heidelberg, 1950-1958).

ESJS – Československá Akademie Věd. Ústav slavistiky, *Etimologický slovník jazyka staroslověnského*, Hl. red. Eva Havlová, Adolf Erhart, fasc. 1-11, Praha, 1989-2002.

III.

Dumitru Drăghicescu, *Din psihologia poporului român* (La psychologie du peuple roumain), 1907, nouv. éd., București, 1995.

Lucian Blaga, *Trilogia culturii* (La trilogie de la culture), 1935-1937, dans *Oeuvres*, vol. IX, București, 1985.

Lucian Blaga, *Religie și spirit*, (La religion et l'esprit), 1942, dans *Oeuvres*, vol. X, București, 1987.

Mircea Eliade, *Traité d'histoire des religions*, 1949, (éd. roum. *Tratat de istorie a religiilor*, București, 1992).

Mircea Eliade, *Das Heilige und das Profane*, 1956, (éd. roum. *Sacrul și profanul*, București, 1992).

P. P. Panaitescu, *Introducere la istoria culturii românești* (Introduction à l'histoire de la culture roumaine), București, 1969.

Anca Irina Ionescu, *Lingvistică și mitologie*, (Linguistique et mythologie), București, 1978.

Traian Herseni, *Cultura psihologică românească* (La culture psychologique roumaine), București, 1980.

Romulus Vulcănescu, *Mitologie română* (La mythologie roumaine), București, 1985.

Constantin Noica, *Pagini despre sufletul românesc* (Pages sur l'âme roumaine), nouv. éd., București, 1991.

Constantin Noica, *Creație și frumos în rostirea românească* (La créativité et le beau en roumain), București, 1973.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Ivan Evseev, *Dicționar de magie, demonologie și mitologie românească* (Dictionnaire de magie, démonologie et mythologie roumaine), Timișoara, 1997.

Antoaneta Olteanu, *Metamorfozele sacralului. Dicționar de mitologie populară* (Les métamorphoses du sacré. Dictionnaire de mythologie populaire), București, 1998.

Ion Taloș, *Gândirea magico-religioasă la români. Dicționar* (La pensée magico-religieuse chez les Roumains. Dictionnaire), București, 2001.

О ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ НАРОДНЫХ ГОВОРОВ (РУССКОГО И ИНОГО АРЕАЛА)

Виктор Васченко

Диалектологии как науке почти двести лет. В начале XIX в., а именно в 1819г., Якоб Гримм (1785 – 1836) даст в своем труде *Detsche Grammatik* первое известное нам научное описание диалектов на материале немецкого языка, а несколько позже Жюль Жильерон (1854 – 1926) становится в 1883г первым преподавателем французской диалектологии и автором первого лингвистического атласа Франции (1902 – 1923).

“Время, когда французский диалектолог... на велосипеде объехал Францию и составил первые карты лингвистической географии, ушло в далёкое прошлое” [7, с. 506], но разработанная им методология успешно применяется и в наши дни, когда живучесть диалектов, несмотря на победоносное шествие литературного языка, подтверждается в ряде случаев неоспоримыми фактами.

Так, например, на юге Германии, а именно в Баварии, число лиц, пользующихся местным диалектом в семейных условиях, составляет 77 процентов (это подавляющее большинство баварцев!). Немецкие говоры Швейцарии, относящиеся к алеманской диалектной группе (т. н. *Schwyzerdüütsch*), постоянно используются во всех ситуациях устного языкового общения. Более того, диалект может быть декретирован в качестве национального языка, как это случилось в 1984г. с лётцбургским диалектом в Люксембурге [см. 3].

Поскольку в диалектологии со времён Гримма и Жильерона до наших дней накопился большой фактический материал как русский, так и нерусский, особенно романо-германский, касающийся структуры говоров и их взаимоотношения с другими вариантами общенародного языка, назрела необходимость, как нам кажется, описать картину этого взаимоотношения в виде типологической классификации. А классификация – это, как известно, один из признаков зрелости науки.

* * *

Говоры являются вне сомнения основными, далее понятийно неделимыми, территориальными единицами диалектного членения языка. В их взаимоотношении с общенародным (в том числе литературным) языком они допускают теоретически, на наш взгляд, бинарную типологическую классификацию. Её можно проследить с пяти точек зрения, а именно с точки зрения: лингвистической однородности (1), лингвистического континуума (2), лингвистической филиации (3), территориальной принадлежности (4), лингвистической конвергенции (5).

1. **Лингвистическая однородность.** С этой точки зрения территориальные и гетерогенные говоры. Первые из них, гомогенные говоры, характеризуются однородностью, им чуждо понятие смешанности. Такими являются, например, говоры немецкоязычной Швейцарии, многие говоры северновеликорусского наречия, а также периферийные говоры Романии, т.е. романоязычной территории, в которых хорошо представлены исконно-латинские лексемы (напр., в португальском *ageia* ‘песок’, в

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

некоторых молдавских говорах румынского языка *agînjă* ‘то же самое’ восходящие к лат. *arena*).

Гетерогенным говорам, напротив, чужда однородность и лексическая “чистота”. Они являются как правило результатом смешения населения. Такими являются, например, донские говоры, в которых понятие ‘крестьянский дом’ выражается как русским словом *изба*, так и украинским по происхождению словом *хата*.

2. Лингвистический континуум. В этом срезе территориальные разновидности языка делятся, по-нашему, с одной стороны, на сплошные говоры, и, с другой стороны, островные говоры. Сплошные говоры распространены без больших перерывов на национальной территории данного языка. Такими являются, например, говоры северновеликорусского и южновеликорусского наречий в пределах Российской Федерации, а также почти все говоры, находящиеся на дакорумынской языковой территории.

В противоположность сплошным говорам, островные говоры находятся в иноязычной среде, т.е. вне исконной национальной территории, в результате разного рода переселений. Такими являются, например, албанские говоры в Греции и Италии, а также русские говоры старообрядцев, переселившихся в XVIII - XIX вв. в восточную и юго-восточную Европу, т.е. на территорию Эстонии, Латвии, Литвы, Польши (тогдашней Пруссии и Австрии), Румынии, Молдавии и Болгарии.

3. Лингвистическая филиация. В этом плане выделяются, с одной стороны, первичные, а с другой стороны, вторичные говоры. Первичные говоры (немецкие диалектологи называют их *primäre Sprachinseln*, *Mutterkolonien*), имеют исходный характер, являются начальным звеном, они порождают новые диалектные единицы. Первичными являются, например, русские говоры старообрядцев, проживающих в румынских населенных пунктах Тульча, Сарикей и Камень. Они содействовали образованию говора в Казашко (Болгария) путем переселения части населения указанных выше сёл на болгарский берег Чёрного моря.

Противостоящие им вторичные говоры (по-немецки *sekundäre Sprachinseln*, *Tochterkolonien*) образуются на базе первичных территориальных единиц. Так, например, говор липован села Новинка (рум. *Ghindărești*) образовался в XIX в. переселенцами из населенного пункта Плоское одесской области.

4. Территориальная принадлежность. С этой точки выделяются, с одной стороны, эксклавы, а с другой стороны, анклав. Эксклав (нем. *Exklave*) – это такой говор, который оторвался от исконной диалектной зоны, а анклав (фр. *enclave*, нем. *Enklave*) – это такой говор, который образовался путём включения его носителей в иноязычную территорию. В конечном счёте один и тот же говор может быть как эксклавом, так и анклавом, потому что его статус зависит от внешнего фактора лингвистического характера, а именно от того лица, которое занимается классификацией или описанием говоров поселенческих колоний. Так, для русского диалектолога русские говоры старообрядцев Румынии являются эксклавами, в то время как для румынского диалектолога они являются анклавами.

И эксклавы, и анклав ощущаются “чужеземными” единицами: в первом случае – это отчуждённые говоры, а во втором случае – это (ещё) “не свой”.

В силу указанных выше особенностей такого типа говоры как правило не фиксируются на картах национальных лингвистических атласов. Например, они не входят в сферу научных интересов авторов *Атласа русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы* (под редакцией Р. И. Аванесова, ч. 1-2, М., 1957), т.к. для них островные старообрядческие говоры Румынии – это эксклавы, но в то же время эти

говоры пренебрегаются авторами румынского лингвистического атласа (*Atlasul lingvistic român pe regiuni. Muntenia și Dobrogea.*, I. București, 1996), т.к. для авторов этого атласа они являются чужеродными анклавами, образованными на протяжении XVIII - XIX вв. в результате русской старообрядческой иммиграции.

5. **Лингвистическая конвергенция.** С этой точки зрения территориальные разновидности языка (говоры и диалекты) подразделяются на конвергентные и дивергентные языковые единицы.

Конвергентные говоры сходятся в одной точке, т.к. они находятся под выравнивающим влиянием литературного языка. Типичным примером являются ретороманские говоры в Швейцарии. Они в настоящее время испытывают оживляющее воздействие со стороны стандартного (письменного) ретороманского языка и тем самым пытаются избежать процесса вымирания.

Дивергентные говоры и диалекты, напротив, удаляются от стандартного языка, избегают его влияния. В этом отношении можно упомянуть архаические говоры французского языка в Канаде, характеризующиеся самостоятельным развитием начиная с XVII в., а также русские старообрядческие говоры Румынии и Болгарии, которые на протяжении последних трех веков развиваются, в свою очередь, самостоятельно, т.е. в отрыве от русского общенародного, в том числе литературного языка.

Дивергентной эволюцией характеризуются в высшей степени южнодунайские ответвления румынского языка, т.е. арумынский (или македорумынский), истрорумынский и мегленорумынский “диалекты” (известные также с архаической огласовкой *-румун-*: арумунский или македорумунский, истрорумунский и мегленорумунский). Они отделились от общерумынского языка ещё в средневековье, а именно в период IX - XI вв., в результате миграции части карпато-дунайского пастушеского населения (влахов) на юг Балканского полуострова.

Эти скотоводческие иммигранты оказались здесь, на юге, в иноязычном окружении славян, греков и албанцев, которые оказали и оказывают сильнейшее влияние на все языковые уровни: на морфологию, на синтаксис, на фонологию и особенно на лексику говорящих по-арумынски, по-истрорумынски и по-мегленорумынски. В результате эти ответвления древнего общерумынского языка со временем перестали быть диалектами: они постепенно развиваются в самостоятельные романские языки о которые растворяются в иноязычной массе, в основном славянской. Языком государственной администрации, школы и церкви являются сейчас у этих переселенцев национальный язык соответствующего государства: хорватский, македонский, греческий или албанский [см. работ 1, 2, 5, 6, 8].

Речь идет о процессе лингвистического вымирания или угасания. Один из исследователей арумынского, известный ученый Таке Папахаджи, так и называет этот процесс: “угасание”, по-румынски *stingere lingvistică*, а по-французски *mort linguistique* (“c’est là une mort linguistique exigée par la nature des circonstances et imposée par les événements historiques” [6; с.5].

Таким образом, дивергентность ведёт не только к самостоятельному развитию диалектов, но и, в некоторых случаях, к исчезновению, к языковой “смерти”. Иными словами, двуязычие (а арумыны, истрорумыны и мегленорумыны говорят почти стопроцентно на двух языках: на родном, имеющем семейный характер, и на официальном языке соответствующей южнодунайской страны) неминуемо ведёт к одноязычию, к монолингвизму, к безраздельному господству государственного языка.

* * *

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Бинарная диалектная группировка, представленная выше и разработанная нами первоначально на материале говоров русских старообрядцев юго-восточной Европы [см. 10, с. 23-24], действительна, как мы попытались доказать, и по отношению к так сказать “классическим” народным говорам двух русских наречий, а также к многим славянским и неславянским говорам Европы.

Поэтому данное сообщение можно рассматривать, как нам кажется, не только в плане славистики, но и как посильный вклад в общую диалектологию.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Petar Atanasov, *Meglenoromâna astăzi*. Editura Academiei, București, 2002.
- [2] Matilda Caragiu Marioțeanu, *Fono-morfologie aromână. Studiu de dialectologie structurală*. Editura Academiei, București, 1968.
- [3] A. I. Domašnev (Rec.), *Dialektologie zwischen Tradition und Neuansätzen*. Hrsg. von D. Stellmacher. Franz Steiner Verlag, Stuttgart, 2000, 437 S., in “Voprosy jazykoznanija”, 2001, 4.
- [4] *Introducere în lingvistică*. Elaborată de un colectiv condus de acad. prof. Al. Graur. Ediția a III-a, revizuită și adăugită. Editura Științifică, București, 1972.
- [5] August Kovačec, *Descrierea istroromânei actuale*. Editura Academiei, București, 1971.
- [6] Tache Papahagi, *Dicționarul dialectului aromân, general și etimologic*. Ediția a doua, augmentată. Editura Academiei, București, 1974.
- [7] A. A. Reformatskij, *Vvedenie v jazykovedenie*. Izd. četvertoe. Izd-vo “Prosveščenie”, Moskva, 1967.
- [8] Richard Sârbu, Vasile Frățilă, *Dialectul istroromân. Texte și glosar*. Editura Amarcord, Timișoara, 1998.
- [9] Klaus Steinke, *Die russischen Sprachinseln in Bulgarien*. Carl Winter Universitätsverlag, Heidelberg, 1990.
- [10] Victor Vascenco, *Lipovenii. Studii lingvistice*. Editura Academiei, București, 2003.

**О ЗАЈЕДНИЧКОМ ПОРЕКЛУ АРХАИЧНИХ СРПСКИХ
ГОВОРА СА ПОДРУЧЈА РУМУНСКОГ БАНАТА
(“БАНАТСКО-ЦРНОГОРСКИ”, КАРАШЕВСКИ и
СВИНИЧКИ ГОВОРИ)**

Жива Милин, Михај Н. Радан

1. Истраживања српских говора са подручја румунског Баната започела су још крајем XIX и насатављена су током XX века, нарочито у његовој другој половини. Међутим, нису сви српски говори у подједнакој мери били испитани¹. Највећа је пажња поклањана архаичнијим говорима, у првом реду *говорима Карашевака*, потом *свиничком* и говору тзв. *»Банатске Црне Горе«*.

Стручњак који помно прати и познаје до сада објављене радове о овим говорима уочиће без тешкоћа да у њима постоје бројне заједничке црте, а те су црте већином архаичне, као и неке заједничке иновације. Полазећи од те констатације, аутори ове студије, који иначе потичу из двеју од тих трију језичких оаза (*карашевске* и *»банатско-црногорске«*), упоредном анализом заједничких изоглоса покушавају установити у којој су мери ове три архаичне језичке енклаве у генетском сродству, као и околности, време и начин њиховог образовања.

2.1. Језичку оазу познату под именом *»Банатска Црна Гора«* сачињавају говорници четири насеља: *Петрово Село /ПС²/*, *Краљевац /Кр/*, *Станчево /Ст/* и *Лукаревац*, смештена североисточно од Темишвара, у бреговитом пределу између варошица Рекаша и Лугожа, у жупанији Тимиш. Према подацима пописа становништва од 07. 01. 1992., у БЦГ живело је 883. Срба (= 64,6 % од укупног становништва)³. Најстарији писани споменици о насељима БЦГ потичу из XIV-XVI века: *Петрово Село* – 1359, *Станчево* – 1456, *Лукаревац* – 1471, *Краљевац* – 1597 [Томић 1990: 488; Милин 1992: 238-239].

Испитивање говора БЦГ започело је тек у другој половини XX века⁴, које је крунисано објављивањем дијалектолошке монографије Виктора Вескуа о овом говору (у синтези) [Веску 1976], који закључује да су преци данашњих Срба у БЦГ «живели некада на територији која се налазила на јужном делу смедеревско-вршачког дијалекта и на северном делу косовско-ресавског дијалекта» [Веску 1976: 168].

2.2. *Карашевци* живе у седам насеља у југозападном делу румунског Баната (Караш-Северинска жупанија), у подножју Семеника, недалеко од

¹ О досадашњим истраживањима српских говора у Румунији види: М. Н. Радан, *Stadiul actual al cercetării graiurilor sârbești și croate din România*, Analele Universității din Timișoara. Seria “Științe filologice”, XXXII, 1994, стр. 159-196.

² У косим заградама дајемо скраћенице насеља које ћемо користити у раду.

³ Степанов Ј., *Савез Срба у Румунији*, Темишвар, 1997, стр. 186-189.

⁴ За стручну литературу говора БЦГ види: М. Н. Радан, *нав. дело*, стр. 172-174; Милин 1992: 237- 239.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Решице. Према подацима пописа становништва из 1992. године, ова специфична етно-лингвистичка енклава католичке вероисповести имала је 6.771 становник, од којих су 6.138 Карашевака, и у овим насељима чини апсолутну већину (90, 65 %) . Њих, међутим, има и у другим насељима румунског и српског Баната, али су тамо у мањини [Радан 2000: 31, 17-22]. Први писани споменици о карашевским насељима датирају из XIII-XIV века. 1230. и 1247. године први пут се спомиње карашевска тврђава под именом *Castrum Crassou*, а од насеља *Карашево* /К/ (највеће насеље) 1333. године, следе потом: *Јабалч'е* /Ј/ (1564.), *Луџак* /Л/ (1598.), *Клокотич'* /Кл/, *Равник* /Р/ (1690.-1700.), *Нермић'* /Н/, *Водник* /В/ (1723.) [Рад: 23, 27].

Од свих српских и хрватских говора у Румунији, карашевски говори (даље КГ), а исто тако и Карашевци као етничка оаза, највише су проучавани [Рад: 14-63]. Говори Карашевака описани су у бројним студијама и у монографијама Емила Петровића, чувеног румунског слависте [Петровић 1935], и М. Н. Радана, једног од аутора ове студије [Рад 2000]. Данас велика већина лингвиста оправдано сматра да су Карашевци, са етничког становишта, српског порекла и да су КГ архаични српски говори, спора има једино око тога да ли КГ припадају косовско-ресавском или тимочко-призренском дијалекту [Рад: 62].

2.3. *Свиница* се налази на левој обали Дунава, у жупанији Мехединц. Најисточније је српско насеље у Румунији, удањено 46 км од Оршаве и 53 км од Старе Молдаве. Први пут се у документима спомиње 1443. [Томић 1984: 12]. 1992. године у Свиници је било 1.138 Срба, што значи да су представљали 70,1 % од целокупног становништва насеља⁵. *Свинички говор* (даље: СГ) описан је у монографији румунског слависте Мила Томића [Томић 1984]⁶ који, као и већина стручњака, сматра да СГ припада тимочко-лужничком дијалекту.

2.4. У вези са овим трима «језичким оазама», сматрамо за неопходно прецизирати следеће:

2.4.1. Све три говорне групе одликују се архаичним и, у много чему, само њима специфичним цртама;

2.4.2. Код припадника ових трију енклава присутно је колебање при етничком одређивању, које се вероватно темељи на сазнању ових говорника да говоре неким посебним и различитим идиомом од осталих банатских Срба. Тако, на пример, банатски «Црногорци», иако се изјашњавају као Срби, ипак верују да су се њихови преци доселили у ове крајеве из Црне Горе, предање које није међутим поткрепљено икаквим историјским или лингвистичким чињеницама [Мил: 237].

Код Карашевака, иако постоји предање да су им преци дошли из Старе Србије (Крушевца) или из Босне (Срби), данас ипак преовлађује уверење да су хрватског порекла једино због тога што су католичке

⁵ Степанов Љ., *цит. дело*, стр. 188.

⁶ Располажемо информацијом да је г-ђа Данијела Андреј, из Крајове (Румунија), недавно написала докторску дисертацију о СГ, у којој износи тезу да је овај говор бугарски. Нажалост, овај рад није нам био доступан.

вероисповести (што никако не мора да значи да су и у прошлости били католици) [Петровић 1935: 15, 21; Рад 2000: 28-43].

Свиничани, пак, иако се изјашњавају као Срби, нису сасвим убеђени у то, те се још увек питају: «*Што смо ми, Србље, Булгари, Македонци, Крашоване? Нитко не брѣви како ми.*» [Том: 13].

2.4.3. Интересантна је и чињеница да Румуни и други мањинци из Баната припаднике ових трију српских енклава називају истим (мало погрдним) надимком: *cocoși, cotcoreți, corcoveți* „петлови” (<рум. *cocoș; a cotcorozi, a cotcodăci* „петао; коткодакати”) [Петр: 1; Рад: 29; Симу 1939: 5]⁷.

2.4.4. Иако су Карашевци данас католици, бројни њихови обичаји сведоче о томе да су они у прошлости били православне вере (као што неки најновије откривени документи из Ватикана то потврђују)[Рад: 35-42]. Један од индикативних обичаја у том смислу јесте празновање *кућне славе*, коју Карашевци називају *славење*, односно *светиљ* или *сѣтац (сѣтъц)*⁸ /уп. *светѣц* – СГ [Том: 213], *сѣтак* - БЦГ [Мил]/. Овде треба још напоменути да се из разних извора зна да су Карашевци у XVII веку држали стари православни календар, а по неког свеца још и данас празнују по том календару.

3. За упоредну анализу говора ових трију језичких оаза користићемо, претежно, дијалекатску грађу из следећих објављених радова: Петровић 1935, Радан 2000 (за КГ), Веску 1976 (за БЦГ), Томић 1984 (за СГ) и Ердељановић 1925 (за све говоре), али и грађу коју смо сами прикупили (у том случају, иза одговарајућег облика стојаће у загради име једног од двојице аутора ове студије: Рад 1; Мил).

Пошто у овом раду желимо, поред зацртаног задатка утврђивања заједничких изоглоса ових говора, одредити и елементе језичке структуре који карактеришу дијалекатски тип сваке анализиране језичке ”оазе”, извршили смо поређење тих података са подацима из других радова који се односе на косовско-ресавски, тимочко-призренски и шумадијско-војвођански дијалекат, са циљем да се утврде најсроднији говори за сваку од ових трију лингвистичких оаза.

3.1. АКЦЕНАТ И КВАНТИТЕТ

3.1.1. Акценатски систем говора БЦГ састоји се из два силазна акцента (^, "), а код старијих говорника јавља се факултативно и дугоузлазни акценат ('). Углавном, место акцента је старије штокавско, или је пренесено на претходни слог. Вокални квантитет неакцентованих протонских или посттонских слогова данас не постоји [Вес: 124]. Примери: *дивсјка, пешикѣр, бежѣм, ова, сикѣра, дивѣи* “дивљи”, *сам ведѣу/ведѣо, старѣи/старѣји, жигерѣца, дѣбра, сѣстра, нѣсат, глава*. Под утицајем

⁷ Види и Tomici M., „Unitatea” graiurilor carașovene, Studii de limbă, literatură și folclor, II, Reșița, 1971, стр. 160; за БЦГ о овом њиховом надимку потврдили су нам сами мештани ових насеља.

⁸ Види Радан Н. М., *Значај славе и још неких прослава са култним обележјем за одређивање етничког бића Карашевака*, Етно-културолошки ЗБОРНИК, књ. IV, Сврљиг, 1998, стр. 105-110.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

других језика, превасходно румунског, квантитет у неакцентованим слоговима је нестао, али губљење квантитета није (још) довело до промене или чак губљења квалитета акцента, као што је то случај у КГ и СГ.

3.1.2. Говори Карашевака и Свиничана, такође под снажним и дуготрајним утицајем румунског језика, изгубили су не само интонационе, већ и квантитативне опозиције. Акценат ових говора јесте данас *динамичан* и *експираторан*. У КГ место акцента јесте, углавном, старо штокавско, са доста великим бројем случајева преношења са крајњег слога. Иста је, од прилике, ситуација и у СГ, само што је овде мањи број случајева преношења акцента са старог места или постоје речи које су двојак акцентоване [Петр: 35; Том: 15-16]: *дѣв^фка/дѣв^фка, дивсјака, пешикѣр, бижѣм/бежѣм, ова, сикира, дивѣји, глава, сѣстра, сам вѣдел, дѣбра, старѣји* (КГ); *дѣвка/дѣука/дѣвка, пешикѣр, бежѣт, ова, сикира, диѣји/дивѣји, глава, сестра, вѣдет, дѣбро* (СГ) [Том: 116–243 passim].

Е. Петровић је исправно закључио да су све до недавно КГ имали двоакценатски систем [Петр: 30-35], а ми сматрамо да су се реминисценције тог система до данас одржале (^ "; уп.: *вѣла* "пољопривредна алатка" - *вѣла* "вѣла (митолошко биће)"; *фѣла* "захвалност" – *фѣла* "хвалисање"; [Рад 1]). Изгледа да и у СГ постоје реминисценције таквог акценатског система: *ова, ч'инѣл, ѓвце, брѣг*)⁹, које, међутим, нису потврђене у Томићевој монографији.

3.1.3. Што се тиче места акцента, СГ је најконзервативнији, КГ су мање конзервативни, док су у говору БЦГ најчешћа померања акцента.

3.1.4. Вероватно би се двоакценатски систем говора БЦГ упростио да није задњих векова дошао у интензивнији контакт са говорима придошлих Срба у Банат приликом сеоба из XVII-XVIII века. Због великог степена изолованости, КГ и СГ упростили су акценатски систем, што представља иновацију у овим говорима.

3.2. ВОКАЛИЗАМ

3.2.1. *Рефлекс старог јата (ѣ)*. КГ и говор БЦГ сачували су ѣ као посебну монофоншку фонему са гласовном вредношћу између *е* и *ѣ* (= *е*), а то *е* представља један од најзначајнијих архаизама конзервисаних у овим говорима. Међутим, између КГ и говора БЦГ постоји и једна разлика у изговарању ѣ. Наиме, док се у говору БЦГ ѣ изговара скоро увек као *е*, како у акцентованом (*ѣрѣј*¹⁰ "грех", *јѣм, ѣрѣшња, дѣца, орѣј* "орах", *орѣси*), тако и у неакцентованом слогу (*бежѣиш, ѣѣѣрка* "цедиља", *чѣвѣк, вѣдѣу*) (али и: *понѣки, никѣлико, ѣсприд, свиѣиѣца*) [Вес: 145, 128; Мил], у КГ неакцентовано кратко ѣ обично (али не увек) изједначено је са *ѣ*¹¹; уп.: *ѣрѣј, јѣм, ѣѣрѣшња, дѣца, орѣси* – *бижѣм, бижѣње, ѣидѣло, чѣѣвик* (али: *ѣрѣ /Л/*,

⁹ Види Berici V., *Accentul în graiurile sârbești din Clisura*, Romanoslavica, VII, Dialectologie, București, 1963, стр. 204 – 206.

¹⁰ У Вескуовом и Петровићевом раду свуда налазимо ѣ за *ј*. У овом раду користимо само знак *ј* (ради лакшег редактирања).

¹¹ У овом погледу КГ се слаже са галипољским говором, а говор БЦГ са говором Рекаша [Ивић 2001: 278].

једу, смејé се, свездóм /И јд./, *донéкла*) [Петр: 64-79; Ивић 2001: 278; Рад: 71-80; Вес: 127-129]. Свему овоме треба додати да, за разлику од КГ, у говору БЦГ веома ретко се сусреће неакцентовано *е*, као и то да постоји тенденција изједначавања *е* са *е* (тј., има говорника у БЦГ који више не разликују *е* /<ѣ/ од *е*) [Вес: 127-128].

Имајући у виду велике сличности између КГ и СГ, изненађује одсуство ове изоглосе у СГ. Иако данас *е* не постоји у вокалском систему СГ, очувани су до данас поједини облици речи, иначе истоветни као у КГ и БЦГ, у којима је могуће претпоставити да је некада било *е* /<ѣ/, али је, највероватније, у процесу мешања аутохтоног, старог становништва са досељеницима који овај глас нису имали у свом фонолошком систему, изједначено са *е*: *орé, орéси, прóсет, просети* “ватра” (уп.: *прóсит, прóсет, прóсвет* (јд.); *просéти, прóсити* (мн.) – КГ), *нэс^ом* “нисам” (*нэсам* – КГ) [Рад: 74, 68, 77; Том: 186, 204, 93]. Посебно су упадљиви облици у којима је неакцентовано *ѣ*, као у КГ, замењено са *и*: *завѣжат* “завезати”, *прѣмишѣт* “премешћати”, *поники* “понеки”, *николико* “неколико”, *свићка* (дем.< *свѣћа, свећа*) [Том: 137, 142, 201, 197, 179]; уп.: *завѣже/совѣже, прѣмишѣје, прѣмина, поники, неколико/ никoлико, свѣчка* (КГ) [Рад: 67, 76; Рад 1]. Дакако, овде улази и категорија такозваних “икавизама”, присутни у сва три говора: *дивѣјка, привѣрила, зрѣјота, дѣ* “где” (БЦГ); *дѣв^(д)ка/дивѣчка, привѣрим, зрѣјота, сикира* (КГ); *сикира, зривотá* “грехота”, *дѣ, привѣјат* “превијати” [Вес: 128-129; Петр: 66, 40 / Рад: 80, 75; Том: 215, 133, 137, 202].

3.2.2. Вокал *о*. Уочљива је тенденција затварања овог вокала при изговору као и алтернација *о* : *у* у сва три говора.

У говору БЦГ констатовано је да се *о* изговара затвореније него у другим штокавским говорима, а понекад се изговара као *у*: *гуспòдин, никулѣко* “неколико”, *кучѣја, дубрѣ*. У КГ примећена је једва видна тенденција дифтогизације акцентованог *о* (*о, о^о: к^ооњ, п^оо^оѣм*), а у неакцентованом слогу постоји тенденција (јача у Кл, Л, В, Н, Р) преласка *о* у *у* (*кушѣља, к^оопрѣва/купрѣва, копѣна /к^оопѣна/, купѣна, гопрѣ/гурѣ, ужѣдним, фронт* “фронт; фасада /зграде/”). Алтернација *о* : *у* честа је појава и у СГ: *фронт/фрунт, калòп/калѣп, копѣна/купѣна, погáч'а/пугáч'а* [Вес: 126; Рад: 68-70; Том: 29].

3.2.3. Рефлекси полугласника

У говору БЦГ рефлекс полугласника *ѣ* /ə/ (< ѣ, ѣ) јесте као у већини штокавских говора и у књижевном језику: *ѣ>а*. Овде би само споменули очувано *а<ѣ* у Ном јд. и мн. им. “мртвац”: *мртáвац -мртáфци*, облик који *постсји* само у неким говорима југо-источне Србије и у КГ (*мртáвац/м^ртáвац – мртáвци* – КГ) [Вес: 130; Мил; Петр: 90; Рад: 84, 88-89, 109]. Полугласник смо ипак забележили у лексеми *дѣмп* “узвишица, брежуљак” (уп. *дамп /К/, демп /Р/, дѣмп /оКГ/* [Рад: 92], *дѣмп* (СГ) [Том: 135], али је то позајмљеница из рум. *dâmb* /< мађ. *domb*/, исто као и у речима *вѣруљ/ва^руцк, вѣрѣјка, вѣ^руљ* “братић; сестрица” [Мил] (< ркм. *vâr(ui), vâruț(ui), verișoară, vâruică*); кп. к КГ: *вáрул, вѣрул /вѣруц(ул), вѣруц(ул), вѣруца/*; [Рад: 93]; *вѣрул* (СГ) [Том: 126].

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

К КГ имамо три ситуације: а) прасловенски *ѡ, *ѡ > ѡ у говорима Кл, Л, Н, В (*мѡгла, дѡн, зѡлва*); б) у говорима К и Ј *ѡ, *ѡ > а: *мáгла, дан, зáлва*; в) у говору Р *ѡ, *ѡ > е: *мѣгла, ден, зѣлва*. Треба нагласити да у свим КГ има и облика са варијантама (*ѡ, *ѡ > а^б, ѡ^а, а^е) [Рад: 81-94].

У СГ сачуван је полугласник ѡ /ə/ (уз бројне варијанте: а^б, ѡ^а, е^б, ѡ^е): *тѡшта, мѡглá, дѡн, зѡлва*; ређе ѡ > а: *лáкат, маглá, чак и ѡ>е* (ретко): *сет /и сѡт/ “саће”* [Том: 20-22, 155, 164, 168, 213].

Неке карашевске и свиничке облике са *ѡ > и можемо сматрати лексикализованим: *опíнак – опíнци* (КГ, СГ), *бизóвина* (Р) “зова” [Рад: 84, 90; Том : 186].

У КГ и СГ, у лексеми *дно* није сачуван *полугласник* или *а* (< ѡ), док у говору БЦГ имамо облик *дáно* (*а* < ѡ)[Вес: 130].

Констатујемо, у закључку, да су неки КГ и СГ сачували полувокал (ѡ) настао од јерова у јаком положају, тј. да се ова два говора налазе у прелазној фази замене ѡ са *а* или *е* (као што је случај са неким призренско-тимочким и зетско-сјеничким говорима), док је тај процес већ извршен у говору БЦГ и у говорима Карашева и Јабалча.

3.2.4. Слоговно ѡ

Слоговно *л* дало је у говору БЦГ *у*, као у већини штокавских говора, док је у КГ и СГ *ѡ* сачувано, што представља још једну архаичну црту фонетизма ових двају говора.

Проблематика вокалнога *л* у КГ јесте сложена, а та се сложеност огледа у разним варијантама његовог изговора: *ѡ, ѡ^а, ѡ^б*, као и његову девокализацију - *ѡл*. Тако, у говору К примећене су велике осцилације у изговору *ѡ*, те ту имамо варијанте, често једне те исте речи, са *ѡ*, односно *ѡл* (веома ретко и *ѡл*), док у оКГ обично се *ѡ* изговара *ѡ^а, ѡ^б, ѡл*, а ретко *ѡ*: *ст^ѡлпац* (КГ), *ст^лпац* (К, Р), *ст^ѡлпац* (Л, Кл, Н, В, Ј) ”стуб”, *б^ѡлва* (К), *б^ѡлва* (КГ), *д^ѡлбок* (К), *д^ѡлбок* (оКГ) “дубок” (уп.: *диб^ѡк* - БЦГ) [Рад: 99-101; Петр: 84-89; Вес: 126].

У СГ је такође конзервисано слоговно *л*, али се оно често девокализује (*ѡ* > *ал, ѡл*): *б^ѡлва, д^ѡлг/д^ѡлга/д^ѡг/ “дуг”, д^ѡлжан, д^ѡлжна “дужан”, д^ѡлбок/д^ѡлбок, а понекад *ѡ* > *ел*: *ж^ѡлна “жуна”* [Том: 120, 135, 137, 141].*

Веома су занимљиве подударности у КГ и СГ у погледу неких специфичности у развоју *ѡ*: а) у неколико случајева, у коренима појединих речи, *ѡ* > *у*: *Б^ѡгар, Б^ѡгарска/Бул^ѡгáрија, д^ѡужан* (КГ) /*д^ѡжан* (К) /*д^ѡлжан* (оКГ), *д^ѡужник/д^ѡлжник* (К) /*д^ѡлжник* (КГ), *Дугалија, Д^ѡгалићи* (надимак - К); *Б^ѡгар/Бул^ѡгáр*¹², *д^ѡужина/ д^ѡлжина* [Рад: 82, 101, 107; Том: 125,135]; б) тенденција замене *ѡ* са *ѡл / ал* или *ел (ол), ле/* (девокализација *ѡ*) у неким речима: *јáбалка, јáба^ѡлка, јáб^ѡлка, јáб^ѡлка/*, *Јáбалч’е, облéчем “обучем”* (уп.: *собл^ѡчувам* [Собољев 1995: 198]); *јáб^ѡлка /јáболка, јáбулка/*, *облеч’ит* [Рад: 269; Том : 149], а такав специфичан развој у речи *јáбука* и у облицима

¹² Највероватније су облици *Бул^ѡгáрија* (КГ) и *Бул^ѡгáр* (СГ) настали под утицајем румунског језика, поготово што је место акцента у овим речима исто као у румунском (уп. рум. *Bulgária, bulgár*).

(КГ), *ћелар/ч'елар*, *μ'en/ћен*, *сáђа*, *пећурка*, *ћест/ч'ест* (СГ), мада је и обрнут процес могућ (*ћ*, *ћ' > ч'*, *μ*): *коч'ин(к)а* “кост, кошћица”, *ч'ули* “ћулити”, *сирч'е* [Рад: 159]. За СГ Томић тврди да процес *ћ*, *ћ' > ч'*, *μ* није могућ, но, изгледа и овде га има (види: *коч'ина*) [Том: 35, 160].

У КГ примећује се код млађих генерација и најновија тенденција изговарања како меких, тако и тврдих карашевских африката као у књижевном језику, као резултат свестраног утицаја из задњих година српског/хрватског књижевног језика или пак директног контакта.

Овде треба напоменути још и то да је В. Веску приликом дијалектолошких анкета вршених у селима БЦГ приметио нешто мање тврди изговор *ћ*, *ч* и *μ*, те их је на почетку анкете и бележио *ћ'*, *ч'*, *μ'*, али је касније од тога одустао, јер је “тај мекши изговор једва приметљив”, а и да не би компликовао “систем фонетске транскрипције” [Вес: 135]. У тачност Вескуове констатације и сами смо се уверили приликом наших мини-анкета спроведених у БЦГ. И изговор ових африката приближава, дакле, говор БЦГ говорима Карашевака и Свиничана, у којима су и тврди и меки африкати мекши но у већини штокавских говора [Рад: 153-156; Том: 35].

3.3.3. Рефлекси старих консонантских група **s₁j* (**sh₁j*) и **z₁j* (**z₁ǰ*)

Рефлекс групе **s₁j* (**sh₁j*) јесте у сва три говора претежно *шт*: *кљѣште/кљѣшће* – Кр/, *пошт₁џем*, *кр₁штен*, *огњ₁ште*, *Равн₁ште* (БЦГ); *кљѣшти*, *шт₁пљем*, *огњ₁ште*, *Мост₁ште*, *шт₁тање* (КГ); *кљѣштеве/клиштеве*, *шт₁пат*, *огњ₁ште*, *пладн₁ште* (СГ) [Вес: 140, 143-145; Рад: 165-168; Том: 156, 242, 183, 194]. Међутим, у свим овим говорима имамо и лексема са *шћ* (БЦГ), односно *шћ'* (КГ, СГ), али су такви облици (гл. им., неки гл. и трп. гл. прид.) настали дејством најновијег јотовања (подмлађеног) групе *шт*: **s₁j* (**sh₁j*) > *шт+j* > *шћ* / *шћ'* [Рад: 167-168]: *намѣшћен*, *кр₁шћѣње*, *кр₁шћен*, *сп₁шћен* *мѣшћање* (БЦГ); *намѣшћам*, *намѣшћен*, *пушћам*, *пушћен*, *кр₁шћѣн*, *кр₁шћѣње/кр₁шћѣње*, *прошћ₁всј*, *Прикр₁шће* (КГ); *намѣштит/намѣшћат*, *пуштит/пушћат*, *пушћ₁ват/кр₁шћан*, *кр₁шћен*, *кр₁шћ₁ње* (СГ). Само у једној лексеми у КГ и СГ **s₁j* > *шћ*: *з₁шћер* / можда аналогјом према горе изнесеним примерима/ (уп.: *з₁штер* – БЦГ) [Вес: 140; Рад: 166-168; Том: 176, 206, 134].

У сва три говора, у малом броју лексема које садрже сугл. гр. **z₁j*, њен је рефлекс увек *жд*: *г₁ожје* “гвожђе” (БЦГ); *даждењ₁ак/деждењ₁ак* “даждевњак”, *муждени₁к* (КГ); *м₁ождит* (СГ) [Вес: 134; Рад: 168-169; Том: 173]. Група *жћ* јавља се и у неким позајмљеницама из рум. језика: *др₁ожје/др₁ожје* (КГ), *др₁ожје* (Кр, Ст) [Рад: 158; Мил 1].

3.3.4. Епентетско *л*

Епентетско *л* доследно се чува у БЦГ (*зѣмља/зѣмља*), КГ (*зѣмља*, са могућим даљем развојем > *зѣмља*, *зѣмљан*, *на земљу*) и СГ (*земља*) [Вес 162; Рад 184; Том 145].

3.3.5. Сугласник *х*

Као у већини штокавских говора, и у говору БЦГ, КГ и СГ глас *х* је, у бројним случајевима, или нестао, или је супституисан другим сугласником. Ипак, у доста је лексема *х* очуван, а у задње време почиње да консолидује

овом говору, али само у тим позајмљеницама, не и у словенским речима: *бўса* “усна”, *сàре/сáра* “сурутка”, *сковѣрса* “лепиња”, *кукурўс* [Вес 135; Мил].

У КГ и СГ *ɣ* је сачуван у словенским речима (у СГ, у већем броју), али га налазимо и у румунским позајмљеницама: *осѣбем* “озепсти”, *свѡнац*, *сѡри* “зиркати”, *свѣзда*, *бўса*, *сáра*, *Бусáнић* /над./, *Сѣрово* /топ./ (КГ); *свѡно*, *свездá/звездá*, *просѣбат*, *сълса*, *сáра*, *сѡља*, *белч'усѡ*, *кукурўс* (СГ) [Рад 150-152; Том 33-34]. На фонолошком плану, овај африкат, као члан опозиције *ɣ* : *ц*, јесте самостални фонем у ова два говора. У СГ *ɣ* може бити замењен са *з* (под утицајем српског књиж. јез.) или *џ* (без промена на семантичком плану), што није случај у КГ (изузев облика *кукурѡц* у Н јд).

Очувању фонеме *ɣ* у КГ и СГ у знатној је мери допринео интензивни и вишевековни контакт Карашевака и Свиничана са Румунима банаћанима, у чијим говорима постоји *ɣ*. Овоме треба додати слаб и спорадичан контакт Карашевака са српским живљем у прошлости, услед свог периферног положаја, а код Свиничана непрекидни контакт са говорницима тимочке области, говори који су такође конзервисали *ɣ* у свом фонолошком систему. Што се тиче говора БЦГ, бројни су разлози претпоставити да је фонеме *ɣ* било у прошлости у фонолошком систему овога говора, али је негде почев од XVI-XVII века дошло до интензивнијег контакта са бројчано ојачалим банатским Србима и мешања са досељеницима у чијим говорима није више било африката *ɣ*, те је он тада ишчезао из говора БЦГ.

3.3.8. Палатални *љ* и *њ*

У говорима БЦГ и КГ добро се чува опозиција између етимолошки палаталних *љ* и *њ* и њихових тврдих парова *л* и *н*, с напоменом да су КГ очували неколико архаичних облика у којима се *л* није палатализовало у *љ* (*глива*, *слива*, *луђе*) и још неке особености [Вес 138-146; Рад 136-138].

У СГ постоји јака тенденција зближавања меких сонаната *љ* и *њ* са њиховим тврдим паровима *л* и *н*: *кошўља* – *кошўл'а*, *књўга* – *кн'ўга*, као и замена *л* са *љ* и *н* са *њ*: *сол* – *сољ*, *кѡшњица* – *кѡшњица* [Том 37].

3.3.9. Консонант *ф*

У фонолошком инвентару свих трију говора присутна је фонема *ф*, али није нарочито стабилна. Сугласник *ф* се најчешће јавља у лексемама позајмљеним из других језика, нарочито из румунског и немачког, затим у речима ономатопејског порекла, као и у онима у којима *ф* < *хв*: *пѡ фта* “апетит” (<рум. *piftă*), *сѡфра* (<тур. *scfra*), *флўра* (метатезом од *фрула* или <рум. *flúier*), *фиранга* “завеса” (<нем. дијал. *Fürhang*, књиж. *Vorhang*), *фрѡшко* “брзо”, *уфатим* “ухватити” (али: *вандрокѡш/вандрѡкат* “скитница, скитати”) [Вес 135; Мил]; *тўфа* “жбун” (<рум. *tűfă*), *фиранга*, *фрѡшко*, *фљас*, *фруштук* “доручак” (<нем. *Früstück*), *фѣљена* “кума” (<рум. *fipă*), *сѡфра*, *фѡснем* “ударим” (КГ), *флўра*, *фáла* (КГ, СГ), *фруштук*, *фркат*, *фљос*, *фѣнер*, *шеф* (СГ) [Рад 137, 139-140; Том 37-38, 230, 232].

У КГ *ф* језаступљен у топонимији (*Фáца*, *Фркѡвац/Фрњкѡвац*) и ономастици (*Филипѡња*, *Фрѡнч'ић*, *Фѡлка*, *Фѡлип*). У неколико позајмљеница *ф* је замењено са *п* (*потогрáф* “фотографија”, *пасўњ*,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Стéпан, бiскуп) или *в* (ређе) (*кавес, вандрокáш/фандрокáш*). Уочена је и делимична афонизација крајњег *в* : *в^ф* (*ћóрав^ф, крв^ф/к^рв^ф*), а у неким облицима крајње *в* (*в^ф*) добијено је од *х* (*εрв^ф, плв^ф* “пух, пув”) [Рад 140-142].

У сва три говора група *хв>ф*: *фáла, уфáтим* (БЦГ); *фáла/фáлā, зафáлим, фаљíв^ф/фаљíвац* “хвалиша” (КГ); *фáла, фаљíвац, уфáтим* (СГ), а у КГ *хв* даје и *в*: *ваћем, увáтим* “хватати, ухватити” [Рад 142; Том 230-231].

3.3.10. Консонант *в*

Ова три говора повезује и једна особеност која се тиче изговора *в*, који може бити или уобичајени сонант (фрикативно усненозубни сугласник), или прелазни глас са лабијалним карактером (*w, в/ч/у, ү*).

У БЦГ лабијално *в* (*w*) јавља се на крају речи: *ћéлаw/ћéлаф, сýw, нów/нóф*. Највероватније је узрок тој лабавој артикулацији губљење *в* (*w*) у неким облицима као *напрáцм, здрáо/здрáу, забрáцла* (уп. исту појаву у говору Галипољских Срба [Ивић 1994: 137]). Испред безвучних сугласника *в* обично прелази у свој безвучни парњак *ф*: *нóфци, сфёци* [Вес 137].

У КГ и у СГ лабијално *w, в^ф, ү* може стојати и унутар речи, али само на крају слога: *дéв^фка, бирóв^ф* “радни сто; канцеларија” (<рум. *biróu*), *прошћáв^фсј* (КГ); *дéвка/дéвка/дéчка, ћóрач/ћóрав, ћóсач, став/стач/стаw* (СГ) [Рад 128; Том 40, 228]. Лабијално *в^ф* у КГ понекад потиче од међувокалног *х* (*Дúв^фове, глúв^фа*) или од вокалног *у* који постаје полувокал (*јáв^фка, ч'áч^фка*) [Рад 128].

Секундарно *в* јавља се у речи *вавлíја* (БЦГ), *вавлíја* (Р, КЛ)/*вввлíја/óбор* (К, Н, Ј)/ (у СГ: *авлíја/óбор*) [Вес 132; Рад 129; Том 116].

3.3.11. Консонантске групе

Неке к. гр., било да су у овим говорима конзервисане, било да су имале исту еволуцију као у осталим српским говорима, налазимо у сва три говора или у два од трију говора.

3.3.11.1. Консонантске групе заједничке свим говорима:

К. гр. *дл*- добро је очувана у КГ и делимично у говору БЦГ и СГ: *длéто* (КГ) [Рад 177]¹⁶, *длетó/глетó* (СГ-137), *длéто/глéто* (ПС) /*нiјук* (Кр) (БЦГ-140); *гн->гњ-*: *гњéздо* (КГ-176), *гњездó/гњезó* (СГ-131), *гњiздо* (БЦГ-128); *зр->здр-*: *здрáка, здрел* (КГ-178), *здрáка, здрел* (СГ-145), *здрáка, здрéла* (БЦГ-137); *мн->-мл-*: *млóго* /али: *тáмно, тамни́ца*/ (КГ-177), *млóго* /али: *тъмни́ца*/ (СГ-50), *млóго* (БЦГ-137); *хв->ф-*: види 3.3.9.; *хл->л-*: *лáдно, ладíна* “сенка” (КГ-175), *лáдно* (СГ-49), *лёбац* (БЦГ-126); *хр->р-*: *рáнав^ф* (КГ-175), *рáнач* (СГ-207), *рáним* (БЦГ-145) (види и 3.3.5.); *хт->т-*: види облике гл. *хтети* (3.3.5.); *-дм->-м-*: *óма* (КГ-182, СГ-49), *ома/одма* (БЦГ-142); *-дн->-н-*: *планјемо, поглéнем* /али: *оглáдним*/ (КГ-182), *изглáнит* (СГ-49), *сёни* /али: *пóдне*/ (БЦГ- 127-146); *-мљ->-мњ-*: *зёмња(н)/зёмља, грмња́ва* (КГ-184), *грмња́ва* /али: *зёмња*/ (СГ-133,145), *зёмња/зёмља* (БЦГ-137); *-ц-*

¹⁶ Ради економичности простора, у наставку ћемо за дате примере означити само говор из којег су узети и страницу из већ наведених радова (за КГ – Рад, БЦГ – Вес, СГ – Том), нпр.: КГ – 177, уз напомену да ћемо дати и неке примере које су забележили аутори овог рада, а који још нису били нигде објављени.

>-ц-: *пра́ци* (КГ-186; СГ-200), *пра̀ци* (БЦГ-137); -тн->-н-: *мѣтем /мѣтнем/* (КГ-188), *мѣте* (СГ-171), *мѣтем, мѣтут* (БЦГ-137); -тс-/-дс-/>-ц-: *поцѣрен* “подсирен”, *оцѣч’ен* (КГ-188), *поцѣрен* (СГ-200), *бра̀цики, гра̀цики* (БЦГ-135); -шч->-ч’-: *кру́ч’ица* (КГ) и др.

3.3.11.2. Заједничке консонантске групе у БЦГ говору и КГ:

гд->д-: *дѣ/дѣй, нѣде* (БЦГ-137), *де* (али *нигди*), *дѣња* (КГ-175); -чт->-шт-: *поштујем* (БЦГ-143), *поштѣн* (КГ-182); -шч->-ч-: *зѣче* (БЦГ-137), *зѣч’ићи* (КГ-182). Споменућемо овде и гласовне алтернације з->ж- (*жемѣч’ка*: КГ-180; *жемѣчка*: БЦГ-Мил) и џ->ж- (*жигѣрица - ч’ѣр на ~ “јетра”, бѣла ~ “плућа”*: КГ-178; *жигѣрице - бѣле ~, црне ~*: БЦГ-Мил).

3.3.11.3. Заједничке консонантске групе у говору БЦГ и СГ:

гд->д-: *зѣња* (БЦГ-137), *ге* (СГ-49); ч’л->ч’о-: *ч’двек* (БЦГ-135), *ч’овѣк/ч’оувѣк* (СГ-238) (уп.: *ч’ловик - КГ-129*); -хв->-ф-: *уфѣтим* (БЦГ-136), *уфѣтит* (СГ-230); шк->чк-: *чкола* (БЦГ-144), *ч’кола* (СГ-144).

3.3.11.4. Најбројније заједничке к. гр. налазимо у КГ и СГ, али ћемо овде навести само неколико, првенствено оне архаичне: *св-: свѣзда* (КГ-75), *свѣзда* (СГ-50); *сл-: слива* (КГ-181; СГ-50); ч’р- (види 3.3.1.); -ст-: *остар / ост’р, ост’р/* (КГ-192; СГ-51); -тк-: *нитко* (КГ), *свитка* (КГ /р/-192; СГ-57); *пр-* (<*бр-*): *пра́ска* “бресква” (КГ-180; СГ-51); *пт->т-: тѣћак* (КГ-174), *тич’ка* (СГ-49), *пч->ч-: ч’ѣла, ч’ѣлка* (КГ-174), *ћѣла, ћѣлар/ч’ѣлар* (СГ-49, 237); *тк->к-: каниће* (КГ-175; СГ-152); *гљ->гл-: глѣва* (КГ-176; СГ-131); *шк->шт-: штрп/шт’рп* (КГ-177), *штрб/шт’рб* (СГ-242); -св->-с-: *прѣсит / прѣсет, прѣсвет/* “ватра” (КГ-74), *прѣсет* (СГ-204); -жј->-ж-: *бѣжа* (КГ-190; СГ-49); -шт->-шћ’-: *пишић’ол, Букурѣшић’е* (КГ-190; СГ-194, 124) и друге к. гр. [Рад 173-194; Том 43-56; Вес 134-146].

4.0. Износимо, у наставку, најбитније *морфолошке карактеристике* заједничке свим овим говорима, које их спајају и указују на њихово некадашње заједничко порекло.

4.1. Именице

4.1.1. Извесна колебања у *роду* сусрећемо у свим овим говорима, али су она најмање заступљена у КГ. Та се колебања сусрећу најчешће код *им. ж.р. на сугл.*, које се обично прикључују *им. м.р.*, добијајући њихову промену или, пак, постају двородне и користе се по налажењу сваког говорника: *вѣлик глѣд, црвен крв* (БЦГ); *теј к’рв^ф/к’рв^ф/ - та к’рв^ф, та маст - теј маст, теј глат - та глат* “глад” (али: *та вѣч’ер, та јѣсен*) (КГ); *таја крв - теј крв, таја помоћ’ - теј помоћ’* (СГ) [Вес 148; Рад 141,193; Том 57].

У КГ и СГ, неке *им. ср.р.* могу бити и *м.р.*: *то дрѣво - теј дрѣво, то јаре - теј јаре* (КГ); *то дрвѣ - теј дрвѣ, то јаре - теј јаре* (СГ) [Рад; Том 57]. Постоје, међутим, и друга колебања [види, нпр., Том 57-58].

Има *им.* које су у овим говорима *ж.р.* а у књиж. су *јез. м.р.*: *пѣжа, свитка, тигања, здрака, лиша* (КГ, СГ), *пѣжа* (БЦГ) [Рад 178, 100, 72; Том 57; Вес 57-58; Мил].

Ниједном од ова три говора нису познате *збирне и колективне им.* на *-ад*, те се место њих користе *множински облици им. м.р.*: *тѣлци, јѣганци, пилићи* (КГ, СГ); *зѣч’ићи* (КГ), *гушићи* (СГ); *јѣганци, зѣчићи/зѣћићи* (ПС,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Кр), *năhihi*, *tévi*, *ждрѣнци*, *јариhi* (БЦГ)[Рад 134,138, 186; Том 224, 149, 200, 134; Вес 137; Мил].

4.1.2. Заједничка је одлика ових говора тенденција ка систематизацији и упрошћавању именичке промене (најдаље је у том правцу отишао СГ, у мањој мери говор БЦГ и најмање КГ) и падежног система (СГ и БЦГ).

У СГ и БЦГ Ак јд. је преузео функције Лок јд. [Том 61; Вес 149]. У говору БЦГ Вок јд. им. м. и ж.р. има само један наставак (-*е*) [Вес 147, 149], док је у КГ присутна тенденција уопштавања једног наставка: -*е* за им. м.р. на сугл. (*коње*, *воле*, *ч'ловеч'е*; али и -*у* /ретко/: *Вл'ју*), односно -*о* за ж.р. (*учитѣљицо*, *Вѣрицо* – БЦГ; *Даницо*, *Маријо* – КГ, *жéно*, *бáбо* – КГ, СГ; али: *дéце* – КГ, СГ) или изједначавања Вок јд. са Ном јд (Петр 146-147, 155; Рад; Вес 148; Том 64-65).

Тенденција уопштавања наставка -*ом* у И јд. им. м.р. у БЦГ и, делимично, у СГ: *мáљом*, *младйћом* (БЦГ), *кључ'ом* (СГ) [Вес 147; Том 62]. У СГ и КГ чува се у И јд. и Д мн. наст. -*ам* (< стсл. -*омь*, -*омъ*): *коњам*, *јсјцам*, *детéтам*, *сéлам* (И јд.) /*коњám*, *деца́м*, *луђám*, *волбам*, *сéлам* /Д мн./ (КГ), *инсјдерам*, *ножъм* /Д јд./ *лусјám* /*луђám*/, *калупóвам*, *рекам*, *сéлам* /Д мн./ (СГ) [Петр 155-156; Том 62-63]. Сличне или идентичне су и неке друге тенденције изједначавања падежа у сва три говора: Г=Лок мн, Д=И мн. у БЦГ, Ном=Ак, Г=Лок /=И/ мн. им. м.р. и Лок=Д=И мн. им. ж.р. у КГ, а у СГ, у множини је падежни систем упрошћен на само два облика: *Д* и *опити падеж* (једнак са Ном), који замењује све остале падеже [Вес 147-148; Петр 162, 164; Том 63].

Један заједнички архаизам спаја говор БЦГ и СГ: наст. -*е* код им. ж.р. на -*а* у Д јд.: *жéне*, *гўске*, *сёстре* (БЦГ), *маме*, *дéвке* (СГ) [Вес 148; Том 61]. С друге стране, СГ и КГ поседују бројне архаичне наставке у Ном мн. им. м.р. (-*еве* / -*ове*, -*је*), у И јд. (-*ам*, -*ьм*) и у Д мн. (-*ам*).

У сва три говора облици дуала нису ишчезли без трага. Њих сусрећемо у конструкцијама у којима именице претходе бројеви или односно-упитна заменица *колико*: *пет сина*, *колико коња*, *иљаду вола*...

Место именица *мати* и *кћи* у овим говорима употребљавају се: *мáма*, *дивсјка* (БЦГ); *ма́ма*, *дéв^фка/дéв^фка* (КГ); *ма́ма/мáјка*, *дéвка/ деўка/деўка* (СГ) [Вес 148; Рад 214, 128, 172; Том 169, 136].

Интересантни су и облици Ном мн. им. *дан*: *днѣви* (БЦГ), *дънове* (СГ), *дáни/дáнове*, *дънове*, *дни* (КГ) [Вес 147; Том 135; Рад].

4.2. Члан

Из стручне литературе знало се све до недавно да је СГ једини српски говор у Румунији који има *члан*, забележен само код описних придева и редних бројева, а који има облике: -*јен* (м.р. јд), -*на* (ж.р. јд), -*но* (ср.р. јд), -*ни* (м. и ср.р. мн), -*не* (ж.р. мн), и мења се: *лét.јен*, *лéпонога*, *лéпоному*... [Том 67-68].

Најновија истраживања показала су да и у КГ, скоро идентично као у СГ, постоји *члан*, *постпозитивни*, којег налазимо једино код квалитативних придева и у неколико облика придевских зам. (и у синтагмама са бројем *један*, под утицајем модела из румунског језика). Сличну ситуацију имамо у

говору Новог Села у Бугарској [Собољев 1995: 193]. У КГ члан има двојак облике:

4.2.1. *-(ja)n, -(ja)na, -(ja)no* (м., ж. и ср.р. јд); *-(ja)ни, -(ja)не, -(ja)на* (м., ж. и ср.р. мн.) (<показне заменице /o/нъ, /o/на, /o/но): *добрѣјан, добра̀на, -но/добра̀ни, -не, -на; бѣлан, -на, -но/бѣлани, -не, -на.*

4.2.2. *-(a)в, -(a)ва, -(a)во; -(a)ви, -(a)ве, -(a)ва* (<показне заменице /o/въ, /o/ва, /o/во): *болња̀в, -ва, -во/болња̀ви, -ве, -ва* (овакви су облици бројнији од првих)¹⁷.

4.2.3. По нашем мишљењу, постпозитивни члан у КГ (као и у СГ) није раније постојао, него је он развијен сопственим унутрашњим језичким средствима према моделима језика са којима су ова два говора била у контакту, пре свега румунског, можда и бугарског (у мањој мери, бар код Карашевака), а узроци образовања ове граматичке категорије су двојаки: а) нестанак разликовних средстава за придеве одређеног и неодређеног вида, проузрокован губљењем акценатског квантитета и квалитета; б) снажан и дуготрајан утицај румунског језика.

У говору БЦГ ове иновације нема, највероватније због тога што су говорници ове области били у интензивнијем и непосреднијем контакту са групама српских досељеника који су у Банат почели стизати почев од XV века. У БЦГ смо ипак забележили облик *плав ђтан* “плав”, али је један пример недовољан да се икаква претпоставка о постпозитивном члану формулише.

4.3. *Аналитички систем у поређењу придева* јесте још једна заједничка изоглоса ових трију говора. Тај је систем идентичан у сва три говора, с напоменом да у говору БЦГ, под утицајем школе, српског књижевног језика и суседних српских говора, продиру у задње време синтетички облици за компаратив и суперлатив. Иначе, треба напоменути да је аналитичка компарација придева једна од црта која карактерише тзв. *говоре са незамењеним њ*.

4.3.1. У свим говорима компаратив се гради помоћу речце *по* и облика позитива: *полѣп, постѣр, покрѣтак* (БЦГ); *постѣр, повѣлик, полага̀но* (КГ); *помла̀д, на̀јлѣп* (СГ) [Вес 151; Петр 169; Том 71].

Реминесценције старог синтетичког компаратива налазимо у неколико скамењених облика: *старѣи, ви́ша, лѣпча, бѣља* (БЦГ); *млађ'ѣји, старѣји*¹⁸, *ви́ше, бѣљи/по дѣбар, гѣри/по зал (по х'рђ'ав^φ, по лош), х'рђ'ав* (КГ); [Вес 151; Петр 170; Рад]; *по старѣј* (СГ).

Суперлатив се гради помоћу речце *на̀ј* и облика позитива: *на̀јскѣп, на̀јвисѣк* (БЦГ); *на̀јбогат, на̀јвише* (КГ), *на̀јлѣп* (СГ) [Вес 151; Петр 170; Том 71].

Великих подударности или сличности има и у начину грађења тзв. компаратива једнакости: *све такѣ дѣбар* (КГ); *све тѣка дѣбѣр* (СГ)

¹⁷ Види Радан Н. М. *Rămășițe ale întrebuițării articolului enclitic în graiurile carașovene*, Probleme de filologie slavă (Studii, articole, prelegeri), VI, Timișoara – 1998, стр. 119-127.

¹⁸ У овим облицима имамо доследну замену њ са е.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

[Рад; Том 71]) и *апсолутног суперлатива*: *јако* + *позитив* (*јако* ддбар (БЦГ); *јако учен* (КГ); *јако млад* (СГ) [Вес 151; Петр 170; Том 71]) и др.

4.3.2. Друге заједничке црте придева у говору БЦГ, КГ и СГ:

- блага склоност за тврд наставак –*о* код појединих придева (обично оних са неким палаталним консонантом на крају основе): *дете тѹђо* (БЦГ); *пролећно сѹнце, говећо месо* (КГ); *говећог* /Г јд./, *ковач'ов* /Г јд./ (СГ) [Вес 150; Рад; Том 72];

- често придев долази иза именице (под утицајем рум. језика): *човек вѣлик, коњ сур* (БЦГ); *крава стелна, коњу доброму, коњ сур* (КГ); *вода студенá, јáјца пресни* (СГ) [Вес 150; Петр 167, Рад; Том 71];

- стари наставак –*ому* у Д јд. м.р.: *лѹдому, великому* (БЦГ); *доброму, старому* (КГ); *свинич'кому, бабиному* (СГ) [Вес 150; Петр 167; Рад; Том 72];

- наставак –*и* у Г мн. (<стел. **-иѹъ*, али се *ј* губи у овој позицији): *из далѣки сѣла* (БЦГ); *од наши стари* (КГ); *пóльски, бабини* (СГ) [Вес 151; Петр 168; Том 73];

- неразликовање, у главном, придева одређеног и неодређеног вида [Вес 151; Петр 165].

4.4. Заменице

4.4.1. Заједничке црте у свим анализираним говорима:

- употреба енклитичког облика Д повратне зам. *си* (архаизам): *да си ўзмеш, су си донѣли* (БЦГ); *скаљал си (је) кошуљу, ўзели су си ствари* (КГ); *ўзми си кошуљу, сам си пробал... стрѣћу* (СГ) [Вес 152; Петр 173; Рад; Том 78];

- наставци тврдих основа с елементом *о* зам.-прид. деκлинације потискују наставке меких основа са *е*: *сињо мѹре* (БЦГ); *сво сѣло, нашо дете, говећо месо* (КГ); *сво времѣ, сињо затворено* “модро” (СГ) [Мил; Рад 1; Том 213,215]

- облик односно-упитне зам. м.р. *ксји*: *кѹј* (БЦГ); *ксј* (КГ); *ксј /куј* (и *кој*) (СГ) [Вес 153; Петр 177; Том 78];

- редукција сугл. гр. *-кѣ-* код каквоћних зам.: *овѹка, такѹ, онѹка...* (БЦГ); *овáки, овáка, ...; такѹ, такá, такó* (КГ); *овакѹј, овакá, ...; такáја, ...; онакѹј, онакáја, ...* (СГ) [Вес 153; Рад 183, 202; Том 81];

- облици неодређених зам. са *ѹ* место *е*: *ниќи* “неко”, *ниќа, ниќо...*; *ниќáкв* (хомонимни облик за “некакав” и “никакав”), *ниќији* “нечији; ничији” (БЦГ); *неќи /ниќи/, никá...*; *понѣки /поники/* (КГ); *ниќи, поники, нич'иќи* (СГ) [Вес 153; Петр 178, Рад 192, 80; Том 83]¹⁹;

- истовремена употреба дугих и кратких облика личних зам. у истој реченици (редупликација), појава настала, највероватније, под утицајем

¹⁹ У КГ *ѹ* се у овим облицима јавља место *е* због тога што неакцентовано *ѹ* > *и*, а то је највероватније објашњење и за говор БЦГ (што значи да је у прошлости и овде неакц. *ѹ* > *и*); постојање у истим облицима *ѹ* (< *ѹ*) место *е*, иде у прилог нашој претпоставци да је некада и у СГ постојао *е* < *ѹ*, али се је то *е* једног момента асимиларало у *е*, вероватно због суседства и/или утицаја српских тимочких говора и говора досељеника са којима су се Свиничани помешали у прошлости.

балканских несловенских језика: *мѣне ми даѹ, тѣбе те вѣди* (БЦГ); *мѣни ми дал, тѣби ти срамѡта* (КГ); *нам ни дал, сви не вѣку нас* (СГ) [Вес 157; Рад 214; Том 76].

4.4.2. Још један архаизам повезује говор БЦГ и СГ - наставак -*е* у Д јд. личних зам. 1. и 2. л.: *мѣне, тѣбе* (паралелно се употребљавају и апокопирани облици *мѣн, тѣб* - Кр) (БЦГ); *мѣне, тѣбе* (СГ) [Вес 152, Мил; Том 75].

4.4.3. Друга архаична изоглоса спаја КГ и СГ: енклитички облик личне зам. 3. л. јд. ж.р. *јѹ* (<*jq*): *вѣдим /вѣдел сам/ ју на сокáку* (КГ); *њу сам јѹ видѣл* (СГ) [Рад; Том 76].

4.4.4. Осим горенаведеног архаизма, многе друге црте заједничке су КГ и СГ: облици показних зам. *овѣј, теј, онѣј* (КГ); *овѣј /овѣј, теј/ тѣј, онѣј/онѣј* (СГ); наставак -*ому* у Д јд.: *овѡму, тѡму* (КГ, СГ); облици присвојних придевских зам. за 3. л. јд. и мн. сва три рода: *њѣјан, њѣјна, њѣјно; њѣјни, њѣјне, њѣјна; њин, њина* (контрахиран облик) (КГ); *њѡен, њѣјна, њѣјно; њина, њини...* (СГ), архаични облици одричне зам.: *нѣтко* “неко”, *нѣтко* “нико” (КГ); *ниткѡ* “неко”, *нитко/нѣко* “нико” (СГ) [Петр 176; Рад 147, 192; Том 79-80, 180] и др.

4.5. Брѣјеви

4.5.1. Следеће заједничке особине бројева налазимо у сва три говора [Вес 153; Петр 179-183; Том 85-92]:

- веома ретка промена основних бр. *два, две, три* или је системпромене редукован на два падежна облика;

- -*дн->-н-* у облицима основног бр. *један* за ж. и ср. р.: *јенà (енà), јенѡ (енѡ)* (БЦГ); *јѣна, јѣно (јѣнѡму, јѣнѣј - Д, јѣнѡга - Ак)* (КГ); *јѣна, јѣно* (ретко: *јѣнѡму, јѣнѣј - Д*) (СГ);

- редни број *трећи* има за ср.р. облик са наставком -*ѡ*: *трѣћѡ* (БЦГ); *трѣћѡ* (КГ, СГ);

- непостојање (БЦГ) или врло ретка употреба појединих збирних бр. (*двѣјѣ, двѣјѣ, двѣјѣ; трѣјѣ, трѣјѣ, трѣјѣ* - КГ, СГ; *чѣтворѣ, пѣторѣ* - КГ);

- генерализована употреба облика *дуала* код свих бројева (стање настало, вероватно, под утицајем румунског модела): *двâ ч'овѣка, пѣт ч'овѣка* (БЦГ)[Мил]; *два ч'ловѣка, пѣт кѡња* (КГ); *три кѡња, пѣт сѣна, дѣсет сѣла* (СГ) [Рад; Петр 183; Том 92]; ова одлика јасно сврстава ове говоре у говоре источног и централног језичког простора Балканског полуострва.

4.5.2. Постоје и друге особине именских речи које приближавају ова три говора (види: Вес 146-153; Петр 145-183; Том 57-91).

4.6. Глаголи

4.6.1. У сва три говора глаголска промена испољава јаку тенденцију ка упрошћавању. Ишчезли су следећи гл. облици: *имперфекат, давно прошло време* и *глаголски прилог прошли*. Осим тога, све је ређа употреба *глаголског прилога садашњег* у сва три говора, *инфинитив* се веома ретко употребљава у СГ и још ређе у КГ, док *аориста* и *футура II* више нема у

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

говору БЦГ, а при издисају су у КГ [Вес 153-155; Петр 189-217; Рад ; Том 92-103].

Заједничка изоглоса за сва три говора јесте конструкција *футура I* енклитичким обликом помоћног гл. *хтети* и *инфинитива глагола* (веома ретко у КГ): *ћете доћ*, *ћемо ведџст* (БЦГ); *ћем орат* (СГ); *ћем видџети* (КГ) [Вес 154; Том 101; Петр 190]. Чешће се, међутим, у овим говорима *футур I* гради енклитичким обликом презента глагола *хтети* (БЦГ), односно помоћним глаголом *лати* /= *хтетеи*/ (КГ, СГ) и конструкцијом *да + презент*: *ће да доћу*, *ћу д љдем* (БЦГ); *лам да попџвам* (КГ); *ла да љдем* (СГ) [Вес 154; Петр 190; Том 101].

Код појединих глагола, у свим говорима, у 2. л. мн. *императива* имамо редуциране наставке : *јџте*, *сџнте*, *пџте* (БЦГ); *јџте,јџте*, *сџте*, *дрџте*, *бџте* (КГ); *бџте*, *дрџте* (СГ)²⁰ [Вес 154; Рад 118; Петр 208].

4.6.2. У овим говорима постоји низ глагола који својим значењем или/и обликом не налазимо у већини српских или хрватских говора, што може бити још један показатељ о давном заједничком пореклу ових говора: *зablудит* “залутати”, *задџнут* “окачити”, *кџпљат се* (*се кџпљам*), *јџвкат се* “жалити се”, *мџти* (*мџјем главу*) “прати”, *ч'енџти* (*ч'енџм* – 1. л. презента), *стрџжем* “шишати (гл. *шишати* не постоји)”, *цџкнут* “пољубити (гл. “пољубити” не постоји)”, *пџсловат* (*пџслџјем*) “радити”, *купџват* и др. (БЦГ); *zablудим*, *zadџнем*, *се кџпљам/се кџпљем*, *се јџвџкам*, *мџјем* (*марџму*, *тањџри*) /*се/*, *стрџжем*, *цџкнем*, *ч'инџм*, *пџслџјем*, *купџвала сам* /*купџвала сам* (КГ); *zablудит*, *zadџнут*, *купљат се* (*се кџпљем*), *мит* (*се мџјем по главџ*), *купџват* (*купџјем*), *стрџжат/ стрџгат*, *цџкнут*, *ч'инџт* (СГ) и други [Вес 155; Мил; Рад; Том 142,143, 163, 221, 236, 237].

4.6.3. У говорима БЦГ и Карашевака постоје следеће заједничке црте:

- конструкција *одричног* облика *императива* помоћу партикуле *нџка(ј)* (понекад у БЦГ), односно *нџка* (КГ): *нџкај пџсловат* “немој радити”, *нџка глџдит* (БЦГ); *нџка да пџслџјеш /радиши/*, *нџка да глџдиши* (КГ) [Вес 154; Рад].

- основа глагола *видети* иста је у говору БЦГ и КГ: *ведџст* (БЦГ), *вџдел* (*смо вџдели*) (КГ) [Вес 155; Рад 76, 78].

4.6.4. Заједничке особине говора БЦГ и СГ:

- у 3. л. мн. през. сви глаголи имају наставак *-у* (у БЦГ и *-џу*): *џдеду/џду*, *вџду*, *пџслџједу* (БЦГ); *џду*, *нџсу*, *дрџжу* (Вес 153; Том 97);

- код неких гл. наставак *инфинитива* јесте *-т*, *-ћ*: *џмат*, *доћ*, *џћ* (БЦГ); *ић*, *заћ*, *опрат* (СГ) [Вес 154; Том 97].

4.6.4. Најважније заједничке особине КГ и СГ:

- постојање помоћног гл. *лати*;

- наставак *-м* у 1. л. јд. *презента* код свих гл.;

- наставак *-ете* у 2. л. мн. *императива* код свих гл. у СГ, и неких гл. у КГ;

- исти начин грађења *потенцијала* и др. [Петр 189-217; Том 92-103].

²⁰ Види Tomici M., *Sistemul verbal al graiului sârbesc din Svinița, județul Mehedinți, Studii de slavistică*, II (Extras), [București], 1971, стр. 211.

5. *Најзначајније синтаксичке особине*

Низ синтаксичких особина заједничких овим говорима настала су као резултат било румунског утицаја и билингвизма, било услед вишевековне изолације од осталих српских говора (иновације). Од таквих особина спомињемо следеће:

5.1. Употреба удвојених облика личних зам. сва три лица у Д и Ак, које нису ништа друго до калкирања одговарајућих румунских конструкција (види 4.4.1.), појаве познате и другим српским говорима у Банату, па и у другим српским дијалектима [Ивић 2001: 137, 151; Вес 157].

5.2. *Генитив* са предлогом *од* често замењује *посесивни придев*: *чђрба от парадѡјса, мѡсо од живѡине* (БЦГ); *шѡма од горѡна, пѡра од лѡка* (КГ); *млѡко од крѡве, мѡсо от кокѡшке* (СГ) [Вес 157; Петр 218; Том 111].

5.3. Честа замена *партиципног Г акузативом* (мада су конструкције са партиципним Г обичне, паралелно са њима јавља се и Ак, понекад чак у истој реченици): *мѡтемо лѡк, шѡнку...* (БЦГ); *ѡзѡемо сѡрење и брѡшино, манѡл се от пѡћа* (КГ); *манѡл се од пѡће* (СГ) [Вес 157; Рад ; Том 61].

5.4. Употреба *Д* у функцији *посесивног Г*: *рукавѡце господѡру тѡму* (БЦГ); *нѡна (=отац) слѡги мсѡјѡму* (КГ); *ѡжа дѡтету, лѡјање псетѡ* (СГ) [Вес 158; Петр 218; Том 61].

5.5. Употреба *Ак* са предлогом *за* уместо *Док* са предлогом *о*: *...ме пѡто за кѡјну* (БЦГ); *говѡримо за тѡбе* (КГ); *Јѡ врѡвил за мѡне* (СГ) [Вес 158; Рад ; Том 76].

5.6. Употреба *И оруђа* са предлогом *с*: *сѡчем с нѡжом* (БЦГ); *с плѡгам срѡмо* (КГ); *плѡтем из ѡгле (из= с), рѡђѡна из рѡком* (СГ) [Вес 159; Петр 218; Том 111] и др.

6. И у лексци ових говора постоји један заједнички фонд речи којег сачињавају већином архаични лексеми, специфичан јужној и југоисточној српској штокавској ареи, као и вема старе позајмљенице из румунског банатског говора. И у једном и у другом случају, таквих лексема нема у осталим српским банатским говорима у Румунији или их веома ретко и само понегде можемо наћи. Ради илустрације, навешћемо, у наставку, неколико таквих примера.

6.1. *Конзервисани лексички архаизми*: *врѡг /син.змѡј/* (лексема *ђаво* не постоји у БЦГ, КГ, СГ), *сметѡна* “скоруп, кајмак”, *крстѡне* /плуралија тантум/ “доњи део леђа”, *нѡка(ј)* “немој”, *бурѡјѡн/буѡјѡн* “коров”, *грѡйна* “башта, градина”, *сировѡтка/сѡротка* “сурутка”, *прѡч, двѡр* “авлија, двориште; напоље” (Кр, Ст), *мѡндра* “качамак”, *на нѡдола, на брѡг* “горе, узбрдо”, *сирѡк* (БЦГ); *врак, крстѡне* “леђа” /плуралија тантум/, *кѡрам* “трбух” *прѡч*, *лам* “хтети”, *лежѡица* “кашика, жлица”, *градѡна, гѡри* (К), *на брѡгу* (оКГ) “горе”, *ѡдол* “доле” (КГ); *сметѡна, бурѡјѡн, нѡ двор* /уп. и: *ѡбор* - КГ, СГ/, *нѡ дол* “доле”, *нѡка, сѡротка, мѡндра, сирѡк* (КГ, СГ); *враг, лат* “хтети”; *крстѡна, -ѡне* “леђа”, *лжѡица, корѡм, грѡйна/градѡна, прѡч/прѡч* (СГ) и др. [Вес 164, 159, 130131; Вес 2: 54; Мил ; Петр 42, 222; Рад 109; Рад 2: 138-139, 142-143; Рад; Том 162, 132, 217, 216, 205, 95-96, 215].

AI 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

6.2. Лексички архаизми којих налазимо и у јужним и југоисточним српским дијалектима: једнак²¹ “одмах”, кукла “лутка”, ченим “радити”, сирење “сир”, куџак, стубица “стубе”, стрџем “шишати”, жито “пшеница (лексем пшеница не постоји у БЦГ, КГ, СГ)”, калан “прљав”, камо /прил./ “куда”, дома /прил./ “кући”, кика “коса”, биће /прилог/ “можда”, тал “део имовине; мираз”, прџвара “згрушено млеко које остаје после сирења”, шувџа “лева рука”, шувџар “левак”, јучџера/јуче /прилог/, стџена “зид”, копџена “купина”, днак “онда”, , пџшки, трпџеза “сто; стољњак”, трџице “мекиње”, маџтка “матица (пчела)” (БЦГ); јџднак, ч’иним, сџрање, кџрљак, стџџба, биџће, прџвара, тр(џ)пџзник, шџва (шувџџа), учџера, стџена, к’опџна, (КГ); кукла, сирење/сџриње, куџак, стџџба, жито, калан, камо, дома (види и: дом и џжа “кућа”), маџдра, кика, тал, трџице, шувџак, копџна, маџтка (КГ, СГ); ч’инџт, сџрње, калџн, уч’џера, стџна, купџна (СГ). Дајемо овде и неколико устаљених израза: *Какџ ти с џме?* “Како се зовеш?”; *Ўде кџша!* “Пада киша!”; *Камо џдеи?* “Куда идеш?”; *Што чџниш?* “Шта радиш?” (БЦГ); *Какџ ти с’ џте?/Какџ ти се џме?/; Што ч’иниш?/; Камо лаиш?* “Куда ћеш?”(КГ); *Ўде кџша!; Камо џдеи?* (КГ, СГ); [Мил; Вес 164, 139, 155, 163, 131; Петр 222, 142, 223, 106; Рад 120,121, 132, 100, 135, 191, 134, 20, 196, 144, 160, 68-70; Рад 2: 139; Рад; Том 162, 169, 215, 163, 220, 226, 142, 152, 138, 155,136, 243, 230, 29].

6.4. Архаичне позајмљенице из румунског, турског, грчког и џругих језика: бџса, -џ “усна, -џ” (<рум. бан. *búsa*, -џ), брџнка, брџкаш “контрабас, контрабасиста” (<рум. дијал. *bróancă*), дџр “чежња” (<рум. *dor*), сџре/сџр “млаћеница” (<рум. *zără*; *zer*; рум. дијал. *sără*), вџвџџа (ПС) (<тур. *avli* <грч. *avli*), куџруџс (<рум. дијал. *cucurús*), вџрџџул (види 3.2.3.), дџ “мн “брежуљак, узвишица” (уп. рум. *dâmb*, мађ. *domb*), флџра “фрула” (уп. рум. *flúier*), џџкнутџи “пољубити” (<рум. *a țucă*), мрџкоњ “шаргарџпа” (<рум. *morcov*, рум. дијал. *morcón*), лџвџџта “виолина” (уп. рум. *lăută*, тур. *lâuta*, нгрч. *laúta*), помџна “даћа” (<рум. *rotâna*), пџроњ “(велики) клин” (<рум. дијал. *pirón*, *pirói*), џџша “гуша” (<рум. *gúșă*), моиџџа “воћ(к)џ” (<рум. дијал. *moșie*) (БЦГ); вџвџџџа /вџвџџџџа/, куџруџџ, вџруџл (К) /види 3.2.3./, дамџ (К) /демџ (Р), дџмџ (оКГ)/, џџкнем, мџрџкоњ, лџвџџта, помџна, пџроњ, џџша, моиџџа (КГ); брџнка, бџса,-џ, брџкаш, дџр, сџра, вџришџра, дџмџ, флџра (КГ, СГ); авџџџа /син.:обџр – КГ,СГ/, куџруџџс, џџкнут, мџрџкуш, лџута, помџна, пџроњ (СГ) [Мил; Вес 2: 59, 59; Вес 165, 132, 162, 165; Рад; Рад 85, 151, 93, 208, 92, 201, 180, 124; Петр 49; Том 124, 138, 146, 116, 163, 126-127, 135, 232, 236, 173, 165, 197, 193].

7. О пореклу ових говора

7.0. На основу горенаведених података покушаћемо у завршном разматрању да одредимо како међусобне говорне везе испитаних говора, тако и њихове говорне везе са осталим српским (можда и бугарским, македонским) из њиховог ближег или даљег суседства, те да потом

²¹ За ове лексеме погледати речнике за кос.-ресав. и призр.-тим. дијалекте (нпр.: Елезовић Г., *Речник косовско-метохијског дијалекта*, књ. I-1932, II-1935, Београд; Динић Ј., *Речник тимочког говора*, СДЗб, XXXIV-1988, XXXVIII-1992 и др.).

одредимо порекло говора и начин образовања ових етничких оаза²². Напомињемо да ћемо у овом делу користити и нове примере ради илустрације још неких битнијих особина ових говора које, због ограничености простора, нисмо дали у гореизложеном материјалу.

7.1. Следеће шумадијско-всјвођанске језичке црте (посебно нас интересују *банатски говори*) налазимо:

7.1.1. У свим испитаним говорима: претежно екавска замена љ, али са доста примера са *и* место љ (делимично и у СГ); тенденција неутрализације квалитативно-квантитативних одлика у КГ и СГ, а у говору БЦГ веома је изражена ова појава; нешто палаталнији гласови *ч'*, *ж'* од истих у стандардном језику (*веч'ера*); очуване крајње к. гр. *-ст*, *-зд*, *-ит*, *-жд*; *хв* > *ф*, *в*; редукција к. гр. *-кв-* у каквоћних заменица (*оваки*)²³; префикс *њ* > *ни* (често); упрошћене к. гр. *си*, *тс*, *сл* (*праци*, *богаство*, *мисим*); уопштавање наставака заменичке промене (*његовог*); тенденција уопштавања наставака тврђих основа у промени им., придева и зам.: *кључом*, *мсјог* (слабија у КГ и СГ); нестанак *плусквामперфекта* и *имперфекта* (и *аориста* у БЦГ); уопштавање облика *би* као помоћног гл. у свим лицима потенцијала, у јд. и мн. (*ја би дошао*; *ми би дошли*); поремећен ред речи: *су носили* (под утицајем рум. јез.).

7.1.2. Само у говору БЦГ и КГ: неакцентовано љ > *и* у доста примера (*сикира*, *грјота*, *додјати* али *грејати*, *сејати*, *смеј/ати се*); изједначавање префикса *пръ-* са *при-* (*приварим*, као и предлози: *прид*, *прико*); елизије типа: *дидем*, *сете*, *сѣни*; асимилациони и дисимилациони процеси типа: *беж љега*, *ш љим*, *оцекал/оцеко*; употреба *с* уз *И оруђа* (*копа с мотиком*); падежне конструкције са *код* уместо *к* (*Идем код Ивана*).

7.1.3. Само у КГ и СГ: упрошћавање почетних к. гр. *пт-*, *пч-* (у КГ и *пш-*, *пс-*: *шнѣчно брѣшно*, *сѣвем* "псујем"); тенденција уопштавања наставака *-им* у Д и Л јд. м.р. замен.-прид. декл.: *њѣјним нѣни* (али: *твсјѣму брѣту*), *у нѣшим сѣлу* (КГ), *у првим рѣду* (КГ, СГ); спорадично јављање наставака *-ч'у* у 3. л. мн. презента гл. I врсте: *печ у'*, *вдч у'* (напореда са станд. *-ку* у КГ: *пеку'*, *вдкү'*); сужена уп. аориста.

7.1.4. У говору БЦГ и СГ: непостојање дистинкције између падежа места (Лок) и падежа правца (Ак) (*Живи у Темшвар*).

7.1.5. У говору БЦГ: наст. *-ду* у 3. л. мн. свих глагола (*вѣдиду*, *свѣчеду*).

7.1.6. У КГ: Д и Лок јд. личних зам.: *мѣни* (*ми*), (*по*) *тѣби* (*ти*); аналошка појава *к* и *г* у Д-Лок типа: *дѣв^фки*, *по нѣги*, (*на*) *нѣшки*.

7.2. Следеће особине косовско-ресавског дијалекта налазимо:

7.2.1. У БЦГ, КГ и СГ: последнија замена љ (КГ и БЦГ у овом погледу осцилирају између косовско-ресавског и шумадијско-всјвођанског

²² За упоређивање црта ових говора са говорима српских и бугарских дијалеката, користили смо следеће радове: Пецо 1991; Ивић - *Срхр. дијал.*; *Бан. гов.* 1994, 1997; Собољев 1995; Стојков 1993.

²³ То је архаична особина присутна и у другим српским и хрватским говорима (види: *Бан. гов.* 1997: 130-131).

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

дијалекта); акцентатски систем старијег типа (ако уважимо нека мишљења да су све до недавно КГ и СГ такође имали двоакцентатски систем:"); непостојање збирних и колективних им. на *-ad*; употреба посесивног Д: *кѹћа мом брѹту* (БЦГ), *не́на слѹги мсјѹму* (КГ), *же́на ту́ма ч'ове́ку* (СГ); поједине алтернације вокала (*ѹ́да, сѹ́ватака* /КГ, СГ/, *типсѹ́ја* /КГ/, *типсѹ́ца, сировѹ́тка* /БЦГ/ - место: *сјде, тепсѹ́ја, сурутка*); реминисценције синтетичког компаратива са наст. *-ѹји*; упрошћавање к. гр. *сѹ, шч* > *ѹ, ч*; постојање инфинитива (мада ређе у СГ и веома ретко у КГ);

7.2.2. У БЦГ и КГ: делимична појава отворености затворености вокала – *е, е* и *о* (*о́ва* /КГ/, *кѹ́ј* /БЦГ, делимично и у СГ/); дисимилација секвенце *тл* > *к*: *не́кља* (КГ), *нѐкља* (БЦГ); у корену *вид-* имамо *вѹд-* (*е* < *ѹ*); сажети архаични облици гл. “јести”: *јем, јеи, је...*

7.2.3. У КГ и СГ: сачуван презент *ко́вем* (КГ) / *ковѹ́м* (СГ) “кујем”; гл. облици са *-ева* у КГ (*се самѹ́ева*), односно *-ива* у СГ (*сѹришѹват* “завршавати”); има неколико особина које су, истовремено, својствене и призренско-тимочким дијалектима (види ниже);

7.2.4. У СГ и БЦГ: дисимилација секвенце *-дл* > *-гл* (*глето/длето*); наст. *-е* у Д јд им. ж.р. на *-а*; наст. *-у* у 3. л. през. гл. типа *радѹти* и *трчѹти* (иначе, уопштен код свих гл.) у СГ (*ра́ду, трч'у*), односно *-ду* у БЦГ (*ра́дѹду, трчѹду*)(такође, уопштен код свих гл.); краћи облик инфинитива (без крајњег *-и*).

7.2.5. Само у БЦГ: гл. енклитике у неенклитичкој позицији (*ћете до́ћ, ћеш га заклѹ́т*); И јд. личне зам. 1. л.: *с мѹ́ном* (уп. косовско-ресавски облик: *с моно́м*); к. гр. *чр* > *ѹр*.

7.2.6. Само у КГ: метатеза и асимилација у облику *са́мне* (< *сване*); наст. *-ем* у деклинацији зам.-прид. речи у И-Лок јд .и мн. и у Д мн.: *на онѹ́м белѹ́м ко́њу, с те́м краткѹ́м ла́нцам, до́ј овѹ́м луђѹ́м, с овѹ́ми ч'рне́ми бајѹ́аци*; наст. *-а* у Г и Лок мн. им ж.р. на *-а*: *по сва́дба, /од/ лива́да*; презент гл. “познавати”: *позна́вам*; наст. *-е* у 3.л. мн. презента гл. VII и VIII врсте: *но́се, држе́*; напореда са множинским облицима им. ср. р. типа: *пра́ци, те́лци*, јављају се и мн. облици типа: *пра́ч'ићѹ, телч'ићѹ, јаганч'ићѹ* /са диминутивним значењем/ (уп. косовско-ресавски: *телићѹ, прасићѹ*).

7.2.7. Само у СГ: неколико особина специфичних истовремено косовско-ресавском и призренско-тимочким дијалектима (види ниже).

7.3. Следеће *призренско-тимочке* дијалекатске особине налазимо:

7.3.1. У говору БЦГ, КГ и СГ: неизмењено *-л* (у БЦГ само делимично); доминантна аналитичка компарација придева (са остацима синтетичке компарације); уобичајена употреба енклитике *зам. за сако лице сѹ*; употреба старијих облика трп. гл. прид. (оних са очуваном или аналошки измењеним сугласником у основи) типа: *виђен, сѹришен, донешен*; тенденција уопштавања наставака тврдих основа *-о* у зам.-прид. декл. (*нашо, мсјо, говеђо, тређо*); облици упитне зам.: *кѹј/куј*; гл. облици са итеративним суфиксом *-ува*: *купѹ́ват* (БЦГ), *купѹ́вал* (КГ), *купѹ́ват, сањува́ње* “сањање”, *закопува́ње* “сахрана” (СГ); редуцирани облици 2. л. мн. императива као и наст. *-ете* (*јете, пите*); доста распрострањена употреба (најмање у БЦГ)

наставка с елементом *к* у деривацији: *торбичка* (БЦГ); *воденич'ка*, *напріич'ка*, *стрич'ка* (КГ); *ч'ашика* (КГ,СГ); *маміч'ка*, *прэдиич'ка* “пређица” (СГ).

7.3.2. У КГ и СГ: очувани полугласник *ь* (са варијантама: *ь^а*, *ь^б*...)/у свим КГ изузев К и Р/; конзервисано *ј*; постојање африката *s*; један акценат – *експираторни* (види и 7.2.1.); *постпозитивни члан* у придева и појединих бројева; невршење јотовања код појединих трп. гл. прид. (*купен*, *изгубен*, *склопен/склопен*); множински облици једносложних им. м.р. са наст. *-ове/-еве*; употреба енклитичких облика личне зам. 3. л. јд., ж.р. у Ак.

7.3.3. Само у СГ: упрошћен падежни систем (делимично и у БЦГ: Лок=Ак); тенденција замене тврђих са меким африкатима (*ч'*, *џ' > њ'*, *ђ'*; на пр.: *ч'ест* - *њест*); употреба (ретка) проширених наст. *-еви/-ови* (и *-уве*) у мн. једносложних и двосложних им. м.р. (*судови* и *судове*, *краљеви* и *краљови*, *краљове*); облик присвојне зам. 3. л. ж.р.: *њсјна*; облик личне зам. 1. л. у И јд.: (*из*) *мене*; тенденција *љ > л'*, као и замена *л* са *љ*, *н* са *њ* (као у призренско-јужноморавском говорном типу).

7.4. У говорима који су предмет овог истраживања постоје и друге бројне особине које су заједничке свим српским дијалектима на које смо се овде односили, или само двама од њих. Износимо, у наставку те особине.

7.4.1. Заједничке особине *шумадијско-всјвођанског*, *косовско-ресавског*²⁴ и *призренско-тимочког* дијалекта присутне у:

7.4.1.1. *Свим анализираним говорима*: губљење гласа *x* (у главном) у већини положаја (нешто мање у КГ) и његова супституција са *v*, *j*; употреба удвојених облика личних зам. сва три лица у Д и Ак и ширење футурске конструкције *да+презент* (иновације настале највероватније под утицајем страних несловенских језика са којима су сви ови говорници дошли у контакт; у бан. гов. - утицај рум. језика);

7.4.2. Особине *шумадијско-всјвођанског* и *косовско-ресавског* дијалекта:

7.4.2.1. У свим анализираним говорима: стабилнија позиција фонеме *ф* у фонолошким системима (види: бан. гов. и трстенички гов. тип); *зр > здр*- (види: бан. гов.); јављање секвенце *-ић-* у трп. прид. гл. на *-стити* типа: *очишићен* (фонетски архаизам); измењен положај енклитика (иновација настала под утицајем несловенских балканских језика); тенденција прелаза им. ж.р. на сугл. (*сирт*, *сол*) у категорију им. м.р.

7.4.2.2. У КГ: наст. *-и* у Д и Лок јд. им. ж.р. на *-а* (*жéни*, *по sóби*); наст. *-ом* у И јд. им. ж.р. на сугл., настао од старијег облика И на *-ји* и новијег на *-ом* (с новим јотовањем сугласника): *сољóм*, *маић'óм*; врло жива тенденција депалатализације у промени им. ж.р. са основом на *к*, *г*, *х*: *ру́ки*, (*у*) *напríки*, (*на*) *мотíки*, *кру́шки*, *ч'áв^бки*; очувани архаични облици Лок мн. им. ж.р. на *-а*: у *ч'íжма*, *по ливáда*, *по фабрíка*, *по сокáци*; архаични множински наставци им. м. и ср. р. у Лок и И: (*на*; *с*) *кóли*, у *зубí*, *по сáлаши*, *с нóв^фци*, *с волóви* (као у бан. гов.);

²⁴ Под термином *косовско-ресавски дијалекат* подразумевамо и *смедеревск-ершачки* говорни тип.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

7.4.3. Заједничке особине *косовско-ресавског* и *призренско-тимочког* дијалекта:

7.4.3.1. У *КГ* и *СГ*: африкат *s* добро заступљен; напоредо са *p*, употребљава се и *^hp*; почетна секвенца *sv-*; десоноризација крајњих звучних сугл.²⁵; очуван аорист (ретко у *КГ*);

7.4.3.2. У *СГ* и *БЦГ*: наст. *-e* у Д јд. личних заменица.

7.4.3.3. Само у *СГ*: енклитички облици личних зам. 1. и 2. л. мн.: *ни*, *ви*; *не*, *ве*²⁶; жива употреба аориста и употреба наст. *-омо* у 1. л. мн. аориста (*јџдомо*, *јџдомо*).

8. Пошто смо у анлизи језичког материјала трију говора већ установили како заједничке особине које их повезују, тако и особине које их спајају са неким српским дијалектима, у наставку ћемо само изложити крајње закључке, без понављања већ гореизложених особина.

8.1. Најбитније и највише особина анализираних говора повезују их, без сумње, са ширим западнојужнословенским тереном ка западу од линије око које се сустиче читав сноп изоглоса које генетски раздвајају западнојужнословенске дијалекте од источнојужнословенских (Белоградчик – Берковица – Годеч – Брезник – Радомир - Ћустендил) [Ивић–Срхр. дијал: 20-35](Види горе тачке 3, 4, 5, 6).

8.2. У свим анализираним говорима има особина које налазимо у три српска дијалекта: шумадијско-војвођанском, косовско-ресавском и призренско-тимочком.

8.2.1. Супрутно очекивањима, констатујемо многобројне заједничке особине ових говора са говорима шумадијско-војвођанског дијалекта (уп. 7.1). Доста таквих особина архаичне су и специфичне само банатском (у ширем смислу, и војвођанском) језичком ареалу. Све су оне доказ више да су ове три лингвистичке архаичне српске оазе у генетском сродству, тј. да су се развиле из ишчезле дијалекатске формације са банатског терена, који се је, највероватније, простирао на ширем простору и јужно од Дунава [Види: Ивић – Срхр. дијал: 55-77; Рад 2000: 73-74, 216-219; Вес 1976: 168; Собољев 1995: 183, 205]. Ишчезавању тог архаичног и пространог дијалекта допринеле су миграције становништва из јужнијих српских области почев од XIV до XVIII века. Периферни географски положај ових говора допринео је очувању већег броја таквих архаичних црта у њима, а, у знатној мери, и словенско-српског етничког карактера ових енклава.

8.2.2. Многобројне косовско-ресавске и призренско-тимочке језичке особине налазимо у *КГ*, *СГ* и говору *БЦГ*. Постојање у овим говорима значајних и бројних особина двају горенаведених дијалеката представља доказ да су *карашевски*, *свинички* и “*банатско-црногорски*” говори резултат смесе говора банатских Срба староседалаца са српским говорима досељеника који су дошли у Банат у периоду од XIV-XVIII века.

Судећи по данашњим језичким цртама трију испитаних говора, говори првог таласа досељеника (XIV-XV век) генетски су били везани за

²⁵ У говору *БЦГ* једино финално *v* губи своју звучност.

²⁶ Говор *БЦГ* нема енклитичке заменичке облике.

источну периферију косовско-ресавског дијалекта, за подручје које се граничило са српском тимочком, призренско-јужноморавском или/и северозападном бугарском²⁷ облашћу. Ти су се први досељеници настанили у брдско-планинском појасу Баната (види 8.2.3.), сасвим извесно и међу Карашевцима, Свиничанима и, највероватније, међу банатским “Црногорцима”. Пошто су ти досељеници највероватније били из једне шире области (види 8.1.), већ од тада почињу се јављати извесне разлике између свиничког, карашевских и “банатско црногорских” говора. Те се разлике између КГ и СГ, с једне стране, и говора БЦГ, с друге стране, повећавају у XVII-XVIII веку, пошто је, највероватније, банатска “црногорска” енклава примила нове досељенике, али не и остале две енклаве – карашевска и свиничка. Осим тога, прекид контакта између ових трију енклава имао је за последицу самостални језички развој њихов, а то је опет погодовало продубљивању језичких и других разлика међу њима.

8.2.3. Постоје бројни разлози на основу којих сматрамо да је све до XV-XVI века у источном и југоисточном брдско-планинском делу Баната, на издуженом подручју који се протезао од Липове, преко Лугожа, Карансебеша, Карашева, Алмашке долине, до Свинице, живео компактан слој словенског живља (Срба староседелаца)²⁸. Међутим, почев од XV века на овамо, румунски староседелачки елеменат (као и српски) почиње бројчано јачати и консолидовати се у Банату румунским досељеницима који пристижу из Олтеније, Ердеља и других румунских територија, и то најпре у брдско-планинским крајевима њеним. Мешање румунских досељеника са првобитним словенским живљем у брдско-планинским банатским пределима имало је за последицу асимилацију последњих у већини случајева. Тако је прекинут континуитет словенског живља на овом простору, а очувала су се само ова три “острвца” словенског живља.

Истовремено, на говоре ових преосталих енклава вековима је румунски језик вршио сталан и снажан утицај, што потврђују бројни румунски елементи присутни у фонологији, морфологији, синтакси, лексици (највише), топонимији и ономастици. Дакако, било је и мешања са Румунима, тако да је удео румунског живља у образовању ових специфичних словенско-српских етничких енклава значајан.

8.2.4. Периферни положај и изолованост од матице, као и вишевековни непрекидни контакт са румунским живљем, условили су појаву појединих иновација у овим говорима. Те иновације и бројни конзервисани архаизми издвајају ове говоре од већине српских говора, дајући им посебан печат.

²⁷ Неке бугарске језичке црте налазимо у КГ и СГ, али су они, без суње, српски говори.

²⁸ Види, на пр., Petrovici E., *Топониме slave din Valea Almăjului (Banat)*, Studii de dialectologie și toponimie, Ed. Academiei R.S.R., București, 1970, стр. 138-142; Радан Н. М., *Реципрочни српско-румунски утицаји и прожимања у алмашкој односно карашевској топонимији*, Studii de limbi și literaturi moderne, Timișoara-1992, Tipografia Universității din Timișoara, стр. 143-153; Др Д. Поповић, *Срби у Банату до краја XVIII века – Историја насеља и становништва*, Научна књига, Београд, 1955, стр. 15-80 и др.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

ЛИТЕРАТУРА

- Бан. гов. 1994, 1997 – Ивић П., Бошњаковић Ж., Драгин Г., *Банатски говори шумадијско-всјвођанског дијалекта*, Прва књига: *Увод у фонетизам*, СДЗб, XL, 1994; Друга књига: *Морфологија, синтакса, закључци, текстови*, СДЗб, XLIII, 1997.
- Белић 1905 – Белић А., *Дијалекти источне и јужне Србије* // СДЗб, Књ. прва, 1905.
- Веску 1976 (Вес) – Веску В., *Говор Банатске Црне Горе* // Посебан отисак из *Зборника за филологију и лингвистику*, XIX/1 за 1976., Нови Сад, 1976, стр. 115-172.
- Вес 2 – Vescu V., *Particularități lexicale ale graiurilor sârbești din Petrovasela, Stanciova și Cralovăț (jud. Timiș)* // *Analele S.L.R., Zrenjanin*, 6, 1975, стр. 53-59.
- Ерд 1925 – Ердѣљановић Ј., *Трагови најстаријег словенског слџа у Банату* // *Niederlův sbornik*, Prag, 1925, стр. 275-308.
- Ивић 1994 – Ивић П., *О говору Галипољских Срба* // Ивић П., *Целокупна дела*, I, Изд. књијарница Зорана Стојановића Сремски Карловци · Нови Сад, 1994.
- Ивић 2001 – Ивић П., *Дијалектологија српскохрватског језика. Увод и штокавско наречје*, // Ивић П., *Целокупна дела*, II, Изд. књијарница Зорана Стојановића Сремски Карловци · Нови Сад, 2001.
- Ивић – Срхр. дијал. – Ивић П., *Српскохрватски дијалекти. Њихова структура и развј*, Прва књига, *Општа разматрања и штокавско наречје* // Ивић П., *Целокупна дела*, III, Изд. књиј. Зорана Стојановића Сремски Карловци · Нови Сад, 1994.
- Милин 1992 (Мил 1992) – Милин Ж., Бука М., *Антропонимија банатских “Црногораца”* // *Romanoslavica*, XXX, (посебан отисак), București, 1992, стр. 237-267.
- Мил – Грађа коју је прикупио у БЦГ Жива Милин.
- Петровић 1935 (Петр) – Petrović E., *Graiul carașovenilor. Studiu de dialectologie slavă meridională*, București, 1935.
- Пецо 1991 – Др Пецо А., *Преглед српскохрватских дијалеката*, Научна књига, Београд, 1991.
- Радан 2000 (Рад) – Radan N. M., *Graiurile carașovene azi. Fonetica și fonologia, Uniunea Sârbilor din România, Timișoara*, 2000.
- Рад 1 – Грађа коју је прикупио Михај Н. Радан.
- Рад 2 – Radan N. M., *Lexicul carașovean ăn ALR* // *Probleme de filologie slavă*, IV, Tipografia Universității de Vest din Timișoara, Timișoara – 1996, стр. 137-147.
- Симу 1939 – Simu T., *Originea carașovenilor. Studiu istoric și etnografic*, Lugoj, 1939.
- Собољев 1995 – Собољев А. Н., *О неким јужнословенским говорним оазама у источнј Србији, западнј Бугарскј и Румунији (Вратарница, Ново Село, Свиница)* // Прештампамо из ЗбМСФЛ XXXVIII/2/1995, стр. 183-207.
- Стойков 1993 – Стойков С., *Българска диалектология*, София, 3. изд.
- Томић 1984 (Том) – Томић М., *Говор Свиничана* // СДЗб, Књ. XXX, 1984.
- Томић 1990 – Томић М., *Сеобе без сеоба* // ЗбМСФЛ, XXXIII, 1990, стр. 487-490.

СКРАЋЕНИЦЕ

Ак - акузатив
бан. гов. - банатски говори

бр.	- број
Вок	- вокатив
Г	- генитив
гл.	- глагол(ски)
Д	- датив
дијал.	- дијалектизам
ђ'	- меко ђ
зам	- заменица
зам.-прид.-	заменичко-придевска (промена)
ж.р.	- женски род
И	- инструментал
им.	- именица
јд.	- једнина
јез.	- језик
к. /сугл./	гр.- консонантска група
књиж.	- књижевни
л.	- лице
Лок	- локатив
м.р.	- мушки род
мађ.	- мађарски
мн.	- множина
Н	- номинатив
наст.	- наставак
нгрч.	- новогрчки
нем.	- немачки
оКГ	- остали карашевски говори
през.	- презент
рум.	- румунски
ср.р.	- средњи род
сугл.	- сугласник
трп. гл. прид.	- трпни глаголски придев
тур.	- турски
ч'	- меко ч
ћ'	- меко ћ
ц	-меко

**БАНК ДАННЫХ НА ОСНОВЕ РУССКО-РУМЫНСКОГО
СЛОВАРЯ ИННОВАЦИЙ (1994-2003 гг.)**

Мария Думитреску
(Maria Dumitrescu)

Лексикографию XX-го века можно классифицировать, имея в виду способы реализации, финальные результаты и интерес говорящих на русском языке не только в пределах исконного государства, как одной из важнейших научных достижений, но классического порядка.

К концу пройденного века можно говорить о модернизации области, как в сфере исследования, так и в сфере применяемых новых техники и технологий. Имеются в виду способы подбора и сохранения материала в случае применения компьютера.

Середина XX-го столетия является шагом вперед в регистрации словесного материала, его определения и фиксации движений в процессе обновления состава (примером могут служить: ССРЛЯ в 17 тт., 1948-1964 и 2-ое его изд., СРЯ XI-XVII вв., 1975-1998, дополнительные издания под заглавием НСЗ, разных лет выхода в свет и другие издания лексикографического типа, вышедшие после '90-го года).

Примерно к '93 году при чтении печати нам показалось, что лексика русского языка пополняется не только ускоренными темпами, но и рамки источников пополнения стали шире, как результат новых отношений в мире и в случае появления новых отношений русских с внешним миром (см. *Транзитный период... в ...*); русский язык стал богаче: перестали быть запрещёнными некоторые единицы лексики дореволюционных лет, возникли новые единицы (в том числе новые аббревиатурные комплексы, *АРЛИ*), заимствования из ряда языков (не только из всем известных классических) более отдалённых регионов мира с новыми дериватами (см. *алкоголичка-бизнесменша*, Лг 42 20 13; *арт-этно-рок-минималисты*, Изв 20 11 20 5; *поли-этнический*, Лг 49 99 13; *пофанатеть*, АиФ 2 01 12; *рэггиактивист*, Изв 1 12 20 11; *ригидность*, *рэгги-движение*, *теле-обновление*, *хакерство* и ряд др.).

Общество развивается постоянно и вместе с тем, разумеется, развиваются языки, в том числе - русский язык. Новые партии и движения, например, в сфере политики и их наименования, равно и наименования членов этих партий, служат доказательством пройденного пути за несколько лет (см. "Яблоко", *яблочник*, АПР, *аграрник* и ряд других).

К концу последнего десятилетия XX-го века использование компьютера и его возможностей, расширение круга пользователей *Интернета* и *Рунета* за рамки Российского государства привели к появлению ряда новинок в лексике, что для нас послужило стимулом к составлению русско-румынского словаря новинок 1994-2003 гг.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Интересно отметить, что за пройденный период, после 1995 г., в рамках Интернета возникло явление, свойственное новому способу общения, коммуникации, между людьми с использованием “адреса” (www.gazeta.ru), что привело, неизбежно, не только к появлению новых наименований (такими являются: *инфолекс* - адрес, *инфолексем* - компонент адреса с двойным статусом, международным [стабильным] и, в зависимости от языка, более конкретным компонентом [algo.ru], как и единицы *инфолексикон* - сумма адресов [эти наименования были нами придуманы в момент составления таблиц с “адресами”]). Конечным компонентом “адреса” является сокращение наименования страны ru от “Русь”. Интересно, что данная аббревиатура проникла и в поэтический текст ([А. Вознесенский, Известия, 18 08 20 10]: “Русь, куда несёшься ты, дай ответ - в Интернет!./ Коррупцированная моя ru, поруганная моя ru!”). Вероятно подобных случаев использования ru не так много. Роль конечного элемента в “адресе” могут играть и другие элементы (com, например). Примером сопоставления может служить таблица с румынскими адресами:

INFOLEX

infolexem - infolexem - infolexem - infolexem

i <http://www.ararat.go.ro>

n <http://www.brm.ro>

f <http://www.caută.ro>

o <http://www.chip.ro>

l <http://www.dialpad.com>

e <http://www.găsește.com>

x <http://www.hp.com.ro>

i <http://www.index.ro>

c <http://www.ocazii.ro>

o <http://www.rol.ro>

n <http://www.start.ro>

 internațional român
 (stabil)

и таблица с русскими адресами:

infolexem - infolexem - infolexem - infolexem

i <http://www.aif.ru>

n <http://www.aktrad.ru>

f <http://www.algo.ru>

o <http://www.book.ru>

l [http://www.gsm.org\(news\)](http://www.gsm.org(news))

e <http://www.infra-m.ru>

x <http://www.izvestia.ru>

i <http://www.lgz.ru>

c <http://www.mtelecom.ru>

o <http://www.poutel.ru>

n <http://www.yarmarka.com>
 международный русский
 (стабильный)

Необходимо отметить постоянное использование латинского алфавита в любом “адресе”, независимо от языка и географической зоны, причём первая зона “адреса” представляется без изменений повсюду. Вторая зона связана с географией и языком.

В связи с этим следует подчеркнуть, что отпадает, давно имеющийся в практике до появления “адреса” по Интернету, вопрос и спор о времени и месте появления заимствования из какого-либо языка.

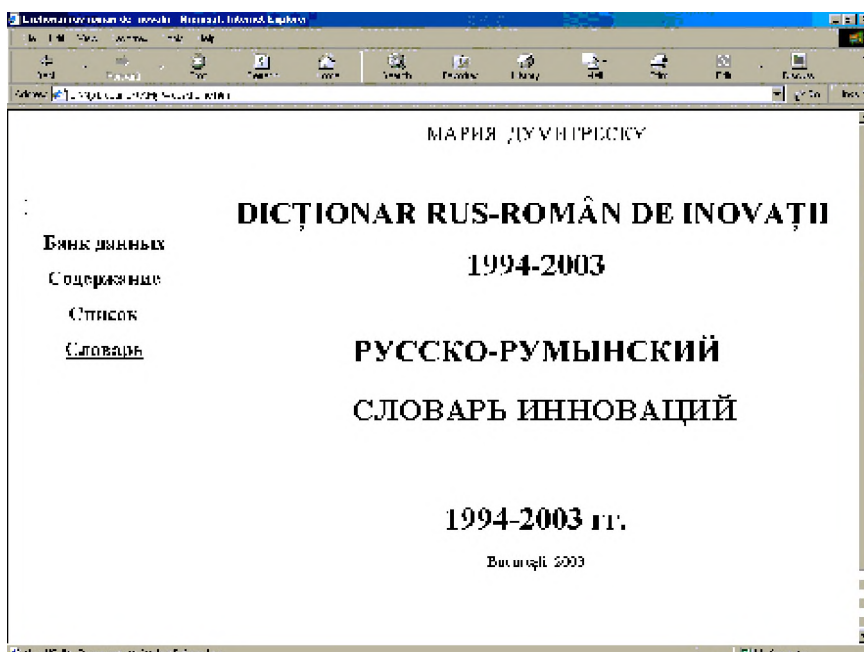
В результате расширения использования Интернета и его возможностей, естественно, возникла и возможность создания программы для электронного варианта русско-румынского словаря новинок 1994-2003 гг., что можно осуществить и для других языков, так как для румынского языка эта возможность уже использована на основе материала словаря новинок румынского языка 2000 года (*Dicționar de cuvinte recente. D.C.R. - 2000*. Vasău: Agata, 2000, 153 p., последний выпуск серии D.C.R., начатой нами по годам с 1990 г., неполностью ещё изданной) и представленного (26-29 апреля 2001 г.) в соавторстве с Д. Новяну (*Bancă de date - tip dicționar de cuvinte recente*) на 9th Conference of GRLA/RWCAL Verbal Communication and Interaction on/via Computer в Vasău-Tescani.

Далее мы представляем ряд страниц банка данных для данного русско-румынского словаря.

Реализация программы для рулирования

С учётом того, что инновациями лексики русского языка заинтересованы специалисты, лексикологи, мы решили спроектировать информатизированную базу данных по Русско-румынскому словарю инноваций 1998-2003 гг. (CD-ROM с тем, чтобы затем предоставить возможность консультировать этот материал и на Web-site). Структура этой базы данных состоит из трех уровней (Loreta Niță – автор программы для рулирования): на первом уровне имеются общие данные.

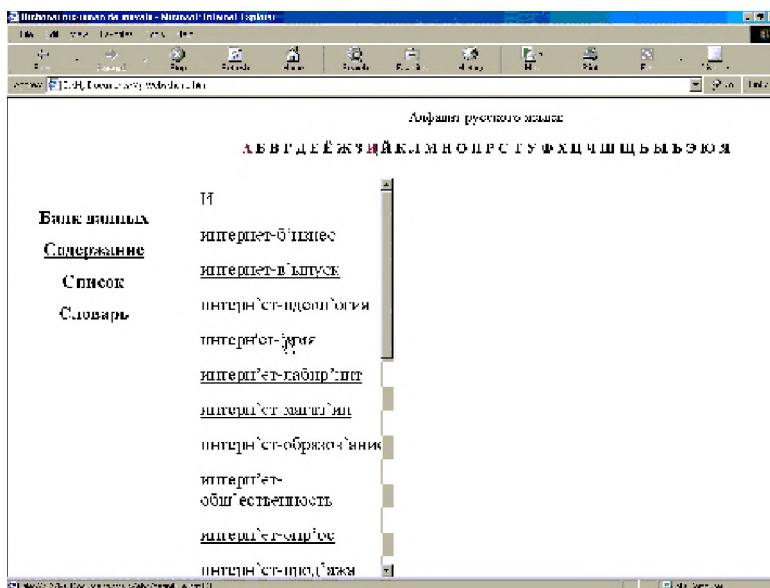
Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

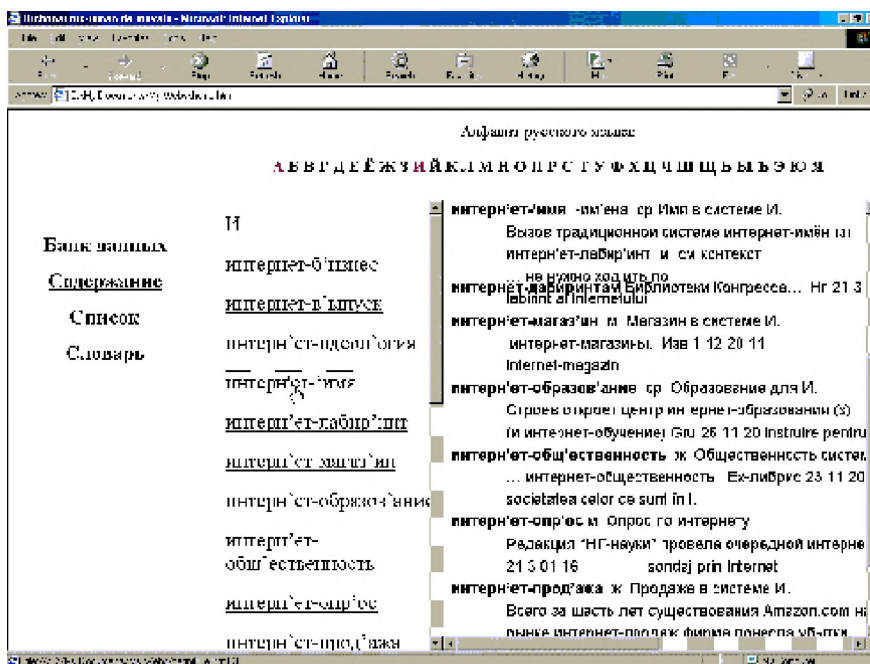
Экран, кроме заглавия содержит кнопки связи, ведущие ко второму уровню (алфавит русского языка).

Алфавит русского языка:
А В В Г Д Е Ё Ж З И К Л М Н О П Р С Т У Ф Х Ц Ч Ш Щ Ъ Ы Ь Э Ю Я

Следующий уровень представляет разделы: описание словаря; введение; список использованных изданий; библиография. В разделе *алфавит* каждая буква представляет следующую связь со списком единиц, имеющих в начале букву И, например:

Последний уровень, даёт все данные, относящиеся к лексеме с отдельной начальной буквой: например: *бизнес-, био-, e-коммерция, ГМ- культура, интернет, панк-группа...* и т.д.

От каждого уровня возможна связь с одним уровнем из четырёх существующих. Самые новые элементы лексики русского языка относятся к сфере интернета по печати 1998-2003 гг. (новые лексемы, синтагмы/

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

термины IT, аббревиатуры, «заимствования» и морфемы, участвующие в реализации инноваций данного периода).

Необходимо добавить, что по отношению к заглавию, работа состоит из двух частей: первая часть имеет в виду материал 1994-1998 гг., а вторая часть содержит лексический материал, относящийся к следующему периоду, к 1999-2003 гг. (для последнего года имеется в виду материал первых 6 месяцев). Объединяются эти две части обложкой. Во время работы над собранным по печати (см. *Список...*) материалом возникли некоторые вопросы: а. на уровне русского текста эти трудности были связаны с аббревиатурами, с их расшифровкой, с поиском наилучшего варианта румынского эквивалента; б. в случае заимствований необходимо было правильно передать семантику единицы и её соответствующую орфографическую форму (иллюстрацией могут служить: он-лайн/on-line, он-лайновый; ГМ-продукты/produse modificate genetic; е-коммерция; продавец-консультант; экозона; в. в случае сложных единиц (Интернет-услуга и др.) необходимо было учесть особенности румынской топики (servicii Internet.....); г. не среди последних следует иметь в виду и те проблемы, которые возникли в случае дериватов от собственных имен, антропонимов, топонимов и при отсутствии основного имени в широком контексте (барвихинский хлеб/pâine din Barviha, зю<Зюганов).

Технические термины не всегда прозрачны или, иногда, по их переводу необходимы и другие знания, порой связанные с системой производства, с материалами и технологиями страны и далее с социальными структурами зоны, Европы, с перспективой их использования, необходима консультация у специалиста области (случай в словаре прошлого века с *конфоркой* газовой плиты в переводе ochi [глаз] с исходом от обыкновенной старой железной (чугунной) плиты, хотя необходимо было использовать дериват от *гореть* [arzător] объясняется лишь тем, что данная единица относилась к новинкам и здесь, фактически, речь шла о двух разных терминах: о месте, где от газа появляется огонь и о соседнем элементе, окружающем огонь).

Тем более внимание должно быть многократно увеличено в связи со столь многочисленными единицами из весьма новых отраслей техники и технологий информатики, медицины, фармацевтики, исследований космического пространства, моды, искусства (см. *перформанс*) и пр.

Эти единицы сопровождаются грамматическими пометами, кон-текстом и румынским эквивалентом (примеры в *PPСловаре...*)

В связи с аббревиатурами ознакомление с фактами пройденных десятилетий может лишь помочь, а не решить судьбу подлежащего раскрытию сложной аббревиатуры/термина и его точного применения в настоящее и тем более в будущем (особо следует относиться к вопросам восприятия на слух этих единиц, вне письменного текста, в отсутствие широкого контекста). Эта масса элементов требует большего внимания и дополнения на уровне лексикографических работ с постоянным дополнением инвентаря и обеспечения доступа по интернету любому, заинтересованному лицу. Точность в данном случае возможна с помощью

специального форума, который профессионально сможет направить заинтересованных лиц в данной сфере.

Обычный словарь новинок не может включить столько единиц, возникающих ежесекундно во всех сферах человеческой деятельности, а развитие общества приведёт к ряду новых специфических единиц. В пределах лексики современного русского языка производные от антропонимов и топонимов, прилагательных (бутиковый <бутик/boutique, геленджикский <Геленджик, УнивParty <Университет+Party, вечеринка в МГУ), наречий, сложных образований (российско-венесуельский, русско-польско-французский [проект]; имеются и многосложные образования), которым не так часто лексикографы (по известным причинам) уделяли должного внимания.

Меняется оптика людей при выборе имени для своего ребенка (был случай с присвоением младенцу имя террориста) и места в природе или городе (Москва-сити), тем более если необходимо имя для космического объекта (аппарата, лаборатории, пищи и жилого дома со всеми удобствами в космосе) при развитии в недалеком будущем туризма в разных зонах Луны и пр.

Стоит ли всё это регистрировать? Думается, что да. Но это не дело отдельного работника. Seriously надо думать о научной работе на каждом месте в вузе с нагрузкой настоящего времени. Обзор образований и характерных черт языка персонажей литературного произведения весьма интересен, но количество подобных вероятно предстоит снизить в пользу открытия новых линий исследования явлений настоящего в жизни языка.

Вторая половина XX века отличалась невиданными достижениями русской лексикографии и верится в реализацию новых качественных результатов в этой области и в течении данного периода. Для этого необходимо подготовить лингвиста соответственно и по информатике. Настоящий работник гуманитарных наук и лексикограф со знаниями по информатике и компьютерному делу (оснащение филфаков техникой настоящего – вопрос особый) обеспечит новый импульс и ожидаемый результат в этом деле. Продолжение работы возможно далее только при наличии бóльшего количества печати и печатных изданий.

В нерусской аудитории не так много нового и доступ к информации, к интернету, достаточно ограничен, печатные издания по специальности доходят до аудитории с ограничениями и в отношении стоимости для отдельных лиц, но и для библиотек комментарии можно отложить. Форумы при встречах их представителей призваны обсудить и эти вопросы. Это только поможет делу.

Библиография

1. *Словарь русского языка*. 1-4. Москва, 1981-1984.
2. *Новое в русской лексике. Словарные материалы – 77...* (серия); *Краткий словарь понятий и терминов*. Второе издание. Москва, 1995.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

3. Думитреску Мария. *Транзитный период в обществе и отражение фактов и процессов на уровне лексики русского языка*. В: *Сообщения на Международном Конгрессе МАПРЯЛ*. Братислава, 1999.

4. Думитреску Мария. *Русско-румынский словарь инноваций 1994-2003 гг.* Бухарест, 2003.

**АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ИСТРОРУМЫНСКОМ ДИАЛЕКТЕ
(ВЛИЯНИЕ ХОРВАТСКОГО ЯЗЫКА)**

Рихард Сырбу (Richard Sârбу)

Исторумынский диалект, один из трёх южнодунайских румынских идиомов, который оторвался от румынского языка в XIV-ом веке, позже чем арумынский и мегленорумынский диалекты. Он находился в течение столетий под сильным влиянием нескольких языков: хорватского, словенского и итальянского (истриото-венетского), а в период австрийской администрации – и под влиянием немецкого языка. Об этом многоязычном активном влиянии свидетельствуют многочисленные лексические заимствования из этих языков¹.

Исторумыны или «западные румыны», как их называл знаменитый румынский учёный Секстил Пушкарю², известны в румынской и зарубежной историографии также под названием «румери» (< *rumeni*, с ротацизмом), «чичи»³, «чирибири»⁴ или «истровлахи»⁵.

Сегодняшние исторумыны – их не больше нескольких сотен человек – живут в двух группах: на севере Истрии, в Чичарии, в селе Жеяне, где они составляют компактную своеобразную языковую общность, и на юге, у подножья Учкой горы (Monte Maggiore), в селе Сушневице, а также в нескольких малонаселённых южно-истрийских посёлках на долине реки Раша, недалеко от Сушневицы.

На эти разновидности (говоры) исторумынского диалекта ярче всего оказалось, особенно в последнем столетии, влияние хорватского языка в его стандартной форме, как и влияние соседних истрийских хорватских местных говоров чакавского типа⁶.

Несмотря на это, в исторумынском диалекте, особенно в жеянском, более консервативном, говоре, сохранились старые румынские морфосинтаксические формы, а также старый основной словарный фонд, так как жеянцы более отдалены от главных магистралей. В селе Сушневице, например, которое расположено недалеко от магистрали Пазин – Лабин – Риека, в меньшей мере сохранились в говоре архаичные структуры румынского происхождения под сильным и долговременным влиянием итальянского и хорватского языков.

В данной работе синтетически представлены основные тенденции, которые проявляются сегодня в рассмотренном идиоме, как на уровне его лексико-грамматической системы (1), так и на уровне спонтанной живой речи исторумын, виды проявления билингвизма и его последствия (2).

Прежде всего надо подчеркнуть, что основной характеристикой актуальной тенденцией исторумынского диалекта является

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

интенсификация его дивергентной эволюции по отношению к дакорумынскому (современному румынскому языку) и к другим южнодунайским румынским диалектам.

(1) Анализ большого числа текстов, которые мы зарегистрировали в последних двух десятилетиях (1982-2000 гг.) в упомянутых двух хорватских местностях и которые частично были опубликованы в нашей книге *Dialectul istroromân. Texte și glosar*⁷, подтверждает наше убеждение в том, что влияние хорватского языка, в его чакавской и стандартной разновидностях, на истрорумынские говоры, оказалось на всех уровнях диалекта, даже в морфосинтаксисе, в этой наиболее консервативной области любого идиома. Диалектальный материал, разработанный в указанной книге, представляет собой богатый источник иллюстративных примеров и надёжную основу для аргументации теоретических положений о сегодняшнем состоянии диалекта.⁸

Наш истрорумынский глоссарий⁸ содержит 2520 слов, из которых больше 50% являются хорватскими заимствованиями, а 16% словарных единиц – хорватского или словенского происхождения⁹.

Кроме этого, в нашем глоссарии 3% единиц – исключительно словенского происхождения, 4,7% – итальянского происхождения, а 3,5% слов являются старыми славянскими заимствованиями, унаследованными из прарумынского языка¹⁰.

Слова латинского происхождения, унаследованные из прарумынского языка, составляют только 25%, зато они являются более значительными, чем хорватские заимствования, так как они относятся к основному лексическому фонду диалекта, в то время как хорватские и другие заимствования относятся к массе вокабуляра. С другой стороны, их частотность в *текстах* гораздо большая, на что указывает и хорватский языковед Август Ковачес¹¹.

Что касается немецких заимствований (5% единиц нашего глоссария), во многих случаях трудно установить через посредство какого языка – хорватского или словенского – проникли в диалект, так как такие слова в одинаковой мере принадлежат лексике обоих языков. Кроме этого, большинство германизмов свойственны и некоторым банатским говорам румынского языка. Мы считаем, что такие слова были унаследованы из более старых лексических пластов дако-румынского диалекта, или были заимствованы из словенского языка, имея в виду их словенские фонетические характеристики, или же проникли прямо из немецкого языка во время австрийской администрации в Истрии.

Другие заимствования (из болгарского, греческого и других языков), как и исконно румынские единицы автохтонского фонда (общие с албанским языком, типа *rânza, zer, rața*), а также лексические единицы с неясной этимологией, занимают в нашем глоссарии незначительное место.

Относительно словарного состава исследуемого диалекта наблюдаются некоторые типичные тенденции. Кроме значительного увеличения числа актуальных заимствований из официального хорватского языка, в рассмотренном идиоме наблюдаются лексические единицы со смешанной

структурой, образованные в результате так называемой межъязыковой контаминации, типа: *zmuntita* “сумасшедшая” (*Zmuntita-s și io*, “Я тоже сумасшедшая” – *Mila lu Tuhton*, 49 лем) < причастие от глагола *zmunti* < ст. сл. СЪМѢСТИ или хрв. *smutiti*; ср. рум. *sminti*);

- *scoara* «кора» < слов. *skorja* + хрв. *кора* или лат. *scortea* + хрв. *кора*;
- *sfr.ji* «печь» < лат. *frigere* + хрв. *i/spržiti*;
- *ramer* «плечо» < хрв. *rame* + *umer* (< лат. *humerus*);
- *rozast* «розовый» < ит. *rosa* + хрв. суф. *-ast* (cf. *ružičast*).

Наряду с такими контаминациями, в нашем словаре очень много смешанных глагольных структур, формантами которых являются элементы румынского и хорватского происхождения, типа *zaciude* “закрыть”, *rasciude* “открыть”, *namânca* “наестся”, *poscula* “разбудить” и др. Очень много таких смешанных структур и среди числительных и наречий. Например: *cândgod* “в любое время” (< рум. *când* < лат. *quando*) + хрв. – *god*); *cotrogod* “куда бы то ни было” (< рум. *încotro*, < лат. *in contra ubi*) + хрв. – *god*); *invagod* “езде” (< ир. *Iuva*, < лат. *hic ubi*) + *-va* (< лат. *volat*) + хрв. – *god*); *câtgod* “сколько-нибудь” (< рум. *cât*, < лат. *quantus*) + хрв. *goa*); *petzeč* “пятьдесят” (хрв. *pet* + рум. pl. *zeci*), *morke* “может быть” (< хрв. *mora* + ир. *ke* < лат. *quod*), *subreg* “под берег” (< ир. *su* < лат. *sub* + хрв. *breg*) и многие другие.

Что касается морфосинтаксиса истрорумынского диалекта, следует отметить, что обнаруживается, с одной стороны, целый ряд общерумынских элементов, хорошо сохранившихся до сих пор, например, старые формы в парадигматике и синтагматике имени существительного, местоимения и глагола. С другой стороны, в наших текстах многие конструкции бывают смешанного типа: они содержат заимствованные славянские элементы, главным образом хорватские, наряду с исконно румынскими (например, глагольные конструкции, имеющие румынскую основу и румынский суффикс инфинитива, а также хорватский префикс, как видовой формант, типа *mânca* – *namânca* «есть – наестся»), отрыв вспомогательного глагола от полнозначного глагола в составе предикативных конструкций (например, *Am âra purtât* «Носил я воды»; *Io am de mic ramâs far de mâie și far de cățe* «Я ещё маленький остался без матери и без отца»), предикативные конструкции с прилагательными и наречиями на *-o* (*Iâco-i buro* «Очень хороший», *Șe-i de novo?* «Что нового?») и другие, о которых подробно мы говорили в других работах¹³.

Основная тенденция, проявляющаяся в синтаксисе исследуемого диалекта, состоит в увеличении конструкций такого типа в речи сегодняшних истрорумын и даже в полной их замене хорватскими эквивалентами.

(2) Все эти явления, проявляющиеся всё чаще в последнее время в речи носителей данного идиома, представляют собой прямое последствие долговременного их билингвизма.

Проблема билингвизма истрорумын была предметом исследования многих румынских и зарубежных языковедов¹⁴. Их большинство, как

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

известно, высказывали мнение об интенсификации этого сложного социо-психо-лингвистического явления и речи истрорумын, владеющих в одинаковой мере как собственным родным идиомом, так и официальным хорватским языком, и пользующихся ими в зависимости от различных обстоятельств совместной жизни с хорватами и от целого ряда социальных факторов¹⁵.

Эту мысль мы неоднократно подчёркивали в выше цитированных наших работах и в докладах на Национальных конференциях по билингвизму (Бухарест, 1995 и 1997 гг. "Linguarax"), как и недавно в пленуме Международного симпозиума на тему «Истрорумынский идиом вчера, сегодня, завтра», состоявшегося в Пуле (Хорватия), 30-31 апреля 2000-ого года.

Это явление активно проявляется в речи сегодняшних истрорумын как прямое последствие постепенной потери коммуникационного потенциала идиома, многочисленных межъязыковых интерференций в данном социокультурном контексте. Многие лексические заимствования из хорватского языка, лексико-грамматические кальки и полукальки по модели официального языка и другие подобные языковые факты ведут к значительному сужению сферы использования диалекта в пользу официального языка и определяют *асимметрический* характер билингвизма истрорумын. Такой тип билингвизма состоит в том, что говорящие, владеющие в одинаковой мере двумя языковыми системами и мыслящие в двух языках, в силу своих жизненных потребностей чаще всего прибегают к официальному языку, чем к своему родному идиому, «отвыкаясь» общаться на нём¹⁶.

В речи сегодняшних истрорумын, в этом смысле, можно выделять контекстуальные «колебания» двух типов, которые сигнализируют о распространении отдельных форм такого вида билингвизма: **(а) межъязыковая итеративная синонимия и (б) контекстуальная индукция аллоглотных единиц** на уровне высказывания.

(а) Межъязыковая синонимическая итерация в истрорумынских текстах является явным выражением двуязычного поведения говорящих. Это явление состоит в повторении, по различным социо-психо-лингвистическим причинам, эквивалентных лексем языков А (родного) и Б (официального) для обозначения одного и того же понятия в одном и том же высказывании. Данные аллоглотные синонимические единицы выполняют в соответствующих контекстах известные функции синонимов: уточнения или экспрессивного разнообразия речи. Например;

Atunče dupa pârva oste, pârvi svetski rat? N-â fost bire. (Sanković Ana, 81 лет, Жеяне); Pac âv zis ke s-âu mestecât cjele oi, ke s-âu spoit scupa. (Sanković Carmelo, 62 лет, Ж.); N-âm nego cjetârtina de-a mev jeludeț, ștumiș. (Marmelić Maria, 73 лет, Ж.).

Иногда переход от единиц одного языка к единицам другого языка происходит постепенно через синтагмы смешанного типа, например:

Âu stara îarcva, stara besereca, betâra besereca facut. «Построили новую церковь». (Sanković Măte, 82 лет, Ж.).

(б) Другое явление, свойственное спонтанной речи истрорумын, это так называемая **«контекстуальная индукция»** языковых единиц, при которой преобладают элементы языка А или языка Б в зависимости от структуры синтаксических конструкций. Так например, в конструкциях с хорватскими коррелятивами *ne samo - nego*, преимущественно используются хорватские лексические единицы, хотя истрорумынская лексическая система обладает своими соответствующими единицами. Ср. *Ne samo io, nego više l'udi*. «Не только я, но и другие люди» (Ср. и-рум. omîr «люди»). Другой пример: *Ko da sâm tu rogenî brat*. «Как бы я ему родной брат» (ср. и-рум. frâte).

Такие лексические колебания в речи истрорумын объясняются их интенцией быть хорошо понятыми в общении с чужими лицами. Однако в таких текстах заметно желание лиц различного возраста чётко подчёркивать оттенки в значении и в использовании данных слов-дублетов. Это выявляет наличие языкового сознания у говорящих лиц, владеющих двумя кодовыми видами общения и осознающих, в то же время, разнообразие прагматических их потребностей общения в зависимости от определённого ситуативного контекста.

Однако следует подчеркнуть, что процесс этого «языкового смешивания» (т.е. быстрого, иногда незаметного, перехода от одного языкового кода к другому, более удобному и более легкому для выражения мыслей в той или иной речевой ситуации) естественно не ведёт к появлению «нового смешанного языка»¹⁷, в результате «хорватизации» истрорумынского диалекта в структурном плане, а ведёт к тому, что члены настоящих и будущих поколений данной языковой общности отказываются от своего родного идиома, угрожённый потерять свою главную роль – функцию общения.

И на самом деле частое использование иногда целых аллоглотных синонимических рядов предвещает ослабление языковой компетенции говорящих на своём родном языке. Поэтому возникает необходимость реализации равновесия, относительно двуязычной компетенции членов небольших этнических общностей, посредством культурных мероприятий охранения и подкрепления обеих языковых систем. А это возможно, в нашем случае, только в результате постоянного и настойчивого проведения соответствующей совместной культурной политики хорватскими и румынскими властями.

Исследования в связи с билингвизмом истрорумын и, вообще, с их судьбой, оказываются злободневными особенно сегодня, когда некоторые зарубежные лингвисты или этнологи, пренебрегают очевидные языковые факты и историческую правду, самую реальную действительность, а именно тот факт, что сегодняшний истрорумынский идиом представляет собой настоящий **живой музей румынского языка**, отражающий своими основными лексико-грамматическими категориями древнейшее состояние прарумынского языка. Они отрицают румынскую субстанцию данного диалекта, его содержательность и ставят под вопросительный знак даже существование **билингвизма** у носителей идиома. Так, например,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

хорватский исследователь Йосип Миличевич в своей статье *Postoje li istroromunji?* «Существуют ли истрорумыны?» опровергает любое теоретическое положение, поддерживающее языковую системную организацию истрорумынских говоров. Он считает, что даже этноним *истрорумыны* не соответствует исторической правде и предлагает другой – *истровлахи*, вполне соответствующий «своей правде», согласно которой истровлахи по происхождению *из Динарских гор (!?!)* и не находились в контакте с румынами¹⁸.

Не менее удивительными оказываются теории некоторых исследователей, которые в своём намерении вскрывать генезис хорватского языка, прибегают к различным «оригинальным аргументам», недопускаемых с научной точки зрения, хотя бы относительно истрорумынского идиома. В своих поисках в области праистории ссылаются и на утверждения И. Миличевича. По их мнению, «чирибирский» идиом не является диалектом общерумынского языка, а прастарым языком, который имеет свои начала укоренены в глубокую древность доиранской цивилизации Малой Азии. Вопреки тому, что они не располагают ни одним основополагающим языковым доказательством, всё же категорически утверждают в самом заглавии своей статьи, что *«жеянцы – прахорваты, а не румыны»*¹⁹, и дальше в тексте статьи – *«Жеянцы – это последние живые потомки доиранских прахорватов»*. «Аргументы», приведенные авторами в поддержку такого чудного вывода, являются не менее удивительными, вводя нас в мир асирских и месопотамских легенд. По их мнению, в глубокой древности «чирибирский» идиом составлял вместе с двумя другими прахорватскими говорами реликтную диасистему античных прадиалектов, происходящих *«из нашей иранской прародины в Малой Азии»*. *«Чирибирский в Истрии – пишут авторы – наши последние остатки праславянского, ранохорватского праязыка»*.

В таком случае естественно возникает вопрос «Чем объясняются многочисленные структурные сходства этого идиома с румынским языком?» На такой вопрос возможны только два ответа: или (а) чирибирский говор и румынский язык восходят к общей прарумынской основе латинского происхождения (будучи романские идиомы с фракийским субстратом), располагая общими исконно-румынскими особенностями морфосинтаксической структуры и общим основным словарным фондом, что давно было основательно доказано румынскими и зарубежными лингвистами, или же (б) и румынский язык генетически связан с античными прадиалектами Малой Азии и в течение тысячелетий подвергался самым различным преобразованиям: иранизации, славянизации, романизации и т.п., что пока трудно доказывать.

Хотя мы в принципе вполне согласны с авторами насчёт необходимости охранения реликтных языковых общностей с их старинными традициями и культурными ценностями, ни в коем случае не можем соглашаться с их теорией о происхождении истрорумын и их идиома.

В прямой противоположности с выше цитированными авторами, целый

ряд выдающихся зарубежных и румынских лингвистов, как, например, Аугуст Ковачец, Зоран Филипи, Елена Слэрлэтоу и другие исследователи²⁰, с большим интересом и вниманием, основываясь на конкретных релевантных языковых фактах, определяют этно-лингвистический статус сегодняшних истрорумын, согласно объективным научным требованиям. Такие исследования оказываются ценными особенно в наши дни, в контексте сегодняшней Европы, с её открытой политикой учитывать и поддерживать желания и стремления любой этнической и языковой общности, несмотря на её величину, имея в виду, что её ценности, созданные в протяжении веков, представляют собой своеобразный памятник и драгоценный вклад в общее культурное европейское сокровище.

ССЫЛКИ

1 См. наши работы *Interferențe româno-slave în lexicul istroromân actual*, в "Romanoslavica" (Rsl), XXIX, București, 1992, с. 227-240; Present-Day Tendencies in the Morpho-Syntax of Istro-Romanian Dialect, "Linguistica", XXXI, Ljubljana, 1991, с. 141-151; Observations sur le lexique istroroumain actuel, "Linguistica", XXXIV, 2, Ljubljana, 1994, с. 73-80.

2 См. Sextil Pușcariu, Studii istroromâne, în colaborare cu M. Bartoli, A. Belulovici și A. Byhan, vol. II, București, 1926. См. подробнее о данном диалекте следующие работы: Fr. Miklošič, Rumänische Untersuchungen, I, Istro- und Makedo-rumänische Sprachdenkmäler; II. Istro-rumänische Denkmäler, Wien, 1881-1882; Ion Maiorescu, *Itinerar în Istria și vocabular istriano-român*, București, 1874 (ediția a doua, București, 1900); Iosif Popovici, Dialectele române din Istria, vol. I, Halle a.d. Saale, 1914; vol. II, 1909; Ovid Densusianu, Istoria limbii române, București, vol. I, Originile, 1961; Emil Petrovici, Elementele sud-slave orientale ale istroromânei și problema teritoriului de formare a limbii române, "Cercetări de lingvistică", XII, 1967, nr. 1; A. Kovačec, Descrierea istroromânei actuale, București, 1971. (См. и главу *Istroromâna, Tratatul de dialectologie românească*, Craiova, 1984, с. 550 и след.).

3 От хор. *čiča* «дядя»; данный этноним обозначает руководительного лица, вождя, князя, или может происходить от имени истрийского феодала влашского рода Pascalus Chichio, на имении которого работали прадеды сегодняшних истрорумын.

4 Этот этноним, по мнению некоторых лингвистов, отражает одну фонетическую особенность диалекта, а именно *ротацизм*: *čige* (рум. *sine*) «кто»+*bire* (рум. *bine*) «хорошо». Мы же считаем, что происходит от турецк. *seri beri* «защитник границы», так как известно из истории, что «влахи – войники», организованные в «катунах», как защитники сербских границ, часто воевали с турками, пользуясь, поэтому, «влашским правом» со стороны сербских королей (напр., во времени Уроша III). См. Sextil Pușcariu, *цит. раб.*, с. 9; Silviu Dragomir, *Vlahii din Serbia în secolele XII – XV*, "Anuarul Institutului de Istorie Universală din Cluj", I (1922), с. 279 – 299; *Vlahii și Morlacii*, "Publicațiile Institutului de Istorie Universală", Cluj, 1924; тот же, *Originea coloniilor române din Istria (Academia Română, Secția Istorie, Seria III, tom. II, mem. 4)*, București, 1924; тот же, *Vlahii din nordul Peninsulei Balcanice în Evul mediu*, București, 1959; Anton Kovaz, *Dei Rimigliani*

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

o Vlahi d'Istria, "L'Istria", 1-2, Trieste, 1946; Giuseppe Vassilich, Sui rumeri dell'Istria. Loro sedi. Quando e donde vennero (Riassunto storico-bibliografico), Gabinetto di Minerva, Nuova Serie, vol. XXII, 1899-1900, fascicolo primo, Trieste, 1900, c. 157-236.

5 См. Iosip Miličević, *Istrovlasii ili čiribirici*, «Jadranski zbornik», 13, Pula – Rjeka, 1989, c. 301 – 302.

6 См. нашу работу *Мсрфосинтаксические структуры славянского типа в современном истрорумынском диалекте* (доклад на Международном съезде славистов в Братиславе, 1993), опубликованную в Rsl, XXX, București, 1992, c. 137-151.

7 Timișoara, Ed. Amarcord, 1998 (в сотрудничестве с В. Фрацилэ).

8 См. Glosar, c. 186-306, в вышеуказанной нашей книге.

9 В связи с этими заимствованиями возникает вопрос отграничения хорватских и словенских лексических элементов в диалекте, так как данные слова по своей форме и по своему значению имеют параллели как в хорватском, так и в словенском языке.

10 См. Г. Михаилэ, *Împrumuturi vechi slave, comune daco-românei și istro-românei*, "Studii și cercetări lingvistice", XXXIV, 1983, nr. 1, c. 43-53.

11 А. Ковачец, на основе *появлений* слов в текстах, составляющих корпус своего *истрорумынско-хорватского словаря*, приходит к выводу, что слова, унаследованные из прарумынского языка, составляют важнейшую словарную массу истрорумынских текстов, записанных им, в то время как иностранные (нерумынские элементы: славянские, особенно хорватские, итальянские и др.), несмотря на их большое число, часто имеют периферийную значимость. См. *Istrorumunjsko-hrvatski rječnik (s gramatikom i tekstovima)*, Pola, 1998, c. 306.

12 См. нашу работу *Мсрфосинтаксические структуры в глагольной системе истрорумынского диалекта. Влияние хорватского языка*, Rsl, XXXV, București, 1997, c. 57-71.

13 См. нашу работу, цитируемую в сноске 6.

14 См., например, Sextil Pușcariu, *цит. раб.*, passim.; E. Petrovici, P. Neiescu, *Persistența insulelor lingvistice. Cercetări făcute cu prilejul unor anchete dialectale la istroromâni, meglenoromâni și aromâni*, «Cercetări de lingvistică», IX, no. 2, Cluj, 1964, c. 187-214; Radu Flora, *Câteva observații cu privire la bilingvismul manifestat în graiurile istroromâne*, «Actele celui de-al XII-lea Congres internațional de lingvistică și filologie romanică», II, București, 1971, c. 1009-1022; August Kovačec, *Iezik istarskih «Rumunja»*, в сб. «Anali za istrske in mediteranske študije», 6/95, Series historia et sociologia, 2, Koper, 1995, c. 65-74.

15 См. подробно об этом в нашей работе *Aspecte ale interferenței de coduri în istroromâna actuală*, в сб. «Relații interdisciplinare ale lingvisticii aplicate», Cluj-Napoca, 1989, c. 238-241.

16 В отличие от «асимметрического», «симметрический» билингвизм - идеальная форма этого явления, которая предполагает: использование в одинаковой мере двух «кодов», родного и неродного, способность говорящих производить и понимать высказывания в обоих языках, языковое сознание говорящих, что владеют обоими языковыми системами как средствами общения. См. Об этом нашу работу *Recurența sinonimică la vorbitorii bilingvi*, в сб. *Relații interetnice în zona de contact româno-maghiaro-ucraineană din secolul al XVIII-lea până în prezent* (coordonatori: dr. Hans Gehl și Viorel Ciubotă), Satu Mare – Tübingen, 1999, c. 331-338.

17 См. I. Coteanu, *Cum dispare o limbă (Istroromâna)*, București, 1954.

18 Iosip Miličević, *Postoje li istrorumunji?* «Annales, Anali za istrske in mediteranske študije», 6/95, Series historia et sociologia, 2, Koper, 1995, c. 99.

19 Prof. dr. Ivan Biondič, dr. A.Ž. Lovrić, dr. Stjepan Murgić, dr. Mladen Rac, Žejanci su prahrvati, a ne Rumunji, "Glas Istre", 9 октября, 2000 г., с. 19.

20 См., например, в том же журнале "Annales, Anali za istrske in mediteranske študije", 6/95, Series historia et sociologia, 2, Koper, 1995: August Kovačec, Jezik istarskih "Rumunija", с. 65-74; тот же, Hrvatski i talijanski uticaji u istrorumunjskoj gramatici, с. 89-97; Goran Filipi, Istrska ornitonimia: ptičja imena v istrorumunjskih govorih, с. 77-88; Srdja Orbanić, Status attuale delle comunità istroromene, p.57-64; Ervino Curtis, La lingua, la storia, le tradizioni degli istroromeni, в сборнике L'Istroromeno. La lingua, la cultura, la storia. Parliamone per salvarlo, Trieste, 1996, с. 6-12; Fulvio Di Gregorio, Alcune note storiche sugli istroromeni, в том же сборнике L'Istroromeno..., с. 20-24; Dario Marušič, Le tradizioni musicali dei rumeri, в том же сборнике L'Istroromeno..., p. 14-19.

Cf. și Elena Scărlătoiu, Istroromânia și istroromâna. *Relațiile lingvistice cu slavii de sud*, București, 1998.

**Молдавская антропонимия славянского происхождения
(конец XVIII – начало XIX вв.)**

Юстина Бурч (Iustina Burci)

„Взаимовлияния между языками соседних народов являются этнической необходимостью, и их последствия имеют очень большое значение для истории прогресса на родов”, - сказал известный румынский лингвист и фольклорист Лазэр Шэиняну (1859-1934). Часто заимствуется заодно с чужим словом и соответствующее ему понятие и тогда „отбор и классификация этих экзотических элементов могут дать ценную информацию о культурных явлениях, пришедших извне”¹.

Историческое изучение языка доказывает, что за свою эволюцию язык усвоил и адаптировал многочисленные иностранные элементы и это явление заимствования (по лингвистическим и экстралингвистическим причинам) постоянно проявляется. Часто отмечалось, что во все времена мода играла значительную роль в восприятии этих заимствований, главным образом господствующими классами. Но проблема оказывается более сложной, ибо здесь идёт речь и об определённой степени духовной совместимости народов, которые входят в контакт. Эта совместимость привела к тому, что пришедшие в язык новые элементы укоренились или нет, „прижились” только в одних разделах языка, в отличие от других. Так, например, в то время как в румынском языке турцизмы определяют обычно материальную сферу и связаны, кроме политики и военного искусства, с домашним миром, с одеждой, едой, торговлей, промышленностью, то греческий язык и, в особенности, книжнославянский язык проявляют себя главным образом в интимных (если можно так выразиться) областях румынской духовности – в религиозной и интеллектуальной жизни.

Наличие славянских элементов в румынском языке является результатом продолжительной стратификации. „К древнему славянскому пласту, общему для нас, для болгар и сербо-хорватов, прибавился другой в эпоху использования старославянского языка в канцеляриях и в церкви...: один в Валахии – южнославянского происхождения, другой, связанный с украинским влиянием, (...) особенно в Молдавии и в Марамуреше”².

Молдавский край имел в определённое время прямой контакт с русским и украинским языками, и следы этого сильного влияния заметны и сегодня на антропонимическом уровне.

Интенсивность этого влияния привела к тому, что в некоторых случаях „славянские элементы так сильно укоренились у нас, что и после того как некоторые имена стали забываться самими славянами, они были опять взяты от румын”³.

В катаграфях, составленных в фискальных целях, для Молдавии⁴ и города Ясс⁵ в конце XVIII и начала XIX века, постоянно отмечается присутствие славянского населения (особенно русского) в этом крае.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Даже ранние документы доказывают их существование в Молдавии. В Яссах, одной из движущих сил, которая способствовала развитию города, можно назвать и раннее присутствие иностранных ремесленников и купцов, так как „будучи таким значительным торговым городом, его население было очень смешанным”⁶. Власти были постоянно заинтересованы в том, чтобы привлекать всё больше иностранных торговцев, предоставляя им разные льготы, так как они развёртывали более широкую торговую деятельность по сравнению с румынскими торговцами (ибо действовали и за границей), и, таким образом, способствовали процветанию города⁷. Наряду с армянами, саксами, евреями, греками и др., русские, и в меньшем числе поляки, сербы и болгары постоянно упоминаются среди этих торговцев и ремесленников.

Начиная с последних десятилетий XVI века, но особенно в XVII и XVIII веках, колониисты славянского происхождения являются уже составляющей частью населения города Ясс: многие из них окончательно тут поселились. Они жили в определённых частях города, где ещё с тех пор улицы назывались Армянской, Венгерской, Русской.

Катаграфия судитов⁸ в Молдавии⁹ отметила в 1824-1825 годах 2282 судита (главы семьи). Из них 1005 проживали в Яссах: 432 еврея, 115 русских, 75 молдован, 54 немца, 51 армянин, 50 поляков, 49 греков, 47 пруссаков, 28 сербов, 25 французоз, 21 венгр, 14 румын, 13 русских-липован, 10 итальянцев, 4 болгар, 4 саксонца, 3 швейцарца, 3 трансильванца, 2 буковинца, 1 немцо-француз, 1 брашовянец (житель города Брашова), 1 датчанин, 1 армяно-поляк, 1 греко-молдованин. Надо сказать, что некоторые категории судитов накладываются – частично или в целом – одна на другую: например „румыны” – это значит брашовянце, т.е. их можно отнести и к трансильванцам.

Так как иностранцы проживают вместе с местным населением, со временем будет происходить двунаправленный обмен элементами на лингвистическом уровне, особенно атропонимическом, ибо об этом идёт речь.

С одной стороны, большое число этих иностранцев - мы имеем в виду славян – было ассимилировано румынским населением, что отражалось и на именах, которые они носили. Очень часто, только указание – русский, болгар или поляк, следующего после румынского имени, информирует нас о национальности его носителя¹⁰: Иоан Ионел, русский; Йордаке чеботарь¹¹, русский; Тоадер Дэнилэ, серб; Василе Ботезату, поляк¹² и др. Но и в этом случае, хотя называют их „судитами”, даже власти колеблются в том, считать ли их иностранцами или нет. Так, например, в указанной катаграфии 1824-1825 гг. содержатся настоящие „биографические карточки” судитов, в которых встречаются такие пометки: „Не может быть судитом, раз он женат на румынке, является хозяином дома, и живёт уже долгое время в Молдавии, не возвращаясь в свою страну”.

Смешанные браки являются одним из факторов, которые привели, от случая к случаю, или к принятию местных имён и фамилий, или к сохранению традиционных имён и фамилий колониистов. Наряду с ними,

другим фактором являются изменения имён благодаря переходу лиц к другой религии, через крещение в православную веру: „Константина и Петра – липованов, мы учили катехезису, догмам нашей православной веры и помазали их Святым Миром, называя Константина Григорием, а Петра Василием”¹³.

С другой стороны, список румынских имён и фамилий содержит значительное число славянских антропонимов или антропонимов, образованных со славянскими суффиксами. Даже более того, румынская аналитическая формула деноминации (употребляемая до начала XX века) образуется по славянскому образцу¹⁴ и с помощью заимствованных славянских элементов, выражающих степень родства: *sin* (сын), *brat* (брат), *zet* (зять), *vnuc* (внук): *Andrei sin Robusciuc*, *Arion sin Jalobă*, *Marcu sin Velciu*, *Matei sin Fedco*, *Mihai sin Vlaicu*, *Neculai sin Gavril Covrig*, *Vârlan sin Lateş*, *Lefter brat Gavril*, *Lupul brat Niculai*, *Ilie brat văcar* (пастух коров), *Apostol brat Mardarie Vasăli*, *Pricopi zet Gliga*, *Lupu zet Răuţu*, *Luchian zet Irimia*, *Ştefan zet Nisip*, *Ivan zet pânzariul* (продавец полотна), *Andreeş zet Cucul*, *Ivan vnuc Mitroi*, *Dinu vnuc Iureş*.

Первые три термина (*sin*, *brat*, *zet*) остались до сих пор в ходу как фамилии и имеют следующую частоту в современной Румынии: *Sin* – 1.171, *Brat* – 21.195, *Zet* – 569¹⁵.

Наличие славянской системы деноминации и славянских имён в румынском ономастиконе предполагает их обязательное диахроническое исследование. И. Пэтруц указал в своём труде Румынская ономастика¹⁶, что нельзя точно установить, каким образом вошли эти имена в румынский язык: либо как следствие тесных контактов румын и славян, либо как следствие многовекового использования книжнославянского языка в церкви, администрации и в дипломатии румынских княжеств.

Независимо от обстоятельств, при которых пришли к нам эти имена, неоспорим тот факт, что они часто упоминаются в катаграфиях конца XVIII и начала XIX века и что их носили не только лица славянского происхождения, но и румыны. Многие из них существовали как „фамилии” или в славянской форме, или в форме, адаптированной румынскому фонетизму: *Andrei Krujoc* (Андрей Кружок), *Ion sin Peredaci* (Ион син Передач), *Vasile Nescoro* (Василе Нескоро), *Tănasă Slivciuc* (Тэнасэ Сливчук), *Vasile Melnic* (Василе Мелник), *Ivan Colesnic* (Иван Колесник), *Petre Tverdic* (Петре Твардик), *Grigoraş Sliva* (Григораш Слива), *Iachim Teplari* (Яким Тепларь), *Lupul Sotnic* (Лупул Сотник), *Ioniţă Pripadoc* (Ионицэ Припадок), *Vasile Juravle* (Василе Журавле), *Ioniţă Popâtcă* (Ионицэ Попыткэ), *Toader Cnigă* (Тоадер Книгэ), *Dănilă Sotnicu* (Дэнилэ Сотнику), *Vasăle Cireşne* (Василе Чирешне), *Lupul Zaeţi* (Лупул Заец), *Mihai Zaeţ* (Михаи Заец), *Andrei Scripnic* (Андреи Скрипник), *Măxim Volcineţ* (Максим Волчинец), *Ivan Baranciuc* (Иван Баранчук), *Costandin Ptaşnic* (Костандин Пташник), *Stanislav Stareţki* (Станислав Старецки), *Gaşpar Lugovski* (Гашпар Луговски), *Toma Leşcinski* (Тома Лещински), *Anastasă Gribenski* (Анастасэ Грибенски), *Costandin Tihonov* (Костандин Тихонов) и т.д.

Славянские суффиксы часто употребляются в этот период и они легко присоединяются к разным основам, происходящим от нарицательных и

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

собственных имён существительных. Вот несколько примеров, в которых суффикс -ciuc (-чук) присоединён к очень разным основам: Negriciuc, Erbăciuc, Lăzărciuc, Prisăcărciuc, Văcărciuc, Blidarcic, Romanciuc, Cușmirciuc, Petreciuc, Grigoriuc, Sărăciuc, Tătărciuc, Năstăciuc, Onciuc, Badiciuc, Maesimciuc, Andreiciuc, Vorniciuc, Luchianciuc, Pinteleiciuc, Țiganciuc, Lopăciuc, Năzărciuc, Sficiuc, Minciuc, Jitarciuc, Chirilciuc, Găinciuc, Androniciuc.

После 1800 года, благодаря русскому влиянию, молдавский антропонимический пейзаж „обогащается” всё большим числом фамилий, образованных славянскими суффиксами -ov (-ов), -ev (-ев), -ovici (-ович), -evici (-евич). Чаще всего встречается суффикс -ovici (-ович). Обычно имена, к которым он присоединяется являются славянскими, но продуктивность данного суффикса доказывается и тем, что он присоединяется и к румынским основам: Албович, Барбулович, Диаконевич, Сандалович, Чуперкович, Темпович, Лупович, Янкулович, Буникович и т.д. Эволюции этого суффикса, преимущественно указывающего на отчество (фамилию), способствовал, кроме других экстралингвистических факторов, и тот факт, что его значение тождественно румынскому – escu (-escu), который выражает также родство.

Часто бывали и такие случаи, когда румыны намеренно добавляли к своим именам „модные окончания”, чтобы не упоминалось их простое происхождение или чтобы фамилия указывала на иностранное происхождение. В Молдавской родословной книге¹⁷ встречаются многочисленные примеры таких фамилий: „Чуперкович – молдованин из города Тыргу-Фрумос (...) постыдился своего прадедовского прозвища Чуперкэ (Гриб) и приклеил к молдавскому прозвищу сербский -ович, чтобы обмануть тех, кто его не знает, что принадлежит какой-то славянской дворянской семье”.

Территориальное распространение всех этих суффиксов является в период, о котором идёт речь, очень широким и поддерживается некоторыми конъюнктурными факторами, а именно географическим положением нашей страны и политическими отношениями с соседними славянскими странами. Со временем частота употребления славянских суффиксов в образовании румынских фамилий снижается.

Причинами, которые привели к процессу выхода из нормы славянских имён и фамилий или которые способствовали ему, были, во-первых, ассимиляция славян, во-вторых, использование румынского языка в церкви и администрации и Закон о правильной форме фамилий и имён, принятый в 1895 году.

То, что славянские фамилии стали выходить из моды объяснялось ещё одной причиной: почти все суффиксы, образующие такие фамилии, действовали только в антропонимии, не затрагивая общую лексику¹⁸.

В настоящее время фамилии с суффиксом -ович в Яссах (и вообще в Молдавии) встречаются в небольшом количестве. Вот несколько примеров¹⁹: Adamovici 146/13, Alexandrovici 118/1, Andronovici 59/19, Bogdanovici 249/2, Ciobanovici 5/1, Constantinovici 300/12, Danilovici 31/7,

Diaconovici 72/8, Dinovici 74/1, Dobrovici 115/16, Enacovici 21/2, Fedorovici 168/14, Filipovici 314/8, Gavrilovici 765/35, Grigorovici 425/86, Iacovici 230/1, Ianovici 599/33, Iftimovici 146/5, Ioanovici 825/2, Irimovici 39/7, Ivanovici 1723/69, Lazarovici 519/69, Lupovici 41/3, Mironovici 75/5, Marcovici 1273/68, Martinovici 447/13, Maximovici 108/4, Mihailovici 579/24, Moscovici 214/12, Nichitovici 64/7, Pascovici 113/3, Petrovici 4489/201, Popovici 23833/1843, Procopovici 76/5, Pucicovici 32/15, Radovici 681/30, Sandovici 228/18, Silvestrovici 22/1, Siminovici 19/4, Simionovici 267/69, Simovici 129/3, Stefanovici 386/120, Stoianovici 1047/14, Teodorovici 633/47, Tomovici 129/2, Tratatovici 2/2, Tudorovici 38/1, Urbanovici 74/15, Vasilovici 516/22, Vlahovici 10/3, Voinovici 128/1.

Исследование состава и структуры румынского ономастикона обязательно предполагает и этимологический анализ имён; но это не всегда легко осуществить, ибо момент возникновения, а также „расшифровка” происхождения некоторых антропонимов теряются во времени. Каждое влияние, проявившееся в антропонимии, будь оно турецким, греческим, славянским, французским, в свою очередь, оставило след на нашей антропонимике, которая по своей сути осталась румынской. Известный лингвист Йоргу Йордан отметил, к стати, „редкую способность румын ассимилировать иностранцев через язык и через культуру...”²⁰.

Примечания

1. Lazăr Şăineanu, *Înfluența orientală asupra limbii și culturii române*, București, 1900, p. XXXVII.
2. N.A. Constantinescu, *Dicționar onomastic românesc*, București, 1963, p. XXI.
3. Șt. Pașca, *Nume de persoane și nume de animale în Țara Oltului*, București, 1936, p. 36.
4. Moldova în epoca feudalismului, vol. VII, partea I-II, Recensămintele populației Moldovei în anii 1772-1773 și 1774, Academia de Științe a Republicii Moldovenești, Institutul de Istorie, Editura Știința, Chișinău, 1975.
5. Catagrafiele au fost publicate de Ioan Caproșu și Mihai Răzvan Ungureanu, в Documente statistice privitoare la orașul Iași, Editura Univ. „Al. I. Cuza”, Iași, 1997.
6. N. Iorga, *Istoria românilor prin călători*, București, 1921, p. 224.
7. Dan Bădărău, Ioan Caproșu, *Iașii vechilor zidiri*, Junimea, 1974, p. 74.
8. Судит – житель в румынских княжествах, находившийся под защитой другой державы, что давало ему право на специальную юрисдикцию, на некоторые фискальные льготы, которыми не пользовалось местное население.
9. Catagrafia sudiiților din Moldova se regăsește în Ioan Caproșu, Mihai Ungureanu, op. cit.
10. Нередко, когда речь идёт о людях, носящих такие детерминанты, как: rus(u) (русский), sârb(u) (серб), bulgar(u) (болгар), leah(u) (поляк), требуется большая осторожность в утверждении того, что они являются на самом деле славянского происхождения. Это могут быть прозвища, часто отражающие связи (пусть и косвенные), которые данные лица имели с соответствующими этническими группами.
11. Многие из ремёсел, которыми занимались лица славянского происхождения, стали потом фамилиями, и, таким образом, исчезал любой показатель этнического

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

происхождения их носителей.

12. Ion chetragu, rus; Dămian stoleru, rus; Petre Giurgiu, rus; Toader Bărdan, rus; Petre Dămian, bulgar; Costandin Enachi, sârbu; Costandin Antoniul, sârb; Ioan Ciorneiu, leah etc.

13. Condiță pentru botezații carii din alte religii au vinit la pravoslavnică credință, в Ioan Caproșu, Mihai Răzvan Ungureanu, op. cit.

14. В русских документах XV-XVII веков встречаются многочисленные имена типа „петрушка иванов сын”, „федка иванов сын” (В.А. Никонов, География фамилий, Москва, Изд. Наука, 1988, с. 171). Реформа Петра удалила слово „сын”, так как оно считалось лишним и заменила его специфическим для притяжательного местоимения формантом на –ов (-ев).

15. Согласно Базе данных, существующей в архиве Лаборатории ономастики, основанной профессором Г. Болоканом на филологическом факультете Крайовского университета.

16. I. Pătruț, *Onomastica românească*, Editura Științifică și Enciclopedică, București, p. 26.

17. Constantin Sion, *Arhondologia Moldovei*, Editura Minerva, București, 1973.

18. I. Pătruț, op. cit., p. 28.

19. Первая цифра указывает общее число фамилий в стране, вторая – число фамилий в городе Яссах.

20. Iorgu Iordan, *Dicționar al numelor de familie românești*, Editura Științifică și Enciclopedică, București, 1983, p. 15.

**N. D. Andreev's Proto-Boreal Theory and Its Implications in
Understanding the Central-East and Southeast European
Ethnogenesis: Slavic, Baltic and Thracian**

Sorin Paliga

Introduction

N. D. Andreev's theory, labelled *Proto-Boreal*, surprised – I may say – the scientific world by its large spectrum of linguistic problems: Proto-Indo-European, Proto-Uralic and Proto-Altai (later he also added Korean) were considered as newer, derived branches from an older linguistic group labelled *Proto-Boreal*. It is also a difficult book as various languages are put together, regularly considered as belonging to different families according to traditional classifications. It is true that the idea of an archaic relationship between Uralic and Indo-European is not new, and was advocated – with notable results – by some linguists, mainly by Karel Oštir (1921) and Bejan Čop (1974, 1975). Their pioneering work would deserve more attention, and Andreev's theory would not thus seem isolated. It reflects, in fact, a long and strenuous effort towards identifying and explaining an archaic relationship among languages usually categorised independently.

It is true that other linguists previously attempted to reconstruct an older phase of what we currently label Indo-European, and also to identify common, archaic roots of Indo-European, Caucasian and Semitic languages (e.g. Delitzsch 1873; Trombetti 1925 – yet Trombetti's analysis should be analysed with care, as he really put forward precious material, just not always reliably analysed). On the other hand, many linguists predominantly tried, and at least partially succeeded, in analysing the Pre-Indo-European roots identified or identifiable in Ancient or Modern languages. I would quote the remarkable studies of the Italian linguists, published – to a large extent – in the *Studi Etruschi* beginning with 1927. Also Ch. Rostaing's *Essai sur la toponymie de la Provence* (1950) and Skok's analysis of the archaic place-names in the Adriatic islands (Skok 1950). The existence of an archaic, Pre-Indo-European stratum cannot be doubted any more (see our studies focused on this topic quoted in the references). This is in full agreement with archaeological studies, which now unanimously report remarkable Neolithic and Chalcolithic civilisations spreading, some time after 7,500 B.C. from Anatolia to Southeast Europe, and hence to Central and Western Europe. These ethno-linguistic groups, disregarding how we may reconstruct such outstanding changes and evolutions (animal domestication, copper and gold processing, larger and larger habitational sites, specific representations of

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

deities, etc.) must have been responsible for the corresponding material culture discovered in thousands archaeological sites; they must be held for surviving in a certain linguistic inventory in Greek, Latin (Etruscan, a non-Indo-European language), and also Thracian, Illyrian, probably also Slavic and Baltic. The analysis of such an archaic heritage cannot be easy, especially in the case of languages without written documents, in fact the usual case: the written documents in the European culture are specific to only the Greeks and Romans, later gradually adopted by the newly emerged linguistic groups in the Early and Mid-Middle Ages. There is no wonder that Chantraine, in the introduction of his *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*, plainly assumes that only 40% of the Greek vocabulary admits an Indo-European origin, while other words were borrowed from Semitic and other neighbouring languages; and some 50% must reflect the indigenous, Pre-Indo-European heritage.

On the other hand, Marija Gimbutas is perhaps the archaeologist who provoked the hottest debate in the wake of her articles mainly related to two topics:

1. The 'Old European' cultural bloc which, with its Gimbutasian label, is the same as the Pre-Indo-European stratum in the current or previous studies; also labelled "Mediterranean" by some linguists, e.g. Skok 1950; it should be carefully discriminated against Hans Krahe's *Alteuropäisch* = oldest Indo-European identifiable stratum.

2. The 'Kurgan' or Indo-European tradition. Gimbutas opposed the two cultural blocs, and reconstructed a prehistoric tableau, which may be briefly summarised as thus:

- a. The Old European cultural groups represented the indigenous Neolithic and Chalcolithic groups, which gradually created an outstanding civilisation in the Aegean and southeast Europe: animal domestication, archaeo-metallurgical skills, religious symbolism, peaceful and matrifocal societies, larger and larger habitational environment, a kind of proto-urban settlements. The Southeast European groups gradually developed a specific tradition, similar – but not identical to – Anatolian tradition. It is assumed that both human expansion and assimilation of civilisational habits played their role in this complex process, so the Neolithic and Chalcolithic groups reflected both an indigenous Upper Palaeolithic-Mesolithic element and a newer, Anatolian and/or Mediterranean element.

- b. The Kurgan or Indo-European tradition may be traced back as far as the fifth millennium B.C. in the North Pontic steppes. Unlike their western Old European counterparts, the Indo-Europeans (or Kurgan people) developed a specific ideology of the glorious warrior, domesticated the horse, adopted bronze metallurgy from (seemingly) the Caucasian groups, and began to expand west, north and east in waves. Gimbutas identified three waves of expansion:

4400–4200; 3400–3200, and 3000–2800 B.C. The second and third waves were responsible for the decisive Indo-Europeanisation of a vast Euro-Asian space, but with specific preservations of the Pre-Indo-European heritage. Gimbutas did not speak of a unified, homogeneous ethno-linguistic groups, but rather a convergent tradition gradually imposed from a presumably limited group, which later conquered various other Mesolithic groups of the Volga-Ural region.

Such a reconstruction is or may be, of course, debatable. But, rarely noticed so far, her theory matches, at least loosely, if not even in details, N. D. Andreev's theory of the Proto-Boreal language. Gimbutas dealt mainly with archaeological data (though she incidentally refers to comparative linguistics as well), whereas Andreev refers to only linguistic material. It is interesting that, despite the common points of their theories, Gimbutas and Andreev never quote each other! We may assume that they had no knowledge of their mutually complementary theories, and that archaeology and linguistics may indeed offer an incentive to interdisciplinary research.

The Proto-Boreal Linguistic Group

Before expanding on Andreev's theory, we may briefly present it as a reconstruction of an older linguistic reality ("Proto-Boreal", hereafter PB), corresponding to an older, Upper Palaeolithic-Mesolithic phase, out of which Proto-Uralic (hereafter PU), Proto-Altaiic (hereafter PA), Korean (discussed in two studies published after the publication of his main book) and Proto-Indo-European later developed in the evolution to Mesolithic-Neolithic-Bronze Age. Andreev reconstructs an archaic inventory of 203 roots, and analyses them in the three main derived branches. Andreev's reconstruction remarkably matches, as said above, the Gimbutasian theory, even in details. The common points, as I may identify them, are the following:

1. A vast area of (initially) food-gatherers located in the East-Boreal part of Europe, hence the term Proto-Boreal; it confirms or supports Gimbutas's theory that the Kurgan people were NOT a compact ethno-linguistic group, but rather a vast and large congregation of initially different groups, which gradually gathered together under a common ideology represented by the 'warrior knight', kurgan burials, veneration of the shining sky (Jupiter-Zeus) etc.
2. A gradual expansion; that is what Gimbutas says too, and analysing how the Kurgan (PIE) groups later assimilated Caucasian technologies, mainly arsenic-copper alloy, and perhaps horse domestication, which may be of Trans-Uralian origin.
3. A parallel satem-centum dichotomy, identifiable in not only Indo-

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

European languages, but also in Uralic and Altaic. As an example, Finnish and Estonian (closely related languages of the Fennic-Uralic group, see the Appendix) are of centum type, whereas Hungarian (Ugrian branch of the Uralic group) is of satem type. Altaic languages regularly reflect a process similar to the satem groups.

There are of course other features of the PB reconstruction. We shall try to present them below.

Proto-Boreal Reconstruction

Andreev identifies the following proto-phonemes:

J – sonant

H – velar spirant (usually labelled ‘laryngeal’)

Q – voiced explosive

C – consonant

In a review of Andreev's book, Lucia Wald (*Revue Roumaine de Linguistique*, 33, 2/1988: 119–122) expands on Andreev's terminology by adding or suggesting the following terms:

PB – Proto-Boreal

EA – Early Altaic

EIE – Early Indo-European

EU – Early Uralic

MIE – Middle Indo-European (between EIE and PIE: PB > EIE > MIE > PIE)

PIE – Proto-Indo-European

U-A – Uralic-Altaic

Wald also summarises the basic points of Andreev's theory:

- Very likely PB was a language characterised by an inventory of root-words undivided in parts of speech, the only device of forming new lexemes being the paratactic composition – a status still in existence in EIE.

- A peculiar evolution of Boreal velar spirants whose representatives in EIE have often been described as laryngeals or variations of ∂ (*schwa indogermanicum*); they were preserved – under some conditions – only in Hittite, Tungus-Manchurian and Fenno-Ugrian languages.

Note. We assume that Thracian also had a velar spirant (laryngeal) still preserved in Proto-Romanian, until a historical moment difficult to determine, probably until at least the 6th century A.D. Its traces in (Modern) Romanian is zero, *f/v* and *h*; in Albanian, its counterparts seem to be as in Romanian, sometimes also *th* and *dh* (more in our paper *Ten Theses on Thracian Etymology* in *Studia Thracologica*, Bucharest, XXII, 1–2, 2001).

Andreev convincingly explains the influence of the velar spirants on the IE vowels and sonants. Thus:

(a) the simple velar spirant $X > IE \check{a}, \bar{a}, \partial$, the long sonants and aspirant occlusion;

(b) labio-velar spirant $Xw > IE \check{o}, \bar{o}$;

(c) Xy .

- The three velar series, e.g. $K-R-$, $Kw-R-$, $Ky-R-$.

- The well-known centum-satem distinction is also found in Uralic-Altaic.

- In EIE the sonants Y and W were only consonants, their vocalic nature being developed much later in inter-consonant position.

- The PB vowel system was very poor, reduced to a syllabeme with an indefinite tamber variously articulated in accordance with the tamber of the contiguous consonants, a stage preserved also in EIE. In the course of history the vocalic inventory became richer owing to the influence of the velar spirants in the adjacent syllabeme and to the vocalisation of the sonants. In contrast to EIE, in the other two Boreal branches the reduction and vocalisation of the velar spirants occurred much later; some idioms preserve them till now. Instead of the Ablaut, the vowel harmony was established. All Ural-Altaic dialects have preserved clear marks of a syllabeme with positionally conditional tambers.

- The level of linguistic structure: absence of parts of speech, a scanty inventory of words, which implies an extensive periphery around the semantic nucleus, prevalently concrete nature of protosemes, the systematic character of the vocabulary, the lack of synonymy and therefore a reduced redundancy. On the whole the Boreal protosemes prove to be more archaic and more concrete than the corresponding units in EIE, but closer to those found in U-A languages.

- The semantic fields of EIE vocabulary (chapter XI):

- a. denominations of the means of livelihood with the changes from PB (a stage characterised by hunting, fishing and gathering) to EIE (cattle breeding and agriculture).

- b. names referring to communication and preservation of information;

- c. labour and tools;

- d. human relations – several words for female persons, according to their age and social status (girl, female-teenager, mother, daughter, wife), but only one for ‘man’: $*X-N-$ ‘the one who goes ahead’;

- e. affiliation to a certain tribe and to peaceful or warlike tribal relations;

- f. climate and earth structure – many terms related to woods, hills, marshes, rivers and a severe climate with only two seasons: winter and spring (glacial age); no trace of words for ‘summer’ and ‘autumn’;

- The transition from PB to EIE – the last period of the Halocene or Upper Palaeolithic-Mesolithic; geographically the PB area must have been a vast region delimited by the Rhine in the west and the Altai mountains in the east. In the course of time, the three basic linguistic groups derived from PB got gradual contours in the following regions:

AI 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Altai-Urals -> Altaic
Urals-Dnieper -> Uralic
Dnieper-Rhine -> EIE

Note. Gimbutas locates the Kurgan homeland in more southern regions, starting from the assumption that arsenic-copper technology was borrowed from the Caucasian groups. It should be yet remembered that Gimbutas goes as back as the fifth millennium B.C., whereas Andreev reconstruct a linguistic reality prior to this period.

• The right element (root) of a compound changed into a modifier in IE, and then a new classification of themes was created (Benveniste's theory). The last stage was represented by an opposition $r - n$. It is ingeniously explained as a result of the transformation of the EIE main lexical opposition 'things v. inanimate': $*RXy > r(XY) > -r(\partial)$ and 'made or brought for us': $*NXw > *N(Xw) > *n(\partial)$. The most remote stage of the IE Ablaut might have been represented by the opposition, with semantic value, between stressed and unstressed syllabemes, reduced to zero, in correlation with the consonantal opposition $w/ y - \text{vocalic}$ opposition, e.g.

$*PL-Xw-w$ 'marsh' ~ $*PL-Xy-w$ 'to float' -> $*plou-$ ~ $*pleu-$

The velar spirants led to the $*o$ and $*e$ degrees, i.e. IE typological evolution from an amorphous to an inflectional evolution. Setting up inflectional morphemes prior to the separation into parts of speech may explain e.g. $*-r-$ as a mark of the objective case of nouns and passive voice of verbs or $*-e-$ as vocative and imperative.

Gradually the following structure was achieved:

- a. vocalic variation as a result of a PB syllabeme with contextual variations;
- b. biconsonant roots;
- c. identification of IE *schwa* with velar spirants;
- d. existence of three velar series in PIE;
- e. a morphological amorphous structure of PB and EIE which annulled grammatical parallelism between PIE and U-A;
- f. a socio-linguistic stage of hunters, fishers and gatherers.

Summing up, the reader may note the originality and accuracy of Andreev's argumentation, even if it may further lead to additional questions and to perplexities. If it were for this reason only, Andreev's theory deserves much more than scattered praises in linguistic journals. It brilliantly concludes a long-term investigation, whose pioneers were – among others – Bcjan Čop and Karel Oštir; and also largely expands the possibility of new research based on a rich and exciting material.

The Proto-Boreal Consonant System

Dentals

PB	T	D	Dh	S	N	L
PIE	t	d	dh	s	n	l
PU	t	t	t	s	n	l
PA	t	d	d	s	n	l

Labials

PB	P	B	Bh	M
PIE	p	b	bh	m
PU	p	p	p	m
PA	p	b	b	m

Simple Velars

PB	K	G	Gh	X-	-X-	R	-R-
centum	k	g	gh	xa-, a-	-xa-, -ā-, -a-	r	-r-
satem	k	g	gh	xa-, ∂a-	-xa-, -ā-, -∂a-	r	-r-
Finn-Baltic	k	k	k	ha-	-ha-, -ā-, -ǎ-	r	-r-
Obi-Ugrian	k	k	kh	-	-x-, -a-	r	-r-
Tung.-Man.	k	g	g	xa-, ha-	-x-, -ā-, -ǎ-	∂r-	-r-

Palatal Velars

PB	Ky	Gy	Ghy	Xy-	-Xy-	Y
centum	k	g	gh	xe-, ∂e-	-xe-, -ē-, -∂e-	y
satem	č	ž	h, ž	xe-, e- -xe-,	-ē-, -e-	y
Finn-Baltic	ki	ki	ki	hi-	hi-, -ē-, -ě-	y
Obi-Ugrian	č	č	khi	-	∂i-, -e-	y
Tung.-Man	č	ž	ž	xi-, hi-	-yi-, -ē-, -ě-	y

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Labiovelars

PB	Kw	Gw	Ghw	Xw	-Xw-	W
centum	kw	gw	ghw	x ^o -, ∂ ^o -	-x ^o -, -ō-, ∂ ^o	w
satem	k	g	gh	x ^o -, ∂ ^o -	-x ^o -, -ō-, ∂ ^o	w
Finn-Baltic	ku	w	w	hu-	-hu-, -ō-, -ǒ-	w
Obi-Ugrian	ku	w	w	-	-xu-, -o-	w
Tung.-Man	ku	(x)w, (h)w	(x)w, (h)w	xu-, hu-	-xu-, -ō-, -ǒ-	w

Note. This scheme does not reflect some Indo-European situations, e.g. Gr. *b* < *Gw* and *ph* < *Ghw*, Skr. *ç* < *Ky*, etc. The situation is also complicated in languages with poor or limited written sources like Thracian and Illyrian; in such cases, the analysis should consider complex analyses, which should permanently consider the possible similarities with known data. As a simple example, there are striking similarities between Thracian (including the Thracian elements of Romanian) and Baltic, mainly Lithuanian.

Positional Syllabic Tamber

The syllabic tamber in PB depended on the two neighbouring consonants. The passage to PIE led to essential changes of linguistic typology, among these *vocalisation of sonants*, which – in its turn – led to zero degree too. There was initially only *ǎ in PIE.

Examples:

PB **Gw*-*R* ‘a hill’: fin. *VuoR-i* (< **GwoR-x_wy-*) ‘id.’ and *VaaR-a* (< **GweR-x-*): Fin. *KuoR-i* ‘bark, crust’ (- **GweR-xwy-*); *KaaR-na* ‘crust’ (-**GweR-xn-*); Fin. *LoN-kka* ‘coapsă’ (...-*k_xw-*); *LaN-ne* ‘id.’ (...-*nx-*).

The three degrees of velar consonants in PB

- (1) The three tambers of the so-called *šva indogermanicum*: velar spirants PIE **X*, **Xw*, **Xy*, which in postsyllabic vocalisation led to contracted sounds **ǎ*, **ō*, **ē*.
- (2) The role of the second focus of articulation for labiovelars and palatals.
- (3) The intra-systemic argument represented by different meanings of roots:
 - **Kw*-*R* ‘a worm’, **K*-*R* ‘hard’, **Ky*-*R* ‘herd’;
 - **Gw*-*L* ‘to sting’, **G*-*L* ‘birdy, specific to birds’, **Gy*-*L* ‘(good) luck, victory’;
 - **Ghw*-*N* ‘to strike, to beat’, **Gh*-*N* ‘to gnaw’, **Ghy*-*N* ‘to step’;
 - **S*-*Xw* ‘to jump’, **S*-*X* ‘sun’, **S*-*Xy* ‘to sow, to seed’.
- (4) Difference in treatment of PB simple and aspirated voiced consonants in

Obi-Ugrian (OU) and Mančur-Tungus (MT) groups:

PB	OU	MT	PB	OU	MT
G	k	g	Gh	kh	g
Gy	č	ž	Ghy	khi	ž
Gw	w	(x)w, (h)w	Ghw	w	(x)w, (h)w

Velar spirants and long contracted sounds. The case of spirant X. Examples:

PB *D-Xw ‘to give’ > Hit. *DaaH-hi*, Skr. *Di-tá-*, gr. *dí-DŌ-mi*;

PIE *’ X - (stress + X) > *a;

*T-X ‘to melt, thaw; to vanish’: gr. *TA-kerós*, dor. *TĀ-kō*, OCS *TA-jati* (see also # 33 and 100).

PIE *’ Xw (stress + *Xw) > *ō; *∂ : *ō.

Ex. (20): *B-Xw: Lit. *BA-m̃bti*, gr. *bu-BŌ-nos*

Ex. (12): *Dh-Xw ‘fir-tree needles’: Gr. *Tho-ós*, Skr. *DhĀ-ra-*, Evenki *DüΓ-ün*, Khanty *TuΓ-ər*

Ex. (92): *P-Xw ‘protecting fire’: Khanty *PǎΓ-ər̃la*, Negidal *PŌ-ž̃a*.

*’ Xy > ē a:ē

Ex. (101): *K-Xy ‘to pick with a hook’: lat. *CA-pessō*, *CĒ-pi*, Negid *KeΓ-jan*, Hant. *KǎΓ-ri*;

Ex. (98) *Gh-Xy: gr. *e-KhA-ndanon*, Skr. *ja-HĀ-ra*, Ulč. *GĒ-xü*; see also # (9).

Velar spirants and long sonants. In Uralic and Altaic, the velar spirant is preserved as such:

Ex. (132) *Y-X- ‘to hunt’: O. Germ. *JA-gōn*, Vedic *YĀ-van*, Evenki *ĭ-mka-*;

Ex. (141) *W-X- ‘a sheath; vagina’: Skr. *Ū-rú-*, Lat. *VĀ-gīna*, Udegej *WA*, Lat. *VĀ-rus*;

Ex. (14) *N-X- ‘nose’: Lat. *NĀ-ris*, Skr. *NA-kra*;

Ex. (138) *L-Xw ‘shovel; to dig’: OCS *LO-pata*, O. Ir. *LĀ-ige*, Evenki *LŌ-mki*, Negidal *LoΓ-osīn-*, Khanty *ḶḶΓ-∂l (∂:ō)*

Therefore a long sonant is often in agreement with not only the evolution of root structure J1-H2- but also with the evolution of the type H1-J2-. See also # 160:

*X-W: Lith. *ÁU-dē*, OCS *AU-sa*, Fin. *VU-ras*, Negidal *XaW-ādakta*.

Ex. (172): *Xy-Y ‘to go, walk’: Homeric *EĪ-mi*, Lith. *EĪ-dinē*, Oroči *Ī*, Fin. *Hil-htää*.

Perspectives

The Proto-Boreal view as suggested by Andreev concludes a long chapter of hot discussions regarding the possible relationship between Indo-European and other linguistic groups. Unlike previous attempts, Andreev’s book is brief,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

profound, and – last but not least – coherent. Furthermore it is open to modular, both horizontal and vertical developments. Andreev himself (Andreev 1986 b, 1987) added data, mainly from Hungarian and Korean (two languages initially absent in his book) and made additional comments. It is outstanding that he aimed at an accurate, computer-like analysis of languages in their historical development. His arguments may be eventually debatable, yet it is for the first time that an ample material is analysed in such a way, with such convincing rectitude and by suggesting possible or potential developments.

Andreev's view is also an incentive to further analyses regarding the evolution of Upper Palaeolithic-Mesolithic-Chalcolithic languages, and the human evolution in prehistory. There are various ways in which we may attempt to exploit the available data and suggest further analyses. One refers to the very essence of the linguistic and ethnic realities in prehistoric Europe and Asia. We may thus better understand Slavic, Thracian or Illyrian ethnogenesis, as an example, and compare this to Hittite, Greek or Latin ethnogenesis, generally better known from written sources. And we may further expand the analysis to the Uralic-Altaic area, and understand why the similarities between (say) Finnish and other Indo-European languages is sometimes striking.

Indeed, Andreev's theory is always open to further investigations and to additional data. We tried to suggest a possible relationship with some archaic forms in Romanian. In all these cases, it is understood that we consider these forms of (certain, probable, possible) Thracian origin. In other words, they represent a component of the sub-stratum element in Romanian. This is important to understanding the complex ethnogenesis in Central-East Europe, e.g. the Slavic ethnogenesis, a topic we also approached in some instances. This contribution therefore continues and expands previous attempts towards the understanding of Euro-Asian prehistory.

Sample Lexicon

Andreev identified 203 basic roots, and analysed their development in Proto-Indo-European, Proto-Uralic, Proto-Altaic, later also in Korean. We have updated and commented all the 203 roots. As the whole lexicon has over 60 pages, and their number is increasing every day, please point your web browser to

http://www.homepage.mac.com/sorin_paliga/

and download the latest version. Be prepared to have Adobe Acrobat Reader 5 or Adobe Reader 6 for a correct display and print of the diacritical marks. Just a sample here:

*T-W- 'to keep, to hold; support'

Lith. *TV-árdyti* 'restrain, repress'

Lith. *TU-rėti* 'keep', from archaic *TW-*r-*

Äwenki *TU-rut-* 'keep together'

Nanaj *TU-ndüwän* 'to keep'

Fin. *TU-kea* 'support' (< *TW-*k-*)

Est. *TU-gi* 'support, prop'

Ewän (Lamut) *TÜ-rüt-* 'to hold, to restrain, to prop' (< *TW-*r-xy-*)

Khanty *TÖ-təŋ* 'to hold, prop in a boat' (< *TW-*tx-*)

Khanty *TÖ-γət* 'to hold, prop a boat' (< *TW-*xt-*)

Äwenki *TÜ-k-* 'to hold, to keep fast' (< *TW-*r-xy-*)

Lith. *TaU-pà* 'restrain in expenses, thrift, economy' (< *T-W-*p-*) =

TaU-sà 'id.' (< *T-W-*s-*)

Äwenki *TÜ-rga* 'prop, support' = *TÜ-hta* 'id.'

O. Mong. *TU-lγan* 'prop, support'

Nenets *T'U-rts'uts'* 'to have as a prop, as a support'

O. Mong. *TU-l-* 'to lean upon'

Nenets *T'U-rkutas'* 'to lean upon'

Äwenki *TÜ-nin-* 'to lean upon' (< *TW-*xn--yn-*)

Khanty *TÖ-tastəta* 'to lean upon, to set against'

Nenets *T'U-rxalas'* 'to lean upon'

O. Turk. *TU-truq* 'to support, to prop'

Khanty *TäW-ərta* 'to hold a river, to dam, to weir' (< *T-W-*xr-*)

Korean *TU-k* 'dam, weir' (< *TW-*g-xy-*)

O. Turk. *TU-γ* 'dam, weir, obstacle, barrier'

Khanty *TÖ-l* 'barrier; partition' (< *TW-*lx-*)

Note 1. In Khanty, the Boreal -W-, when vocalized, may become -Ö- under the influence of the following -X-, not necessarily in the immediate neighbourhood.

Note 2. When dealing with long narrow vowels \bar{U} , $\bar{Ü}$, \bar{I} we must bear in mind that those long phonemes may be the result of a contraction either from the type -WH-, -YH- (where the symbol H denotes any velar spirant, currently labeled 'laryngeal', i.e. X, Xy, Xw; or from the type -HW-, -HY-.

References

Andreev, Nikolaj Dmitrievič 1986. *Ranne-indoevropskij prayazyk*. Leningrad: Nauka.

Andreev, N.D. 1986 b. Correlation between the simplicity of language typology and the attainable degree of formalization in historical linguistics. *Symposium on Formalization in Historical Linguistics (Tallinn, November 24–26, 1986)*, ed. by Mart

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Rommel. Tallinn: Academy of Sciences of Estonia.

Andreev, N.D. 1987. The importance of Estonian for Boreal reconstruction. *Symposium on Language Universals (Tallinn, July 28–30, 1987)*, ed. by Toomas Help (responsible) and Sirje Murumets. Tallinn: Academy of Sciences of Estonia.

Čop, Bojan 1974. *Indouralica*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti (Dela/Opera vol. 30).

Čop, Bojan 1975. *Die indogermanische Deklination im Lichte der indouralischen vergleichenden Grammatik. Indoevropska sklarjatev v luči indouralske primerjalne slovnice*. Ljubljana: Slovenska akademija znanosti in umetnosti (Dela/Opera vol. 31).

Delitzsch, Friedrich 1873. *Studien über indogermanisch-semitische Wurzelverwandtschaft*. Leipzig: J. C. Hinrichs.

Krupa, Viktor, Jozef Genzor 1996. *Jazyky sveta v priestore a čase*. 2nd. ed. Bratislava: Veda.

Oštir, Karel 1921. *Beiträge zur alarodischen Sprachwissenschaft, I*. Wien-Leipzig: Beyers Nachfolger.

Paliga, Sorin 1986. Ardeal, Transilvania. *Tribuna* (Cluj), nr. 8, 20 feb., pp. 1 and 6.

Paliga, S. 1987 a. Thracian terms for 'township' and 'fortress', and related place-names. *World Archaeology* 19, 1: 23–29.

Paliga, S. 1988. A Pre-Indo-European place-name: Dalmatia. *Linguistica* 28:105–108.

Paliga, S. 1989 a. Types of mazes. *Linguistica* 29: 57–70.

Paliga, S. 1989 b. Old European, Pre-Indo-European, Proto-Indo-European. Archaeological Evidence and Linguistic Investigation. *The Journal of Indo-European Studies* 17, 3–4: 309–334.

Paliga, S. 1992 a. Ali obstajo 'urbske' prvine v slovanskih jezikih? (in Slovene with an English abstract : Are there 'Urbian' elements in Slavic?). *Slavistična Revija* 40, 3: 309–313.

Paliga, S. 1992 b. Un cuvînt străvechi – oraș. *Academica* 2, 10 (22): 25.

Paliga, S. 1993 a. The Tablets of Tărtăria – an Enigma? A Reconsideration and Further Perspectives. *Dialogues d'histoire ancienne* 19, 1: 9–43.

Paliga, S. 1993 b. Metals, Words and Gods. Archaeometallurgical Skills and Reflections in Terminology. *Linguistica* 33: 157–176.

Paliga, S. 1994. An Archaic Word: *Doină*. *Relations thraco-illyro-helléniques*. Actes du XIVe symposium national de thracologie (à participation internationale), Băile Herculane (14–19 septembre 1992), éd. par Petre Roman et Marius Alexianu. Bucarest: Institut Roumain de Thracologie.

Paliga, S. 1998. A Pre-Indo-European Lexicon. *The Thracian World at the Crossroads of Civilizations* ed by Petre Roman, Saviana Diamandi and Marius Alexianu. București: Romanian Institute of Thracology.

Paliga, S. 1999. *Thracian and Pre-Thracian Studies*. București: Lucretius Publishers.

Paliga, S. 2002. Pre-Slavic and Pre-Romance Place-Names in Southeast Europe (South Slavic and Romania) in Fol. Al. 2002. *Proceedings of the Eighth International Congress of Thracology THRACE AND THE AEGEAN*, Sofia-Jambol, 25–29 September 2000. Sofia: International Foundation *Europa Antiqua* - Sofia; Institute of Thracology - Bulgarian Academy of Sciences: I, 219–229.

Paliga, S. 2003. *Toponimia slavă și pre-slavă în sud-estul european. Introducere în studiul toponimiei slave arhaice*. București: Editura Universității din București.

Rostaing, Charles 1950. *Essai sur la toponymie de la Provence*. Paris: éd. d'Artrey.

Škok, Petar 1950. *Slavenstvo i romanstvo na jadranskim otocima. Toponomastička ispitivanja*. Zagreb: Jadranski institut Jugoslavenske akademije znanosti i umetnosti.

Trombetti, Alfredo 1925. Saggio di antica onomastica mediterranea. *Arhiv za arbanasku starinu, jezik i etnologiju* 3: 1–116. (Reprinted in *Studi Etruschi* 13/1939: 263–310).

НЕКОТОРЫЕ СОЦИО- И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БИЛИНГВИЗМА

Мария Кирай, Валерия Нистор
(Maria Kiraly, Valeria Nistor)

I. Билингвизм является комплексной научной проблемой, неотделимой от понятия языкового контакта. О языковом контакте У. Вайнрайх пишет следующее: «Два или несколько языков находятся в контакте, если ими попеременно пользуется одно и то же лицо»¹. Эту же идею подчеркивает и Э. Хауген: «языковой контакт определяется как попеременное использование двух и более языков одними и теми же лицами»².

Практику попеременного использования двух языков У. Вайнрайх называет **двуязычием**, а лиц, осуществляющих ее, – **двуязычными**.

Длительные языковые контакты между языками и их носителями приводят к появлению двуязычия (часто даже к многоязычию). Благодаря этим контактам население усваивает, в большей или меньшей степени, язык соседей, и в результате этого у значительной части говорящих, живущих на данных территориях, появляется индивидуальный билингвизм.

В зависимости от уровня владения обоими языками индивидуальный билингвизм может быть **координативным**³ и **субординативным**⁴. Способ реализации пользования обоими языками в процессе коммуникации ведет к выделению **чистого и смешанного билингвизма**. В первом случае говорящий субъект, изучающий вторичный язык, употребляет в определенной речевой ситуации (например, в школе и на работе) только этот язык, а в другой ситуации (например, дома) только первичный язык. Во втором случае изучающий вторичную языковую систему с коммуникативными целями в одной и той же ситуации пользуется двумя языками (например, дома и на работе). Следовательно, говорящий включает в свою речь на втором языке, которым владеет в меньшей степени, и элементы первого языка, являющегося для него доминантным. С развитием контактов между первичным и вторичным языками постепенно расширяются и обогащаются знания билингва и на втором языке. Таким образом, его билингвизм приближается к координативному, даже если и не достигает его. Между указанными классификациями в большинстве случаев нет четких границ, а наоборот, они переплетаются и дополняют друг друга.

II. Румынское лингвистическое пространство составляет модель для двуязычия и для многоязычия в результате многочисленных языковых контактов между преобладающим румынским населением и другими национальными меньшинствами, проживающими на данной территории.

Основная задача нашего исследования состоит в анализе некоторых социологических и психологических аспектов, наблюдаемых у русско-

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

румынских билингвов и, соответственно, румынско-русских билингвов в зависимости от географической зоны проживания: общество русских липован в Дельте Дуная (Румыния) и румынское население в Республике Молдове.

II. A)

В первой части работы рассмотрим вкратце некоторые характеристики билингвизма русских липован в Дельте Дуная. Это географическая зона Румынии, в которой, наряду с румынской частью населения, проживают и другие национальные меньшинства: русские липоване, турки, татары, украинцы, болгары, греки. Русские липоване поселились в этой местности почти 3 тысячи лет тому назад и проживают до сих пор в компактном, организованном обществе⁵. Общее число их по всей стране, согласно переписи населения 1992 года⁶, составляет 38.605 человек. Русские липоване по религиозной принадлежности в большинстве своем старообрядцы – 62%, 32% православной веры, а язык, на котором говорят, принадлежит южным великорусским говорам.

Более детальному рассмотрению мы предлагаем несколько характеристик билингвизма у русских липован села Каркалиу, которое расположено в северо-западной части Добруджи между городами Мэчин и Тульча и на расстоянии 25 км от города Брэилы. Село было освидетельствовано приблизительно в 1800-1810 гг. и в настоящее время насчитывает 3810 жителей, часть которых работает за границей – в Италии, Германии, Греции и т. д.⁶

Для успешного выполнения намеченных целей мы произвели опрос информантов⁷, предлагая вопросник. Полученные результаты были сопоставлены с теми результатами, к которым мы пришли после изучения билингвизма у национальных меньшинств в юго-западной части Румынии⁸ и у румын из Республики Молдовы согласно следующим критериям:

- Какой тип классификации наиболее реально отражает сегодняшнее положение билингвов и билингвизма в данной части страны;
- Каковы условия, в которых проявляется явление билингвизма в отмеченной зоне;
- Какой тип билингвизма наиболее распространен в зоне;
- Какова роль субъективного элемента в формировании билингвов.

На вопросы ответили 57 субъектов различного возраста и профессии:

- а) от 6 лет до 35 лет – 29 субъектов;
- б) от 35 лет – до 60 лет – 16 субъектов;
- в) свыше 60 лет... – 12 субъектов.

Выводы, которые вытекают из произведенного опроса, отражают следующее:

1.

Родной язык всех субъектов – это русский липованский язык (липованский диалект).

2. Картина ответов субъектов, составляющих вышеотмеченные три категории, сильно различается:

- а) Все субъекты группы а и б получили образование на румынском языке

по сравнению с субъектами группы **в**, которые либо учились в русской школе – 4, либо в русско-румынской школе – 2, либо неграмотны – 6.

б) На вопрос *“На каком языке общаетесь в семье?”* (I) на повседневные темы; II) со взрослыми; III) с детьми; IV) на профессиональные темы) ответ субъектов третьей группы **в** был почти единогласным: на родном языке – в первых двух случаях (I; II); а в случае с детьми (III) ответ был тот же с единственным исключением: был отмечен и русский и румынский язык. На вопрос *Разговор на профессиональные темы* получили только 6 ответов, имея при этом ввиду возраст субъектов (от 6 до 35 лет): 4 субъекта говорят на родном языке, а 2 – на родном и на румынском. Во второй группе **б** доминантным является родной язык в общении со взрослыми; в разговорах на профессиональные темы доминирует румынский язык (или употребляются оба языка – 4 субъекта), а в разговорах с собственными детьми 50% из опрошенных субъектов употребляют родной язык, 25% – румынский язык, а 25% – оба языка. Среди субъектов первой группы 65% употребляют родной язык в беседах темы со на бытовые взрослыми, 21% – оба языка и 12% – румынский язык. В разговорах на профессиональные темы преобладает румынский язык (65%) (сюда присоединяются и другие иностранные языки – итальянский, греческий, немецкий, в зависимости от той страны, в которой субъекты работали продолжительное время)⁹. В разговорах с детьми существует определенное равновесие между родным языком и между родным языком + румынским языком.

Эти данные находят свое объяснение в том, что субъекты, принадлежащие к третьей категории **в**, владеют в меньшей степени румынским языком: они живут и сегодня в довольно изолированной языковой среде, а те, которые учились, окончили школу на русском языке. Те субъекты, которые окончили румынскую школу и работали в различных регионах Румынии, несмотря на то, что владеют румынским языком, возвращаясь домой, стараются вжиться в жизнь села и прибегают почти во всех случаях (или всегда) к родному языку. В остальных двух ситуациях те субъекты, которые учились или учатся в румынских школах, характеризуются в большинстве случаев предрасположенностью к употреблению румынского языка (или и румынского языка).

в) Родной язык доминирует (100%) в группе **в** при ответах на следующие вопросы: *“На каком языке думаете?”*, *“На каком языке легче воспринимаете какой-либо текст?”*, *“На каком языке предпочитаете рассказывать сказку?”*, *“На каком языке легче изъясняетесь?”*. Таким образом, в этом случае нельзя говорить о билингвизме, хотя бы о начальной форме субординативного рецептивного билингвизма, который предполагает восприятие разговорной речи на румынском языке; можем говорить также о существовании некоторых элементов коммуникативной компетенции на этом языке, но следует отметить, что на уровне узуса, говорящие прибегают почти во всех речевых ситуациях к родному языку. В остальных двух группах картина совершенно иная. 50% опрошенных субъектов, принадлежащих группе **б**, на все предложенные вопросы, упомянутые

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

выше, отметили преобладание родного языка, 40% опрошенных субъектов обращаются к румынскому языку и почти 10% – к обоим языкам. Отсюда следует вывод, что субъекты первой категории **а** используют румынский язык в соотношении 43-70%, родной язык – в соотношении 17-21%, а к обоим языками пользуется 8,5-17% из опрошенных.

Отмеченные выше факты еще раз доказывают влияние школы на формирование билингвов¹⁰, а также среды, в которой проживают. Если опрошенные субъекты из категории **с** выше 60 лет никогда или очень редко покидают село, в котором проживают, то они и не чувствуют необходимость понимать говорящих на другом языке или знать другой язык. Молодое поколение, которое учится или училось в румынской школе или разъезжает между городами, ездит на экскурсии по стране, усвоило (в неодинаковой степени) государственный язык и употребляет его в различных ситуациях. В этом случае проявляется явление билингвизма, но, в основном, их билингвизм предстает в форме субординативного билингвизма и находится, таким образом, на более нижней ступени рассмотренного явления: говорящие смешивают лексические и грамматические единицы русского и румынского языков. Для подтверждения сказанного приводим несколько примеров из разговорной речи жителей села Каркалиу: *“Принеси мне машину де кэлкат!”*; *“Де (где) аппарат де фотографият?”*; *“Поклала харчи на арагаз”*; *“Ни махла абцинуць?”*; *“Брава тибе: сингурэ акасэ...”*; *“Зарезали поросенка, а он нумай оасе”*; *“Пойду куплю трохи брынзы”*; *“Я мэкар был у школи, ни как ты”*; *“Надену сакоу у школу”* и т. д.

3. В результате произведенного опроса мы пришли к выводу, что субъекты группы **в** употребляют родной язык в соотношении 93,4%, группы **б** – в соотношении 56,5%, а субъекты группы **а** – в соотношении 21, 6%.

4. Дети из интеллектуальных семей тяготеют к использованию румынского языка, а если употребляют слова родного языка, то последние приобретают окончания, свойственные румынским словам.

5. Учащаяся молодежь, которая занимается в различных городах страны и на время каникул возвращается домой, в разговорах между собой употребляет в соотношении 80-85% румынский язык.

II. Б) Исторические, политические и культурные факторы воздействовали, в определенной степени, на формирование румыно-русских билингвов из Республики Молдовы. Явление билингвизма проявляется в большей степени в некоторых густонаселенных городах (г. Тирасполь, Бендеры), в которых русское население насчитывает свыше 40%.

Согласно последней переписи населения (1989 г.) в Республике Молдове румыны представляют большинство населения (65%) и живут на данной территории рядом с украинцами (14%), с русскими (13%) и с другими национальностями (8%)¹¹.

Наше исследование основывается на опрос румыно-русских билингвов, приехавших в Румынию на учебу в лицеях, вузах и в докторантуре. В основном это образованные билингвы – филологи и экономисты –, в возрасте от 16 до 35 лет.

Полученные ответы в результате опроса подтверждают следующие выводы:

1. Все опрошенные субъекты (40 субъектов) отметили, что их родной язык – румынский. Относятся к билингвам потому, что владеют хорошей языковой компетенцией на русском языке, примешивая к этому французский, английский, испанский и другие языки.

2. На вопрос “*При каких обстоятельствах усвоили русский язык?*” опрошенные субъекты ответили:

а) в школе – 20 (50%);

б) в семье – 16 (40%);

в) в непосредственной языковой среде – 4 (10%).

- При изучении второго языка доминирующим является дошкольный возраст у 50% опрошенных.

- При усвоении русского языка большая роль принадлежит экстралингвистическим факторам: телевидению, радио, играм с детьми и т. д.

3. На вопрос “*На каком языке учились?*” доминирующим ответом был родной язык (36 ответов, соответственно 90%) за исключением 4 субъектов, которые окончили среднее и высшее образование на русском языке.

Необходимо подчеркнуть, что большинство опрошенных субъектов учились в школе после 1989 года, т. е. в то время, когда румынский язык стал официальным государственным языком.

4. 36 из опрошенных субъектов-билингвов, т. е. 90%, разговаривают в семье на родном языке. Исключение составляют 4 субъекта, которые с легкостью разговаривают на обоих языках.

Интересным представляется наблюдение над дифференцированным употреблением двух языков в зависимости от темы разговора и от возраста говорящих. Так, в разговорах со старшими 16 билингвов, т. е. 40%, употребляют в одинаковой степени оба языка, в то время как профессиональные, официальные темы в разговоре затрагиваются только 6 билингвами, т. е. 15%, на румынском и на русском языке, господствующим в данном случае у 80% субъектов является румынский язык.

5. Некоторые билингвы достигли такой уровень координативного билингвизма, при котором думают и разговаривают в одинаковой степени на обоих языках (35%), а 65% находятся на уровне субординативного билингвизма, где первостепенным является мышление и общение на румынском языке.

Субъекты, которые учились в школе на иностранном языке, в данном случае речь идет о русском языке, с большей легкостью редактируют письмо, приглашение или научную работу на русском языке. Этот результат лишний раз подтверждает решающую роль языка, на котором учатся в школе.

Большинство субъектов, будучи с филологическим образованием, с легкостью воспринимают беллетристический текст в обоих языках (20 = 50%), еще раз доказывая достижение высокого уровня билингвизма.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

6. Румыно-русские билингвы пользуются родным языком большей частью своего времени – до 90%, а русскому языку уделяют лишь 10-60% своего времени. Это объясняется тем, что опрошенные субъекты в настоящее время живут и учатся в Румынии, совершенствуя, тем самым, свою лингвистическую компетенцию на румынском языке.

Выводы

На основе результатов, полученных с помощью вопросника от румыно-русских билингвов из Республики Молдова, от билингвов из юго-западной части Румынии и от русско-румынских билингвов из Дельты Дуная можно сделать следующие выводы:

Частные проблемы

Среди индивидуальных билингвов из Республики Молдова и среди билингвов юго-западной части Румынии доминирует продуктивный (активный) и чистый билингвизм, но часто встречается и комбинированный билингвизм. Помимо продуктивного билингвизма проявляется и рецептивный (пассивный) билингвизм у незначительного числа субъектов (в случае других иностранных языков).

По сравнению с первыми двумя зонами, отмеченными выше, у русских липован из Дельты Дуная, живущих на относительно изолированных территориях, наблюдаемые явления представляются в следующем виде:

в группе **в** можно говорить о начальной форме рецептивного асимметрического субординативного билингвизма;

в группе **б** проявляется смешанный субординативный билингвизм;

в группе **а** существует тенденция к смешанному координативному билингвизму, однако одновременно появляется и опасность исключения родного языка¹².

Общие проблемы

Значительным элементом в установлении уровня лингвистических знаний является образование. Оно имеет решающее влияние на уровень знания языка и, соответственно, устанавливает доминирующий речевой механизм для говорящего билингва. В этом случае необходимо различать несколько положений:

Если говорящий окончил образование на другом языке, а не на родном, то первый язык станет для него доминирующим, особенно в научном и профессиональном стиле речи.

Редки те случаи, когда говорящий билингв окончил образование на другом языке, но изъясняется легче на родном языке. Это проявляется в речи русских липован, если после окончания учебы продолжают свою деятельность в изолированной местности, т. е. в селе.

Несмотря на то, что говорящий билингв утверждает, что с легкостью

изъясняется на обоих языках, и в разговорной речи и в официальном стиле, все-таки приходится признать, что при заполнении официальных документов думает на языке, на котором получил образование.

Нужно отметить, что независимо от формы проявления, билингвизм представляет собой актуальное явление, особенно в настоящее время, когда наблюдается усиление социальной и культурной значимости языков, независимо от числа говорящих на том или ином языке.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. У. Вайнрайх, *Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования*, Киев, 1979 (перевод с английского Ю.А. Жлуктенко), с. 22.

2. E. Naugen, *Language Contact*, «Actes du VIII Congres international de linguists», Oslo, 1958; см. также: В. Ю. Розенталь, *О языковых контактах*, «Вопросы языкознания», 1963, №1, с. 59.

3. **Координативный (сочиненный) билингвизм** – это продуктивный билингвизм, который обеспечивает порождение правильной речи, т. е. таких речевых произведений, принадлежащих вторичной языковой системе, в составе которых устанавливается сохраняемая языковая система.

4. **Субординативный (подчиненный) билингвизм** встречается в тех случаях, когда в речевых произведениях, порождаемых на его основе, устанавливается нарушение языковой системы, т. е. если речевые произведения билингва оказываются неправильными.

5. Некоторые населенные пункты с компактным населением русских липован можно встретить и на севере Молдовы и на Буковине.

6. Для статистических данных см. М. Ignat, *Statistica la ruşii lipoveni*, «Zorile» («Зори»), 2001, nr. 4, p. 12-13.

7. Вопросник прилагается в конце статьи. Мы глубоко благодарим студентку Ану Некита, жительницу с. Каркалиу, за оказанную помощь в осуществлении опроса.

8. См. Maria Király, Valeria Nistor, *Bilingvismul între teorie și practică*, în vol. *Relații interetnice în zona de contact româno-maghiaro-ucraineană din secolul XVIII-lea până în prezent*, Satu-Mare-Tubingen, 1999, p. 321-330; Maria Király, *Câteva considerații privind bilingvismul în zona (sua)-vestică a României*, în vol. *Probleme de filologie slavă*, VII, Timișoara, 1999, p. 161-168; Maria Király, *Bilingvismul – fenomen pozitiv sau negativ?* în vol. *Probleme de filologie slavă*, VIII, Timișoara, 2000, p. 31-39.

9. Нужно отметить, что те субъекты, которые работали за границей, часто употребляют в речи язык соответствующей страны.

10. См. Maria Király, *Az iskola szerepéről a kétnyelvűség kialakításában*, в журнале «Közoktatás», București, 2000, nr. 9 (sept.), p. 11-12.

11. Horia C. Matei, **Silviu Neaguț, Ion Nicolae, Caterina Radu**, *Enciclopedia statelor lumii*, ed. a 7-a, București, Editura Meronia, 2000.

12. В связи с этим см. М. Ignat, *цит. раб.* с. 12-13.

ВОПРОСНИК

- Сколько Вам лет?
- Образование
- Профессия

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

- Родной язык
- Иностранные языки (уровень знаний)
- Письмо, чтение, говорение
- б) Говорение
- в) Письмо, чтение
- При каких обстоятельствах усвоили иностранный язык? (приблизительно в каком возрасте?)
- На каком языке занимались (в школе, в лицее, в вузе) ?
- На каком языке общаетесь в семье?
- г) На бытовые темы
- д) Со взрослыми
- ж) С детьми различного возраста
- з) На профессиональные, официальные темы.
- На каком языке думаете (в бытовых ситуациях; в случае заполнения документов или какой-либо письменной работы)?
- На каком языке легче рассказываете сказку?
- На каком языке легче понимаете беллетристический текст (стихотворение, роман, пьесу и т. д.)?
- На каком языке обычно (или легче) редактируете письмо, приглашение или научную работу?
- На каком языке легче изъясняетесь (или в одинаковой степени)?
- е) Говорите с запинками
- ё) Говорите с ошибками
- и) Лексически ограничены в выражении.
- В каком соотношении относительно Вашего времени считаете, что пользуетесь известными Вам языками?

II. LITERATURĂ LITERATURE

Философско–эстетические структуры А. Шопенгауэра в творчестве М. Эминеску и русских неоромантиков

Вирджил Шоптеряну (Virgil Şoptereanu)

„Чарующее действие” философско–эстетических идей А. Шопенгауэра, сделавших его „самым популярным и влиятельным писателем” конца XIX века (1), испытали на себя многие художники слова. Можно было бы сказать, что „популярным и влиятельным” был Шопенгауэр и в кружке румынских писателей „Жунимя” („Junimea”, 1863 – 1916), основатель которого, Титу Майореску, перевёл на румынский язык в 1876 году Афоризмы о мудрости в жизни немецкого философа. С „Жунимя” был связан и М. Эминеску, ряд произведений которого был напечатан в литературном органе этого кружка „Конворбирь литераре” („Convorbiri literare” – „Литературные беседы”). Более того, Титу Майореску принадлежит высказывание о том, что поэт „был убеждённым приверженцем Шопенгауэра” (2). С тех пор критика заговорила, порой не без преувеличений и натяжек, о воздействии идей немецкого мыслителя на творчество Эминеску. Однако, со временем критические работы Дж. Кэлинеску, Д. Каракостя, Т. Виану, Д. Поповича, И. Негоицеску, Л. Русу, Э. Папу, Н. Тертулиана и др. положили конец подобным перегибам, и вопрос о влиянии Шопенгауэра на творчество нашего национального поэта ставится в объективных и адекватных параметрах.

В русской литературе „пессимистический волонтаризм” автора Мира как воли и представления (*Die Welt als Wille und Vorstellung*, 1819 – 1842) доставили „ряд духовных наслаждений” Льву Толстому. Не исключено, как считает критика, известное влияние шопенгауэровых идей на великого русского писателя в период его работы над Анной Карениной (3).

Однако, если и были в России „убеждённые приверженцы Шопенгауэра”, то ими стали первые представители русского модернизма – „старшие” символисты, которые называли себя неоромантиками, объявившими о своём присутствии на литературной арене на рубеже XIX и XX веков. И мы имеем в виду, в данном случае, таких писателей, как Д. Мережковский, Ф. Сологуб и З. Гиппиус.

Учение немецкого мыслителя о метафизической „мировой воле”, о феноменальном мире как о представлении, о красоте как „цели в самой себе” и предмете „бесстрастного созерцания”, его мысли о природе гения, – все эти философско–эстетические концепты, которые нашли отзвук в ряде стихотворений М. Эминеску: в его Послании первом (*Scrisoarea I*, 1881), в Глоссе (*Glossă*, 1883), как и в шедевре – поэме Лучафэр (*Lucsafărul*, 1883), вошли структурообразующим элементом и в поэтику русских неоромантиков.

Знаменателен в этом отношении тот факт, что великого румынского романтика, как и русских неоромантиков, ровно привлекает к себе идея из шопенгауэрова арсенала, согласно которой объективацией „единой”

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

„мировой воли” выступают воды, текущие, либо бесцельно бьющиеся о берега.

У М. Эминеску само течение времени идентифицируется, в стихотворении *Из волн времён* (*Din valurile vremii*, 1883), с волнообразным потоком. Что же касается образа волн, беспрестанно следующих одна за другой, и призванного внушить шопенгауэрову идею о бессмысленности человеческого существования, то этот образ возникает то в Первом послании:

Что судьбе слепой их думы, их заветные стремленья?
Волны мчит она по жизни, словно ветра дуновенье”
(Перевод С. Шервинского) (4)

то в Глоссе:

Что есть волна, волной проходит (5) –

и, наконец, в Лучафэре:

Им возводить лишь в облаках
Пустые идеалы;
Когда дробятся волны в прах
Другие бьются в скалы.
(Перевод Г. Перова) (6)

или

Творить никчёмный идеал
Им суждено впустую.
Но волны, умерев у скал,
Родят волну другую.
(Перевод Д. Самойлова) (7).

Эта идея бессмысленности и призрачности человеческого бытия, протекающего в „тесном кругу” пространственно–временных и причинных категорий, раскрывается в поэме Демиургом, когда он пытается убедить Гипериона, „первенца творения”, не отказываться от „нимба бессмертия” ради „одного часа” любви земной девы:

Из лона вечного „вчера”
Восходит к смерти „ныне”;
И солнце, вставшее с утра
Спешит к своей кончине.
(Перевод А. Бродского) (8)

Возникающий в этих строках экзистенциальный мотив смерти – один из излюбленных у романтиков – находит глубокий отзвук и в философии немецкого мыслителя. Призрачность человеческого существования, несущего на себе роковую печать неминуемой смерти, суетность желаний на этой „блуждающей ” планете, где человека, вечно гонимого судьбой, подстерегает смерть, – все эти идеи находят своё выражение в Лучафэре в сжатой форме, свойственной лишь поэтической манере великого романтика:

Хоть мнится – век ему гореть
 Но это только мнится,
 Родится всё, чтоб умереть
 И гибнет, чтоб родиться.
 (Перевод А. Бродского)

Что касается русской литературы, то тот же образ „бесцельных”, „ненужных струй, покорных вечным законам”, несёт на себе основную смысловую нагрузку и в романе Тяжёлые сны (1895) Ф. Сологуба, которого его современники называли „подпольным Шопенгауэром”: „Волны струились тихие, но неумолимые (...). Ненужные струи, покорные вечным законам, стремятся бесцельно...” (9). В этом каноне символистского искусства, написанного десятилетие спустя после публикации поэмы М. Эминеску, Ф. Сологуб, устанавливая незримые *correspondences* между „равнодушной к человеку” „вечнодвижущейся силой” и судьбой людей, „бессильных как дети”, – проводит шопенгауэрову идею о присутствии в их жизни какой-то злой и „непобедимой силы”, таящейся и саморазвивающейся, влекущей их к гибели.

Сама земная действительность представляется и персонажам З. Гиппиус как бледное отражение высшего, самодавящего абсолюта, непостижимого разумом. „Облака, – читаем в рассказе Зеркала (1898), – не сами облака, а, может быть, только отражение каких-то нездешних облаков” (10). И этот персонаж напрасно стремится проникнуть сквозь „стекло небес”, „бесцветное, чистое” и „прозрачное”, туда, где за пределами феноменального мира с его реками, облаками, зверьми и птицами сокрыта „мировая воля”, таинственная и злая, влекущая человека к гибели.

Вместе с тем, возможность проведения типологической параллели между творчеством романтика и неоромантика на уровне идей немецкого философа не исключает и наличия существенных различий.

Дело в том, что мотив смерти, перейдя к неоромантикам от романтиков, претерпевает одновременно и значительные видоизменения: сила жизни теперь не только не побеждает смерть, но, напротив, доминанта переносится на смерть (М. Бахтин), и сам момент смерти начинает осмысляться как эстетический феномен. У таких писателей, „уколотых” „жалом смерти” (Жало смерти – название одного из сборников Ф. Сологуба), как Ф. Сологуб, Д. Мережковский, З. Гиппиус, эстетическое обояние смерти овладевает их персонажами, смерть становится для них „верной и нежной” „подругой”,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

„освободительницей” от грубой и равнодушной действительности.

Для этих писателей, творчество которых знаменует собой, на рубеже столетий, реакцию на „перенасыщенный морализмом” (Г. Федотов) XIX век, шопенгауэрова идея о „призрачности” человеческой личности, „вечно текущей и обречённой на уничтожение”, оказалась весьма плодотворной. Мироощущению неоромантиков отвечала шопенгауэрова метафизика, исходившая из утверждения, что бытие есть, по своей сути, страдание, и „вышим... благом является небытие”, „самоотрицание и самоуничтожение... отдельной особи” (11).

Интересно отметить, что в своё время известный русский религиозный философ Вл. Соловьёв усмотрел главный „алогизм” философии Шопенгауэра в его утверждении, что метафизическая воля страдает. Но если воля есть „всеядная сущность, не имеющая ничего вне себя”, то очевидно, – считал русский философ, – что она не может страдать в объективном смысле”, и „поэтому всё, что Шопенгауэр так красноречиво говорит о страдании воли, в действительности относится исключительно лишь к страданию ограниченных мыслящих субъектов”, на которых оказывает воздействие внешний мир. „Отсюда, – замечает русский философ и поэт, цитируя Гамлета, – для каждого „боль сердца, тысячи естественных страданий – наследие тела” (12).

Не трудно заметить, что в центре произведений русских неоромантиков как раз и находится „отдельная особь”, „мыслящий субъект”, страдающий в мире, которым правит слепая, равнодушная к его судьбе, метафизическая воля. И в этом неослабеваемом внимании к психологическим подробностям внутреннего мира „маленького человека” нельзя не усмотреть последствий того, что открытие русской психологической прозы, и прежде всего Достоевского, проникнув в русскую литературу рубежа веков, оказали глубокое воздействие и на предшественников „нового искусства”, даже если оно и объявило о „радикальном разрыве” со старой литературой (13).

Возвращаясь теперь к творчеству великого романтика, мы различаем и у М. Эминеску художественную материализацию шопенгауэровой метафизической воли. Трудность выявления философских структур в лирике румынского поэта заключается для исследователя в том, что у Эминеску нет главенства мысли над чувством, как это случается в „философской поэзии” (Т. Виану), нет заданности философской идеи, которая становится у него самою плотью лирических структур, чем и достигается гармоническое единство между мыслью и чувством – признак подлинного большого дарования.

Возьмём, к примеру, Послание первое и присмотримся к строкам, в которых даётся картина рождения из хаоса Мироздания:

И досель миры приходят, затерявшиеся в сферах,
К нам из хаоса глухого, из его юдолей серых.
Их рождает бесконечность – и роятся светлой новью,
Приобщаемые к жизни бесконечною любовью.
(Перевод С. Шервинского. Подч. нами – В. Ш.)

Что означает здесь „бесконечность” и „бесконечная любовь”, которая

извлекает из „хаоса” мира и „приобщает” их „к жизни”? По Шопенгауэру, первоначало всех явлений и всех действий выступает воля, и в таком случае вышеотмеченные метафоры могут быть интерпретированы как художественная материализация шопенгауэровой воли.

Правда, для большей точности следовало бы заметить, что румынской лексеме „dor” из оригинала более соответствует в данном контексте не термин „любовь”, а то значение румынской лексемы, которое переводится как „тоска”. Тем более, как это было сказано, шопенгауэрова воля есть „страдающая воля”.

Не меньший интерес в этом отношении представляют, на наш взгляд, и те строки из Лучафэра, в которых описан „предвечный мир”, куда прилетел Гиперион, и которые вызывают у нас ассоциацию с „мировой волей”, именно как „страдающей”, охваченной „неудовлетворённым стремлением”, „постоянным влечением без цели и отдыха”. Здесь, говорит поэт, нет ни познающей мысли, ни „смежных предметов”, дающих представление о пространстве, а есть лишь „ничто” и „пустота”, из которой тщетно пытается родиться время. За неимением стихотворного перевода, в котором были бы сохранены незаменимые у Эминеску детали и необходимые нам для подтверждения нашего предположения, представим прозаическое буквальное переложение стиха: „И там, куда он прилетел, нет ни границ, ни глаз, чтобы познать, и время тщетно пытается родиться из пустот” („Căci unde-ajunge nu-i hotar./ Nici ochi spre a cunoaște./Și vremea-ncearcă în zadar/ Din goluri a se naște”).

Заданная здесь напряжённость и „неудовлетворённость”, какое-то „влечение без цели и отдыха” усиливается последующими образами какой-то „засасывающей/иссушающей жажды” и „глубины, подобной слепому забвению”. В сжатом, сконцентрированном стихе Эминеску образ „слепого забвения” подводит нас к нирване, полному погашению всякой жизни – согласно аскетически-созерцательной практике буддизма, привлекавшей к себе особое внимание и немецкого философа.

Забегая вперёд, отметим, что идея „погашения всякой жизни” занимает важное место в исторической трилогии Д. Мережковского Христос и Антихрист (1895 – 1905), в которой был воплощён неоромантический вариант креационистского мифа. „Слепым забвением”, когда „мир исчезает для человека, и человек исчезает сам для себя”, выступает здесь творчество, погружение в сферу которого приравнивается к „освобождению” гения от внешнего мира с его злом и страданием.

С высоты высшей абсолютной сферы, откуда виден мир в его целом, „со всеми его солнцами и млечными путями” (Вл. Соловьёв), предстаёт земная действительность у румынского романтика. Земля представляется отсюда, как населённая „микроскопическими народами”, „детьми маленького мирка”, иначе говоря, – читаем в Послании первом, – „мухами-однодневками” или „муравьями”, строящими свои „муравейники” и не сознающими ничтожности своего существования:

Мы себя считаем чудом, а видны – под микроскопом!

Мы – что мухи-однодневки, мир наш меряется футом.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

(Перевод С. Шервинского)

С подобной высоты взирает герой бессмертной поэмы, отказавшись от своих попыток найти отзвук у земных „субъектов”, на „бесконечную и бессмысленную последовательность человеческого бытия (Тудор Виану) (14).

Лучафэр, предстающий в ипостаси „царя познания” – о чём нам говорят следующие строки:

Как солнцем истины омыт
В купели первозданной.
(Перевод А. Бродского)

– выступает воплощением представления о гении поэта–романтика.

И тот факт, что в этом представлении слышны отзвуки идей немецкого мыслителя, и предоставляет нам возможность проведения типологической параллели между концепцией о гении М. Эминеску и русских неоромантиков, обнаруживающей известное сходство, не исключающее, тем не менее, (как об этом будет сказано позже), и определённых различий.

Точкой отправления послужит для нас то обстоятельство, что среди „архаических прецедентов”, перешедших от романтиков к русским символистам, числится и креационистский миф, особым интересом к которому была отмечена русская литература рубежа столетий. Общее в креационистском мифе XIX века и рубежа столетий будет связано с воздействием (как это было сказано) философско–эстетических идей автора Мира как воли и представления, как и идей Фр. Ницше, а также и с тем, что миф о творчестве и его носителе–творце оказывается проведённым в обоих случаях через призму размышлений Гёте о художественном творчестве.

Видимый глазами простого смертного, гений представляется – как писал Мирча Элиаде – некоей тайной, недоступной человеческому разуму. Героиня поэмы Эминеску признаётся, что, хотя Лучафэр и говорит на понятном языке, ей не под силу понять его слова.

Но и символисты–неоромантики, игнорируя промежуточный период „сциентистского эволюционизма” XIX века, когда в теориях Канта, Гегеля, Фихтера делалась попытка удалить „темноту” демонического, отнести гения к „*homo taxime homo*”, представляют гения носителем таинственной демиургической силы.

Вместе с тем, исключительность и избранничество, под знаком которого протекает существование гения, приводит к тому, что он оказывается, как это случается у Эминеску, „универсумом без сообщения” (15). „Прославление одиночества”, – считает О. Денсушяну, – ключ к поэме Эминеску (16), в которой Лучафэр с самого начала появляется в сопровождении мотива одиночества, равного по своим масштабам его демиургическому статусу и переданного следующим образом у одного из русских переводчиков:

И вновь трепещет он сильней
 Как трепетал, бывало,
 Над одиночеством морей,
 Над вечным плеском вала.
 (Перевод Г. Перова)

Мотив одиночества гения усугублялся воздействием пессимистической философии А. Шопенгауэра, который усматривал в меланхолии и одиночестве гения, в его ощущении трагичности своего существования некую фатальность.

В то же время из „жестокой” философии Ницше переходят в характеристику гения холод, ясность, твёрдость и спокойствие, свойственные „сильному духу” (17).

„Холод вечности”, исходящий от „сына стихийных сил”, подчёркивается у Эминеску с самого начала через синтагмы „холодные искры”, „ясные лучи”, „безжизненно сверкаешь”, через его отождествление с „прекрасным мертвецом с живыми глазами”:

Но тени по лицу скользят,
 Как на прозрачном воске,
 Он мёртв, и только юный взгляд
 Живые мечет блески.
 (Перевод Ю. Кожевникова и И. Миримского) (18)

Печальное и одинокое светило, обращённое к вечности и символизирующее судьбу гения, навсегда, по Шопенгауэру и Ницше, остаётся холодным. „Гений,— замечает по этому поводу Дж. Кэлинеску,— холоден и вечен”, ибо бессмертие мыслится как отказ от теплокровной жизни (19).

Но и мысли великого художника Возрождения Леонардо да Винчи, наделённого в романе Д. Мережковского статусом гения, о безмерной скуке этого мира, о бессмысленности и призрачности человеческого бытия, о роковом одиночестве гения во многом имеют своим источником философию Шопенгауэра и Ницше. Леонардо да Винчи — „вечный изгнанник”, „странник на большой дороге” истории, которого со временем окружает „всё большая пустота и молчание” (20).

В то же время нагнетение в романе мотивов тоски, скуки и смерти отражало тот „соблазн эстетизации страдания”, который, „гипнотически воздействуя на всю эпоху в целом”, входило обязательной частью в мирозерцание „старших” символистов.

С тем, что было в герое Мережковского от гения, связаны в его внешней характеристике такие черты, как спокойствие, холодность и бесстрашие. Это — не только его „спокойное проникновенное любопытство” или многократно повторяемая „улыбка змеиной мудрости”, но и не менее частое упоминание о его „светло-голубых глазах”, то „холодных”, то „ясных, тихих и чуждых, как звёзды”.

Вместе с тем, за пределами вышеотмеченной общности между гением романтика и гением неоромантика пролегает глубокий водораздел,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

обусловленный сменой эпох. И дело не столько в том, что у М. Эминеску гений по своей природе приобщён к демиургическому, а у Д. Мережковского он – смертный человек. Хотя и данное обстоятельство нельзя сбрасывать со счёта.

Персонаж Эминеску возвращается, в конце концов, на круги свои, туда, где ему и положено находиться, как одному из „столпов универсума”, оставаясь там „далёкой от людей одинокой вечерней звездой” и возвещая миру о несовместимости демиургического и земного, сверхъестественного и человеческого. В своём качестве „космического принципа” Гиперион представляет собой то, что у Мирчи Элиаде названо „единственной реальностью” (21). Хаос, который его породил, в космогонических мифах описан как некое „компактное единство”, недифференцированное состояние, распавшееся затем на земные „противоположности”, под знаком которых и будет протекать существование человека.

Напротив, гений Мережковского – смертный человек, который в своём желании обрести „великую свободу” от внешнего мира устремляется к вечному и абсолютному.

В своём представлении о гении неоромантик заостряет его причастность к метафизической тайне: гений выступает как исключение из „общего мистического опыта”, в котором „в человеческом облике” скрывается „не-совсем человек” (22). Подобно древнеиндусскому божеству с амбивалентной функцией, и в гении происходит „смешение добра и зла, света и тени”, ибо он „одинаково причастен к тому и другому”.

Но именно в этой причастности к демиургическому и заключена драма земного гения, ибо он оказывается одержим „безумной надеждой” найти „выход в другое небо”, т. е. к той „единственной реальности”, в которой „то, что было Двумя, будет Едино”, иначе говоря, свершится „примирение” „противоположностей”, свойственных земному бытию. И тем глубже эта драма, чем яснее его мысль о бессилии перед лицом своего призрачного индивидуального существования. Герой Мережковского сознаёт, что божественный по своему происхождению огонь, питающий его творчество, обречён на угасание, ибо жизнь человека конечна.

Именно в подобном контексте особое звучание приобретает момент, когда гений Мережковского с тоской устремляет свой взор сквозь „стекло пыльного окна” к одинокой „вечерней звезде в безнадёжно-ясном небе”, „подобной светильнику прекраснейшего из ангелов тьмы – Люциферу-Светоносящему” (20, т. 2, ч. I, с. 216 – 217).

Знаменателен здесь сам по себе тот факт, что, если у М. Эминеску Лучафэр, „вечерняя звезда”, есть „позитивный дух” творения, который участвует „вместе со всем миром” в устройстве мироздания, то у русского неоромантика на романтическую парадигму гения накладывается тень „ангела тьмы”, что и возвещало на пороге конца XIX столетия перемещение центра тяжести с чувства спокойной гармонии прежнего искусства на чувство диссонанса и хаоса, иррационального и бессознательного. Высоко ценя творчество Пушкина и Л. Толстого, русские символисты, тем не менее, чувствовали более близким к себе „ночное светило русской поэзии” Лермонтова и „дионисийского” и

„экстатического” Достоевского, которого они признавали своим „духовным отцом”.

Начиная с Гёльдерлина, гений считается посредником Бога, которого лишь в моменты творчества посещает божественный дар. „Огненный Архангел, что ты принёс с собой?” вопрошает персонаж А. Мачедонского из стихотворения Декабрьская ночь в момент, когда на него снисходит вдохновение. В творце–художнике рядом с божественным не менее активным началом выступает его человеческая, несовершенная натура, которая и преодолевается в процессе созидания для окончательного торжества „высокой степени духовного творчества” (23). Примером в этом отношении мог бы послужить „старый учитель” из Послания первого Эминеску, в котором человеческая слабость побеждается величием интеллекта, способного проникнуть в самую сущность Мироздания. На таких, как этот, на внешний взгляд, „никчёмный” „старый учитель”, „стоит мир и вечность”, заключает поэт. Стоит добавить, что возможно, на выбор здесь на статус гения именно „мыслителя” оказала воздействие мысль Шопенгауэра о значении интеллекта, как высшей формы познания и творчества (24).

Напротив, в романе и эссе Д. Мережковского, В. Розанова, А. Белого внимание заостряется не на синтезе, а на дуализме земного и потустороннего: человеческое в гении не составляет больше своеобразной солидарности с высшим, космическим началом, представляет собой „две половины”, противостоящие одна другой. „Нездешнее” было в то же время „нечеловеческим”, чудесным и „страшным”, существовавшим в гении как бы независимо от его воли. Ибо если гений – „соучастник Демиурга”, способный создавать „новое пространство” или „новое человечество”, то это значит, что он – соперник Бога, что и накладывало на его облик отблески, напоминающие того, кто издавна, по христианской традиции, стремился „подражать” Создателю, т. е. антихриста. Так и у Мережковского – гений рисуется неким двуликим Янусом, на одном лице которого ярко горел „знак слуги Антихриста”.

Таково завершение траектории, пройденной в европейской литературе креационистским мифом, в котором творческая сила гения была поставлена Гёте в связь с демоническим. Согласно Гёте, пишут авторы трактата по эстетике, художник, преодолевая в себе человеческое, достигает божественного или, как предпочитал выражаться Гёте, демонизма (25). Демоническое немецкий писатель понимал как светлую, свободную творческую стихию – *das Dämonische*. К существам „демоническим”, т. е. к тем, кто, излучая огромную энергию, оказывает на людей „невероятное влияние”, он относил и обладателей разрушительной энергии, определяя её как „мефистофельское отрицание”.

Гётевская концепция демонизма, понимаемого как „положительная энергия”, лежащая в основе творчества, находит своё выражение, по мнению румынских эминескологов, и в творчестве М. Эминеску (26).

Внешние признаки „демонического соблазна” (Д. Мережковский) неоднократно различаются в лирике нашего поэта, отсылая нас к демонизму романтиков – к Байрону, Мильтону, Лермонтову.

Показателен в этом отношении ранний шедевр Эминеску,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

стихотворение Венера и Мадонна (*Venere și Madonă*, 1876), в котором возлюбленная предстаёт поэту „демоном”, „вакханкой” „с пустым и холодным сердцем и с отравленной душой”, обманно принявшей облик „ангела”. Однако, резкая антитеза скрадывается здесь любовью, ибо, как говорит поэт, „будь ты даже демоном”, „ты освещена любовью”. И в стихотворении Ангел и демон (*Înger și demon*, 1873) в финале Бог посылает „ангела”, чтобы силой любви умиротворить „демона” – разочарованного поэта, ожидающего на своей „бедной постели” прихода смерти.

Казалось бы, в Лучафэре, где персонаж перевоплощается сначала в „ангела”, „молодого витязя со светлыми кудрями”, а затем в „прекрасного демона” с глазами, полными „неутолимого мрака страсти”, речь пойдёт о „двуликости” гения. Однако и здесь мы имеем дело со своего рода „примирением” „противоположностей”, совершающимся через одинаковое отношение „влюблённой девы” к обоим ипостасям: в обоих случаях она, чувствуя несовместимость „тепловатой” жизни и „холода” неподвижной вечности, отказывается идти „по пути”, который Лучафэр „открывает” перед нею. Взор Лучафэра излучает энергию, трудно переносимую простым смертным: героиня поэмы признаётся, что его „тяжёлый взор” „жжёт” её, подобно огню:

Глаза огромные твои
Томят и жгут невольно.
(Перевод Г. Перова)

Как это кажется, идея относительно „тяжёлого взора” гения, трудно переносимого для окружающих его людей, как и необъяснимое их влечение к нему, становится общим местом в литературе о художнике–творце. Так и у Мережковского его герой излучает какие-то непонятные ему самому лучи „тёмного радия”, приводящие к гибели дорогих ему людей.

Возвращаясь к идее „двуликости” творца, вбивавшего в себя „чудовищное” и „страшное”, следует отметить, что её акцентирование обуславливалось глубокими процессами, происходившими в русской литературе, которые были связаны с расхождением путей красоты и добра, эстетического и этического, выливаясь в России в бурные дискуссии о соотношении этики и эстетики, о совпадении/несовпадении искусства и морали, о природе зла и его соотношении с проблемой свободы выбора.

В подобной атмосфере примата эстетического большой притягательной силой обладали для русских неоромантиков эстетические идеи Шопенгауэра относительно чистого созерцания вечных идей, воспринятой немецким философом от античной эстетики. Здесь же следовало отметить, что и в эстетике „владельца дум” эпохи рубежа веков, Вл. Соловьёва, красота оценивалась как нечто „безусловно ценное”, как „цель сама в себе”, как, наконец, „чистая бесполезность”, имеющая все права на „законную автономию” (27). В то же время признание красоты не только не исключало, у русского философа, но и подразумевало требование „положительного” внутреннего свойства красоты, связанного с мечтой „перестроить жизнь для торжества истины,

добра и красоты” (А. Лосев).

В эстетике же Шопенгауэра „мир рассматривается,– как писал Э. Чоран,– как некий спектакль, а человек – как зритель, пассивно присутствующий при его развёртывании” (28). Образ „зрителя” и „спектакля” восходил к пониманию гения у Шопенгауэра: освобождённый от „печалей и забот”, гений – „зритель жизни”, „ясный зритель”.

Эстетические идеи немецкого философа не могли не найти отзвука у М. Эминеску, который творил в эпоху, когда в атмосфере традиционализма духовный ментор „Жунимя” Титу Майореску, подняв вопрос о соотношении этики и эстетики, решает его в пользу автономии принципа эстетического. При этом, настаивая на введении эстетического критерия при оценке художественного произведения, румынский критик опирался на практику творчества И. Крянгэ, И. Л. Караджале, И. Славич и М. Эминеску.

Многозначительна в плане выявления шопенгауэровой эстетики – и это не раз отмечалось румынскими эминескологами – та часть поэмы, в которой представлена космогония Эминеску. Эту картину первозданного сотворения мира вполне можно интерпретировать как нарисованную с позиций бесстрастного созерцания, отвечающего чистому созерцанию вечных идей у Шопенгауэра. Впечатление „бесстрастного и безвольного созерцания” космоса поддерживается отсутствием каких бы то ни было оценочных нот, лексем с оценочно–эмоциональной нагрузкой, что и приводит к тому „обезличиванию”, о котором говорит Д. Каракостя (29).

Представляет в этом отношении особый интерес и финал Лучафэра, когда герой поэмы, „очистившись” от земных „противоположностей” – человеческих чувств, страсти, страдания, тоски, возвращается в свой мир вечной звезды, далёкой от людей, „бессмертной и холодной”. И хотя большинством русских переводчиков лексема „холодный” (по отношению к Лучафэру) заменена лексемой „бесстрастие”, всё же, думается, нельзя сказать, что гений Эминеску выступает здесь в шопенгауэровом амплу „ясного”, т. е. „бесстрастного” и пассивного „зрителя”, ибо в его обращении к влюблённым вкраплены синтагмы с явно оценочным характером. Так, земное существование „оценено” им как „тесный круг”, а к своей бывшей возлюбленной он адресуется с презрительным – „глиняный лик”, намекая тем самым на её смертную долю, но и вызывая ассоциации с глиняным горшком и с черепками, на которые он распадётся со временем. Всё это выдаёт типичную для романтика оппозицию миру, не понявшему и отринувшему гения, обрекая его на трагическое одиночество. Оппозиция романтика не означала *svasi*–абсолютной свободы, выхода за пределы добра и зла, о чём нам и говорит Глосса с её призывом понять, „что есть зло и что есть добро”. Подобно Гёте, и румынский поэт мог бы сказать, что „человек обязан быть сыном века”. И миссию гения он видел в участии в жизни общества, свидетельством чему являются сатирические страницы из его поэтического наследия.

Об „эстетическом отношении к жизни” в духе созерцательной пассивности можно говорить лишь применительно к русским неоромантикам, согласно которым художник не должен покидать свою

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

позицию „тихого созерцания”, ибо погружение „в страсти толпы, полные вечного зла”, может стать для него роковым (20, т. 2, ч. I, с. 194). Лишь погружение в творчество, служащее красоте, понятой как „цель в самой себе”, давало гению из романа Мережковского „радость великого освобождения” от „внешних форм общежития”. Художник остаётся только художником, думающим о красоте формы, помимо которой для него „не существует ничего важного на свете”. „Войны, победы, поражения своих и чужих, перемены законов и правительств, угнетение народов, низвержение тиранов,— всё, что кажется людям единственно важным и вечным,— проносилось мимо него, как пыльный вихрь мимо странника на большой дороге” (20, т. 2, ч. I, с. 279),— читаем в романе Мережковского.

Подобное очищение искусства от земных „противоположностей”, граничащее с бездушием, и приводило ученика Леонардо да Винчи к мыслям об антихристовой „половине” его учителя.

Весьма выразителен в этом смысле эпизод, в котором речь идёт о смерти графини Беатриче. Рядом с убитым горем мужем и потрясённым окружением один лишь Леонардо „сохранил спокойствие”. „Глубоким, испытывающим взором следил он за герцегом”, за его „искажённым отчаянием” лицом с одной лишь мыслью — „зарисовать в памятную книжку” это лицо. „В такие минуты,— пишет автор,— любопытство художника превозмогало в нём всё. Выражение великого страдания в человеческих лицах, в движениях тела наблюдал он как редкий необычный опыт, как новое, прекрасное явление природы. Ни одна морщина, ни один трепет мускула не ускользали от его бесстрастного, всевидящего взора” (20, т. 2, ч. I, с. 279).

Но это и есть как раз одна из выразительных иллюстраций действия „демонической силы искусства”, о которой предупреждал Л. Толстой. Это есть и тот „роковой демонизм эстетических движений”, когда властью искусства само зло может предстать прекрасным. Наконец, здесь мы находим и подтверждение мысли Достоевского о том, что дьявол овладевает человеком, когда в нём пробуждается „эстетический восторг”.

Остаётся отметить, что если у таких талантливых художников слова, каковыми были Д. Мережковский, Ф. Сологуб, З. Гиппиус, рядом с правдой мы обнаруживаем и известную односторонность, то относительно М. Эминеску можно было бы сказать, что будучи „*homo unicus*”, сыграв в румынской литературе роль, подобную роли Пушкина в России или Гёте в Германии, румынский поэт, „впитав в себя всё” (Гёте), отразил в своём творчестве полнокровное течение самой жизни.

Сказанное можно отнести и к Лучафэру, где параллельно с „хладной вечностью” шопенгауэрова мифа мы находим и картину „тепловое жизни”, протекающей в своих пространственно—временных параметрах.

Время, как писал где-то Лев Шестов, пришло в мир, обманув бдительность вечности и принеся с собой смерть, но вместе с тем и движение и становление. И если гений Мережковского мечтает о преодолении временных границ с тем, чтобы выйти к вечности, к этому „неподвижному образу времени” (Платон), то желание гения Эминеску превратиться в простого смертного означало попытку, пусть и тщетную, вырваться из цепей статичной вечности, чтобы войти в преходящее и

вечно меняющееся время и пространство – этот прототип поэтического универсума нашего поэта, богатого и разнообразного, созданного с участием всех человеческих чувств.

Весьма показателен в этом отношении тот факт, что кульминационный момент любви двух молодых людей выступает в поэме как своего рода сон в летнюю ночь, описанный с применением стилизованных фигур, предпочитаемых поэтом в его любовной лирике:

И льёт поток лучей своих
 На вертоград и кущи,
 На двух влюблённых молодых
 Под сенью лип цветущих.

.....

И лепестки летят с ветвей,
 Как дождь, живой и мудрый,
 На головы земных детей,
 На золотые кудри.
 (Перевод А. Бродского)

Примечания

1. К. Е. Gilbert, Н. Kuhn, *Istoria esteticii*, Ed. Meridiane, Bucureşti, 1972, с. 407.
2. Т. Maiorescu, *Critice*, II, Ed. pentru literatură, Bucureşti, 1967, с. 333.
3. См. Б. Эйхенбаум, Лев Толстой. Семидесятые годы, „Художественная литература”, Ленинград, 1974, с. 170 – 174.
4. Перевод С. Шервинского даётся по: М. Эминеску, Лирика. Перевод с румынского, Изд-во „Художественная литература”, Москва, 1968.
5. В переводе на русский язык эта строка из Глоссы звучит менее убедительно: „Ты не верь волне текучей!” (См. М. Эминеску, Лирика, цит. изд., с. 131). В подлиннике: „Ce e val ca valul trece”.
6. Стихи М. Эминеску в переводе Г. Перова приводятся здесь и в дальнейшем по: М. Эминеску, Лучафэр. Издание с параллельным текстом на румынском и русском языках. Перевёл Г. Перов, Кишинёв, 1974.
7. Перевод Д. Самойлова цит. по: М. Эминеску, Лирика. Перевод с румынского, Изд-во „Художественная литература”, Москва, 1968. Небезынтересно отметить, что у других русских переводчиков Лучафэра (Ю. Кожевникова, И. Миримского, А. Бродского) этот шопенгауэров образ бесконечно следующих одна за другой волн не сохранён. В подлиннике: „Ei numai doar durează-n vânt/Deşerte idealuri/Când valuri află un mormânt/Răsar în urmă valuri”. Стихи в подлиннике даются по изданию: М. Eminescu, Poezii. В двух томах, Ed. Minerva, Bucureşti, 1977.
8. Стихи Лучафэра в переводе А. Бродского даются по: „Румынская

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

литература”, 1984, №1, с. 58 – 69.

9. Ф. Сологуб, Тяжёлые сны. Роман. Рассказы, Ленинград, 1990, с. 37.

10. З. Н. Гиппиус (Мережковская), Зеркала. Вторая книга рассказов, СПб., 1898, с. 59.

11. Вл. Соловьёв, Сочинения в двух томах, том 2, Изд-во „Мысль”, Москва, 1988, с. 119.

12. Вл. Соловьёв, Спор о справедливости, Изд-во „Эксмо–Пресс”, Москва, Изд-во „Форма”, Харьков, 1999, с. 390.

13. В нашей книге на русском языке Философско–эстетическая мысль и русская литература (Изд-во Бухарестского университета, 1995) мы частично остановились на вопросе о влиянии психологической прозы Достоевского на русских символистов.

14. Тудор Виану, Волнующая песнь, в „Румынская литература”, 1984, №1, с. 76.

15. A. Petrescu, Eminescu – metamorfozele creației, București, 1985, с. 173.

16. O. Densușianu, Opere. III, București, 1977, с. 520.

17. K. E. Gilbert, H. Kuhn, цит. работа, с. 445.

18. М. Эминеску, Стихи. Перевод с румынского, Госиздат „Художественная литература”, Москва, 1958.

19. Дж. Кэлинеску, Чудо, в „Румынская литература”, 1984, №1, с. 81.

20. Д. С. Мережковский, Христос и Антихрист, трилогия, т. 3, ч. 2, Воскресшие боги (Леонардо да Винчи), Москва, 1990, с. 191, 276.

21. Mircea Eliade, Mefistofel și androginul. Traducere de Alexandra Cunișă, Ed. Humanitas, București, 1995, с. 101.

22. Д. Мережковский, Избранное. Роман, стихотворения, эссе, исследования, „Литература артистикэ”, Кишинёв, 1989, с. 486.

23. В. С. Соловьёв, Философия искусства и литературная критика, Москва, 1991, с. 276.

24. K. E. Gilbert, H. Kuhn, цит. работа, с. 403.

25. Там же, с. 311.

26. A. Petrescu, цит. работа, с. 187, 196.

27. В. С. Соловьёв, Сочинения в двух томах, 2-е изд., том 2, Изд-во „Мысль”, Москва, 1990, с. 355, 356.

28. Emil Cioran, Pe culmile disperării, Ed. Humanitas, București, 1993, с. 50.

29. D. Saracostea, Creativitatea eminesciană, București, 1943, с. 221 – 222. В нашей работе Восприятие творчества М. Эминеску в русской культуре (*Romanoslavica*, XXX, 1992, с. 71 – 105) мы остановились, в частности, и на трудностях передачи в русских переводах Лучафэра картины космогонии у М. Эминеску, поданной с позиции бесстрастного наблюдателя (см. с. 92 – 93).

**Русская драматургия
на сцене Крайовского национального театра**

Адриана Улиу (Adriana Uliu)

В июне 2000 года Крайовский национальный театр праздновал свой полуторавековой юбилей. Для нашего города это было настоящее событие, которое порадовало всех театралов и не только них.

Крайовский национальный театр за последнее десятилетие стал известнейшим в стране благодаря исключительным постановкам знаменитых режиссёров Сильвиу Пуркэре, Мирчи Корништяну, Влада Мугура и замечательной игре его актёров.

Труппа театра была с 1990 по 1999 год на гастролях и участвовала в театральных фестивалях в 32 странах (Республике Молдове, Великобритании, Германии, Италии, Японии, Израиле, Канаде, Голландии, Австрии, Австралии, Турции, Бельгии, Бразилии, Португалии, Франции, Югославии, Сингапуре, Люксембурге, Египте, Дании, Испании, Греции, Норвегии, Ирландии, Македонии, США, Венгрии, Швеции, Словении, Эстонии, Польше, Южной Корее; в некоторых из этих стран по несколько раз).

Актёры, режиссёры и постановки Крайовского театра были удостоены многочисленных международных и румынских театральных премий, которые увенчали мастерство игры, оригинальность и новизну спектаклей.

В этом контексте нам хотелось бы проследить, какое место заняла в репертуаре Крайовского национального театра русская драматургия.

До 29 июня 1850 года, когда началась новая жизнь театра как профессионального учреждения, в Крайове шли в основном спектакли зарубежных трупп, в большинстве французских и немецких, иногда и английских. Интерес к театральным спектаклям на румынском языке возрастает по всей стране, и в Крайове всё чаще стали гастролировать уже румынские труппы. Интерес к румынскому театру, а также к румынским оригинальным пьесам и инсценировкам связан с повышением патриотических настроений накануне и во время революционных событий 1848 года. Национальная драматургия набирает всё больше сил, и к концу XIX века пьесы Иона Луки Караджале (1852-1912) блестяще завершают длительный и сложный процесс становления румынской драматургии.

Наряду с отечественными пьесами на сценах румынских театров ставились и зарубежные драматические произведения, более или менее правильно переведённые, или в многочисленных переложениях, подражаниях и адаптациях.

Так случилось и в Крайовском театре. Судя по библиографическим материалам, которыми мы располагали, на крайовской сцене в сезоне 1869/1870 впервые была поставлена русская пьеса, а именно Ревизор. Пьеса

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

шла под названием Генеральный ревизор и была на самом деле не переводом, а переложением Петре Локустяну сюжета гоголевской комедии. Через несколько лет, в сезон 1874/1875 вновь идёт спектакль Генеральный ревизор в переложении, подписанном Петре Грэдиштяну, на основе французского перевода Проспера Мериме. И на этот раз пьеса оказалась далека от оригинала, в том смысле, что она „локализована на румынской почве”.

Крайовский спектакль ставится почти одновременно с бухарестской постановкой 1874 года. Но фактическое знакомство румынской публики, в том числе и крайовской, с пьесами русских авторов состоялось только в начале XX века.

Конечно, в конце XIX века ставились и шедевры мировой драматургии, как, например, пьесы Мольера или Шекспира, но в основном преобладали пьесы развлекательного характера. В репертуар румынских театральных трупп и компаний долгое время входили многочисленные пьесы французской школы комедии (Сарду, Лабиша, Скриба), а также французской или немецкой романтической драмы. В то же время на театральных сценах, кроме драматических представлений, часто шли спектакли оперы и оперетты.

В июне 1911 года, когда Крайовскому театру исполнился 61 год, директором был назначен писатель Эмиль Гырляну (1878-1914), а заведующим литературной частью – молодой писатель, в будущем известный романист, Ливиу Ребряну (1885-1944). „Новая эра”, открытая „дуэтом” директора и заведующего, ознаменовала и новую политику в области иностранного репертуара, что коснулось выбора пьес и качества их переводов¹. В сезон 1913/1914 наряду с постановками румынских пьес и пьес из мирового репертуара (Тракиршица К. Гольдони, Гамлет У. Шекспира или Электра Софокла) был поставлен и спектакль На дне Максима Горького.

Это было первое настоящее знакомство крайовских театралов с русской пьесой. Интересным кажется тот факт, что был избран современный автор, довольно известный в Румынии и как прозаик (переводы рассказов М. Горького появляются на страницах румынских журналов с 1901 года; в первом десятилетии века были напечатаны в отдельных изданиях или в журналах – На дне – 4 раза (два раза в 1904 году, в 1907 году и в 1909 году), Мещане – в 1906 году. В крайовском журнале „Рамурь” („Ramurii”) появился в 1908-1909 году перевод горьковского рассказа Однажды осенью², так что имя русского автора было знакомо читателям местного журнала, которые могли быть и читателями других румынских журналов и книг с переводами пьес и рассказов М. Горького.

Обращение театра к пьесе М. Горького связано, наверное, с тем, что в начале XX века о ней уже знали в Румынии. В 1904 году драма была впервые в Румынии поставлена Ясским национальным театром, через два года после премьеры в МХТе. Интерес к пьесе Горького в Румынии объясняется и широким европейским признанием постановки Макса Рейнхардта в 1903 г. в Берлинском театре. В Румынии На дне ставили

многократно: Бухарестский национальный театр в 1915 и 1931 гг., вновь Ясский театр в 1916, 1921 и 1931 годах, Клужский национальный театр в 1922 и 1932 гг. В 1935 году пьесу играет и любительская труппа рабочих в Бухаресте. Две частные театральные компании поставили её в столице страны в 1938 и 1939 годах. Практически, „На дне была единственная пьеса Горького, которая стала достоянием румынской сцены до 1944 года”³.

В поисках обновления репертуара, к горьковской пьесе обращается в 1913 году и Крайовский национальный театр, который поставит ещё два раза драму Горького – в сезоне 1924/1925 и в сезоне 1927/1928, выбирая свой репертуар подобно всем румынским театрам того времени.

В этом же сезоне (1913-1914) крайовская публика впервые встретила и с драматургией А.П.Чехова. Первой постановкой Чехова в Крайове была пьеса Юбилей, переведённая на румынский язык Aniversarea. Об этом спектакле нам не удалось найти отзывов ни в местной печати, ни в архиве театра. К сожалению, Крайовский национальный театр горел три раза, в результате чего сохранилось весьма небольшое количество документов об его истории. Но если информация об этом спектакле правильна⁴, это значит, что в Крайове состоялась одна из первых постановок Чехова в Румынии.

Как это не странно, но Чехова играли довольно мало в Крайове. До второй мировой войны лишь два раза имя Чехова появилось на афишах. В 1922/1923 показывали пьесу Вишнёвый сад, а в сезоне 1929/1930 был поставлен водевиль Предложение в рамках литературных вечеров (Şezători literare), которые включали доклады на разные литературные темы (был, например, доклад о писателе Д. Мережковском) и небольшие театральные представления. В отличие от театров столицы или других больших городов (Ясс, Клужа) внимание крайовских режиссёров и художественных руководителей чеховская драматургия не привлекала. Весьма печальный факт...

В период 1914-1922 годов на сцене крайовского театра не была сыграна ни одна русская пьеса. Но следующее десятилетие (1922-1932) означало для крайовской сцены настоящее „открытое окно” в мировую драматургию: Шекспир и Стриндберг, Шиллер и Мольер, Т. Бернар и Судерманн, Гауптман и Пиранделло, Шоу и Бомарше, Пшибышевский и Ибсен, вот несколько авторов, чьи драматические произведения стали достоянием крайовской публики. В эту прекрасную компанию входят и русские авторы, классики и современники: Лев Толстой, Н. Гоголь, Ф. Достоевский (инсценировки по романам Преступление и наказание и Идиот), А. Чехов, М. Горький, Л. Андреев, М. Арцыбашев, Н. Евреинов, О. Дымов.

В хронологическом порядке, первыми постановками русских пьес в указанном десятилетии были Власть тьмы Л. Толстого и Вишнёвый сад А. Чехова из классического репертуара, и пьеса Нью современного русского автора эмигранта Осипа Дымова (сезон 1922/1923).

Имя Толстого-драматурга известно румынской публике ещё с 1904 года, когда Ясский национальный театр поставил Власть тьмы. До 20-х годов на сценах ясских и бухарестских театров часто идут спектакли с

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

инсценировками романов и повестей Толстого – Анна Каренина, Воскресение, Крейцера соната. Начиная с 1921 года, когда гастролирует с пьесой Живой труп немецкий актёр Александер Моисси и его спектакли воодушевляют публику, румынские театры всё чаще обращаются к драматургии Толстого. Этому способствовали также и гастролы французской труппы Pitoëff (1926) и еврейского театра из Вильно, которые представили Власть тьмы и Живой труп.

В театральном сезоне 1925/1926 на крайовской сцене возобновляются спектакли по пьесе Л. Толстого Власть тьмы. Новая постановка и игра актёров были высоко оценены как публикой, так и театральными критиками.

Текст драмы в исполнении крайовских актёров прозвёл большое впечатление на зрителей, глубоко взволнованных нравственной проблематикой толстовского произведения. К сожалению, Крайовский национальный театр больше не будет обращаться ни к драматургии Толстого, ни к инсценировкам по его великим романам, хотя они часто шли на сценах других румынских театров.

В сезоне 1922/1923 была представлена крайовским зрителям и пьеса Ню Осипа Дымова (1878-1959). Именно в 1922 году эту пьесу поставил в Бухаресте в исполнении актёров Компании Буландра немецкий режиссёр, ученик Райнхардта, Карлхайнц Мартин. Спектакль прошёл с большим успехом. Почти одновременно обратился к этой пьесе и Крайовский театр. Спектакль удался благодаря современной постановке молодого и талантливого режиссёра Виктора Бумбешть и прекрасной декорации, созданной художником Жаном Негулеску (в дальнейшем известным режиссёром в Голливуде). Публике понравились и трогательный сюжет пьесы, и стилизованная постановка, создающая атмосферу романтической драмы, „трагедии каждого дня”, как назвал свою пьесу автор.

В репертуар Крайовского национального театра вновь входит Ревизор, уже в хорошем переводе с русского языка, и после выдающегося спектакля 1909 года режиссёра Петре Густы в Бухарестском национальном театре.

Первая постановка была в 1923 году, а вторая, через пять лет, в 1928 году. Режиссёр Виктор Бумбешть тонко уловил смысл гоголевской пьесы и, чувствуя как бы недоумение публики, склонной видеть в Ревизоре простую сатиру, объяснил своё понимание комедии: „Следуя намерению Гоголя, я интерпретировал его произведение в духе карикатуры и суггерировал публике почувствовать за шуточным бурлеском боль (курсив мой А.У.), которую вложил автор в свою пьесу”⁵.

Может быть, зрителям не удалось вникнуть во всю сложность гоголевского шедевра и потому, что декорация была оформлена в „конструктивистском духе”, как называет её В. Бумбешть. Публика ещё не была готова к новизне режиссёрской концепции, которая оказалась, к счастью, образцовой для будущей постановки пьесы в 1952 году.

Между двумя постановками Ревизора на сцене Крайовского театра была представлена и комедия Гоголя Женитьба (в сезоне 1925/1926) в постановке того же Виктора Бумбешть.

Надо подчеркнуть, что период после окончания первой мировой войны и до 1930 года является „пиком” гоголевских спектаклей на румынской сцене. Ревизора играют несколько театров в Бухаресте, а в Яссах и в Клуже через каждые 2-3 года возобновляются постановки пьес Гоголя. То же самое можно сказать и о Женитьбе.

Ревизора играют даже в школьных спектаклях (в городе Пятра Нямц – 1921, в Крайове - 1923) и в городских театрах (Брэила - 1924)⁶. В эту „лавину” исполнений гоголевских комедий входит и Крайовский национальный театр, о спектакле которого в 1923 году пишут и в столичном театральном журнале „Rampa”.

По нашему приблизительному подсчёту между 1919 и 1930 годами пьесы Гоголя были поставлены в Румынии свыше 20 раз, включая и спектакли немецких, венгерских и еврейского театров, а также гастроли труппы из Вильно.

Интерес художественных руководителей Крайовского театра всё больше вызывает драматургия современных русских авторов. Конечно, по легко объяснимым причинам политического характера, это будут в основном писатели русской эмиграции, чьи имена и творчество были хорошо известны на Западе. Частые контакты представителей румынского театра с культурной жизнью Франции, Германии, Италии сделали имена Арцыбашева, Андреева или Евреинова знакомыми и румынской публике.

Но и достижения советского театра, особенно таких выдающихся режиссёров, как К. Станиславский, В. Мейерхольд, Е. Вахтангов или А. Таиров были известны румынским режиссёрам и театральным критикам, как, например, В.И. Попа, Соаре З. Соаре, А.М. Майкану, Камилу Петреску, Ливиу Ребряну.

Этому способствовали и гастроли МХАТа в Германии, Франции и США, которые продлились два года (1922-1924) и о которых, несомненно, знали и румынские театральные деятели. В число спектаклей, которые повёз МХАТ в Европу и Америку, входили На дне Горького, Дядя Ваня, Вишнёвый сад и Три сестры Чехова, что, безусловно, содействовало повышению интереса к русскому театру в межвоенное время в Румынии. Доказательством служит большое количество русских пьес и инсценировок произведений Л. Толстого и Ф. Достоевского, поставленных на румынской сцене (приблизительно 20 названий). Из советской драматургии в Румынии шла только пьеса Валентина Катаева Квадратура круга (1935, 1938) в Бухаресте и Яссах.

В то же время и репертуар гастрوليрующих зарубежных театров или актёров в Румынии⁷ содержал пьесы русских авторов, что, конечно, привлекло внимание режиссёров и художественных руководителей театров к русской драматургии.

В сезон 1926/1927 на сцене Крайовского национального театра шли с успехом Ревность М. Арцыбашева и Профессор Сторицын Л. Андреева, а через два года Тот, кто получает пощёчины Л. Андреева и Самое главное Н. Евреинова. Последняя пьеса была возобновлена в сезоне 1931/1932, а также

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

после 1944 года.

Представляя пьесу Тот, который получает пощёчины, директор театра Ал. Лэзяну отмечает её глубокий психологизм и называет её „театром отчаяния души и ума”⁸.

Вообще все румынские театры, ставившие андреевскую драматургию, обращались к психологическим драмам больше, чем к пьесам экспрессионистского, явно модернистского характера. Мысль, Анфиса, Екатерина Ивановна, Профессор Сторицын, Тот, кто получает пощёчины, Gaudeamus идут с успехом в румынских театрах, начиная с 1922 года. В этом контексте крайовская постановка Профессора Сторицына в сезоне 1926/1927 является одной из первых на румынской сцене (в Бухаресте пьесу будут играть в 1929, потом в 1939/1940 годах). Если наша информация является точной, то и крайовская постановка Того, кто получает пощёчины оказывается первой в Румынии; в Бухаресте и одновременно в Яссах драма Андреева была поставлена в 1929-1930 годах.

Имя Арцыбашева было известно румынским читателям с 20-х годов, когда появился перевод его нашумевшего романа Санин, а любителям театра – благодаря спектаклям труппы из Вильно, а также яским и бухарестским постановкам Ревности. Роман Санин вызвал и в румынской печати острую полемику о „порнографии” в литературе.

Имя Евреинова было также хорошо известно театральным деятелям и критикам, которые знали о его деятельности как писателя и режиссёра в Париже и до которых дошли переведённые на французский и английский языки его книги о театре. Так что обращение театров, в том числе и крайовского, к его пьесам вполне понятно. Нам не удалось найти отзывов об этих спектаклях, но судя по тому, что Самое главное шло в двух театральных сезонах, можно считать, что и в Крайове пьеса пользовалась успехом.

Заканчивая наш обзор о русском репертуаре Крайовского национального театра (детальное обсуждение проблем исполнительского и режиссёрского мастерства не является целью нашей работы), мы должны упомянуть и о двух инсценировках романов Ф.М. Достоевского Преступление и наказание (сезон 1927/1928) и Идиот (сезон 1931/1932). Первая принадлежит крайовскому актёру Тудору Кэлину, вторая – Аркадию Бакуле.

Инсценировка Т. Кэлина была избрана как лучшая, из сыгранных уже на других румынских сценах инсценировок французского автора Гастона Бати. В румынских театрах инсценировки романов Достоевского часто ставились и пользовались большим успехом, так как публика была знакома и с переводами „великих романов” на румынский язык, и с многочисленными статьями и очерками о творчестве писателя, напечатанными в литературных и общественных журналах. Инсценировка в 4-х действиях Идиота А. Бакули была впервые поставлена в Крайове, потом по ней ставились спектакли в Клуже и Бухаресте.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о том, что репертуарная политика Крайовского национального театра ориентировалась на выбор лучших пьес из мировой драматургии, как это происходило и в других

румынских театрах. Но с 1932 года русская драматургия исчезает из репертуара крайовского театра. Правда, с 1935 года по 1942 год Крайовский, Черновицкий и Кишинёвский национальные театры перестали получать субсидии от бюджета, практически прекратив своё существование. Драматическая ассоциация крайовских актёров, основанная в 1935 году, продолжала в очень тяжёлых условиях ставить театральные спектакли до 1942 года, когда театр был снова открыт.

Несколько итогов.

1. Настоящая жизнь русской драматургии на крайовской сцене началась с 10-х годов XX столетия.

2. До второй мировой войны художественные руководители театра и режиссёры выбирали самые известные драматические произведения русских классиков и современных драматургов, но тем не менее из лучших произведений Чехова сыграли лишь Вишнёвый сад. Некоторые русские пьесы были поставлены по три раза – На дне, или по два раза – Ревизор, Самое главное, в разных исполнениях и постановках.

3. Вопреки не всегда благоприятным политическим условиям (особенно после 1917 года) румынские театральные деятели в том числе и крайовские, культивировали подлинное искусство, признавая высокую художественную и нравственную ценность лучших русских драматических произведений.

Новый этап в истории Крайовского национального театра начинается после окончания войны и особенно после установления в 1948 году новой политической власти. Если до этого года в театральные сезоны 1944/1945, 1945/1946, 1947/1948 по конъюнктурным причинам в репертуар были внесены советские пьесы наряду с возобновлёнными спектаклями русских авторов из довоенного репертуара, то после 1948 года два сезона подряд (1948/1949 и 1949/1950) на сцене театра идут только советские пьесы, конечно, наряду с румынскими и зарубежными пьесами.

Первая русская пьеса, поставленная после войны, На дне (1944) открыла в довоенное время русский репертуар Крайовского театра.

В новой постановке режиссёр А. Кислиевич и художник Ш. Хаблински усилили гуманистическое звучание текста, в отличие от предыдущих постановок, ориентированных на „экзотику” персонажей и ситуаций.

В следующем сезоне (1945/1946) театр вновь ставит пьесу Н. Евреинова Самое главное (ещё не действует запрет на авторов-эмигрантов!) и чеховские одноактные пьесы, всегда пользующиеся успехом у публики.

Из советской драматургии были поставлены пьесы К. Симонова Русские люди и Русский вопрос, отвечающие императивам послевоенной политики, а также инсценировка романа Б. Горбатова Непокорённые и Чужой ребёнок В. Шкваркина (1944-1948 годы). Последняя пьеса была переведена в Крайове и поставил её советский режиссёр Е.В. Купченко из московского Театра Советской Армии, который должен был „указать” актёрам, как надо играть советскую пьесу. При всём старании актёров, что признал и сам

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

режиссёр, спектакль не был убедителен, ибо были слишком явны идеологизирующие штампы. То же самое можно сказать и о постановке Русского вопроса.

Дань эпохе проявляется всё сильнее: драмы или комедии, советские пьесы должны были доказать румынской публике высокую партийность советского человека, его героизм в революции и на войне, его моральное превосходство перед буржуазным миром. Пропагандистский характер пьес и низкая художественность некоторых драматических текстов не делали эти спектакли театральными событиями: Встреча на Эльбе братьев Тур и Г. Шейнина, Московский характер А. Софронова, Голос Америки Б. Лавренёва, Особняк в переулке братьев Тур, В степях Украины А. Корнейчука, День отдыха В. Катаева, Вас вызывает Таймыр Ал. Галича, Я родился вчера Т. Канина, Роковое наследство Г. Шейнина, Остров мира Е.В. Петрова¹⁰.

Постановка советских пьес становится обязательной на всех сценах румынских театров – от Национальных до городских и любительских ансамблей. Беглый обзор репертуара того времени показывает, что почти везде ставятся те же пьесы и те же авторы. Указания из центра исполняются безропотно...

С 1947 года по 1965 год не было в Крайове ни одного театрального сезона без постановок советских пьес. Среди них были более или менее удачные произведения, но идеологическая направленность портила их восприятие, вопреки хорошим постановкам и прекрасной игре артистов. Перечень этих пьес не нуждается в дальнейшем комметарии: Таня, Годы странствий, Иркутская история А. Арбузова, Опасный спутник, Стряпуха замужем А. Софронова, Персональное дело А. Штейна, Дали неоглядные А. Вирты, Молодая гвардия – инсценировка Н.П. Охлопкова романа Фадеева, Любовь Яровая К. Тренёва, Как поживаешь парень? В. Пановой, В добрый час! В. Розова, Свадьба с приданым Г. Дьяконова, Семья Аллана Г. Мухтарова, Платон Кречет и Калиновая роща А. Корнейчука, Не называя фамилий В. Минко, Красный цветок И. Карнаухова и И. Браусевича, Повесть о любви К. Симонова, Дальнее эхо С. Головановского, Девушка в веснушках А. Успенского¹¹.

Исключением является постановка тогда молодого, в последствии знаменитого на румынских и зарубежных сценах режиссёра Влада Мугура (1921-2001) Оптимистической трагедии В. Вишневского в 1959 году, которая была высоко оценена специалистами и публикой. Влад Мугур решил спектакль смело, ярко и интересно, художник Ж. Перахим оформил его пластически и оригинально, молодые актёры театра исполнили роли мастерски; обо всём этом восторженно писала местная и столичная критика, называя постановку шедевром и „театральным чудом”.

После 1965 года, когда политика Румынии частично выходит из-под сильного влияния Москвы, в репертуарах отечественных театров постановки советских пьес становятся реже, и возможны уже и театральные сезоны без единой советской или русской пьесы. Такое явление характеризует и творческую программу Крайовского национального театра.

Явно политические спектакли ещё встречаются: Между ливнями А. Штейна (1969/1970), Метель Л. Леонова (1975/1976). Но преобладают уже драматические произведения о современной жизни, посвящённые нравственной проблематике, личной жизни, любви, семейным отношениям: 104 страниц про любовь Э. Радзинского, Мой бедный Марат (1971/1972) и Жестокие игры (1978/1979) А. Арбузова, На скамейке А. Гельмана (1987/1988) или Святая святых Иона Друцэ (1984/1985). Зрители оценили спектакли Жестокие игры и На скамейке, поставленные в экспериментальной студии театра Т 94 актёром Ремусом Мэрджиняну в духе искренности, правдивости и душевной чуткости, столь нужные современному человеку, уставшему от назойливого „социалистического воспитания”.

К сожалению, интересные пьесы А. Вампилова, с успехом идущие на других румынских сценах, не вошли в репертуар Крайовского театра. Возвращается на крайовскую сцену и русская классика, о которой как будто забыли в потоке пьес о „передовом советском человеке и обществе”...

В сезоне 1950/1951 впервые вошла в репертуар Крайовского национального театра пьеса А.Н. Островского Волки и овцы. Ровно через десять лет (1960/1961) будет поставлен спектакль Лес, а ещё через десять лет (1972/1973) Без вины виноватые, ранее совсем отсутствующие на крайовской сцене. Надо сказать, что до войны вообще драматургия А.Н. Островского не часто ставилась на румынской сцене. Её настоящая жизнь в румынских театрах началась лишь после 1944 года.

В сезон 1951/1952 вновь был поставлен Ревизор Н.В. Гоголя, а через 22 года в сезон 1974/1975 Женитьба. Если эти два спектакля были решены в доброй традиции классического театра, то постановка Записок сумашедшего была новым и удачным экспериментом, первым моноспектаклем на крайовской сцене (сезон 1970/1971).

До войны и сразу после неё Крайовский театр играл из горьковской драматургии только На дне; с сезона 1955/1956, когда была поставлена Васса Железнова, начинается новое обращение к горьковскому театру. В 1961/1962 – премьеры Последних, а в 1967/1968 Егора Булычёва и других продолжают новое прочтение классики, что является убедительным показателем зрелости крайовской труппы и мастерства её режиссёров.

Но вершиной крайовской интерпретации драматургии М. Горького является новая постановка бухарестского режиссёра Дана Александреску пьесы На дне в 1979 году. Спектакль был создан в неожиданном сатирическом ракурсе и слова Сатина о Человеке звучали жутко, даже гротескно в атмосфере разлагающихся личностей, проживающих в ночлежке. Кажется парадоксально, но публика смеялась во время спектакля, понимая таким образом без труда замысел режиссёра и актёров. Советский режиссёр Александр Григорян (Ереванский русский театр им. К. Станиславского), который ставил в Крайове пьесу Кафедра В. Врублевской (1981), посмотрев этот спектакль, оценил его оригинальность и нонконформизм, новый стиливой ключ постановки.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Выше мы говорили, что пьесы А.П. Чехова как-то не „прижились” на крайовской сцене довоенного времени. Как это не странно, но ситуация повторилась и после 1944 года. После долгого отсутствия чеховская драматургия заинтересовала художественных руководителей театра лишь в сезон 1966/1967, когда была осуществлена постановка Пьесы без названия (Платонов), в которой драматическая напряжённость текста была раскрыта в тонком соотношении комического и трагического. До этого лишь раз, в 1953 году, к 50-летней годовщине со дня смерти А.П.Чехова юбилейный спектакль включил одноактные пьесы Предложение, Лебединую песню и О вреде табака.

Но действительным театральным событием стала премьера спектакля Дядя Ваня в 1989 году. Критика единогласно отметила „классичность” постановки, поэтичность прочтения чеховского текста, высокий класс актёрского исполнения и режиссёрской концепции (поставил пьесу известный режиссёр Мирча Корништяну). Спектакль как таковой, актёры и художник-декоратор были удостоены премиями UNITER, а гастроли в Бухаресте и Кишинёве (1990) прошли триумфально.

Крайовская постановка Дяди Вани доказала лишней раз, что классическая пьеса звучит современно, если в ней умело и чутко раскрывают то, что может волновать современных зрителей.

Стоит говорить и о том, что крайовская публика имела возможность смотреть русские и советские пьесы в исполнении двух знаменитых театральных коллективов Москвы и Ленинграда. В 1969 году гастролеровал в Крайове Академический Малый театр, который представил Бешеные деньги А.Н. Островского и Твой дядя Миша Г. Мидвани, а в 1973 году Ленинградский Большой драматический театр им. Максима Горького, возглавляемый знаменитым режиссёром Г.А. Товстоноговым, представил в рамках Декады советской культуры спектакли Мещане М. Горького и Третья вахта Г.К. Пролова. Крайовские заядлые театралы до сих пор вспоминают об этих незабываемых постановках русской драматической классики в лучших традициях русского театрального мастерства.

Третий этап в истории Крайовского национального театра начинается в 1990 году, когда, освобождённый от политического нажима и идеологических догм, театр вступил на новый путь, и свободно формирует свою творческую программу. В этой атмосфере настоящей „оттепели” не забыт и русский репертуар. В апреле 1990 года ставит инсценированный роман Ф.М. Достоевского Братья Карамазовы английский режиссёр Фаинья Уильямс (Faunia Williams) по тексту драматурга Ричарда Крейна (Richard Caine). Премьера состоялась в Бухаресте (sic!) и воодушевила зрителей, театральных деятелей и критиков.

В сезон 1996/1997 актёры Крайовского театра играли лирическую пьесу Алексея Арбузова Старомодная комедия. Публика оценила текст пьесы (правда, слегка адаптированный!), в котором трогательно сочетаются радостное настроение и светлая грусть.

Чехов возвращается на крайовскую сцену в декабре 1999 года, когда имеет место юбилейный спектакль с пьесами Медведь и Лебединая песня

в честь 75-летия актёра Василе Космы и 55-летия его театральной деятельности.

Пьесу Людмилы Разумовской Дорогая Елена Сергеевна... сыграли в 1999 году на сцене Крайовского национального театра студенты IV курса театрального факультета Крайовского университета на своём выпускном спектакле.

И совсем недавно, осенью 2001 года Крайовский театр поставил в шестой раз в своей истории Ревизора. Спектакль осуществил молодой режиссёр Клаудиу Гога, который, уходя от традиционных сценических решений комедии, создаёт свежую, современную и интересную постановку, соединяя в ней жизненную правду с театральной условностью и оформляя при том спектакль в совершенно гоголевском духе.

Нам хочется верить, что и в будущем Крайовский национальный театр сумеет поставить пьесы из русской драматургии, которые окажутся созвучными интересам людей XXI века.

Несколько итогов.

1.

После 1944 года, и особенно после 1948 года Крайовский национальный театр, как и все театры Румынии, был вынужден играть советскую драматургию, чаще всего пьесы с яркой идеологизирующей направленностью.

2.

Постепенно театр освобождается от „официального” репертуара и старается выбирать произведения советских авторов, в которых трафаретные конфликты заменены более правдивыми, а пропагандистские лозунги звучат слабее.

3.

Обращение к русской классике показало ещё раз, что смелый творческий подход к произведениям, которые вошли в культурный код человечества, делает их близкими и нужными современному зрителю.

Примечания

1. Alexandru Firescu, Constantin Gheorghiu, *Istoria Teatrului Național din Craiova*, Ed. Aius, Craiova, 2000, p. 96.

2. V. Vintilă, A. Uliu, E. Găleată, *Literatura rusă și sovietică în presa olteană (1888-1947)*, în *Contribuții la istoria mișcării culturale literare de la începuturi până astăzi*. Vol. II. Relații culturale ale Olteniei cu străinătatea, Reprografia Universității din Craiova, 1980, p. 98.

3. Tatiana Nicolescu, *Piesa Azilul de noapte pe scena românească (1904-1944)*, în *Romanoslavica*, VIII, București, 1963, p. 307.

4. *Istoria teatrului în România*, Ed. Academiei RSR, București, 1959, p. 38.

5. Victor D. Bumbești, *Revizorul de Gogol*, „*Curierul Olteniei*”, 1928, nr. 1493, p. 1.

6. Tatiana Nicolescu, *Opera lui Gogol în România*, ESPLA, București, 1959, pp.100-102 și urm.

7. Еврейский театр из Вильно гастролировал в Румынии несколько раз между

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

1923 и 1934 годами и представил из русского репертуара Живой труп, Тот, кто получает пощёчины, Мысль, На дне, Женидьба, Ню, Ревность и др. В 1927 г. Варшавский еврейский театр (WIKT) представил Рассказ о семи повешенных; в 1926 году парижский Théâtre des Arts (Georges et Ludmila Pitoëff) - Живой труп; немецкий актёр Александер Моисси играл в Бухаресте в пьесе Живой труп (1921, 1932), а Пауль Вегенер – в пьесе Мысль (1928.)

8. A. Fireșcu, C. Gheorghiu, op. cit., p. 152.

9. Peana Berlogea, *Dramaturgia lu Leonid Andreev și teatrul românesc*, „Secolul XX”, 1966, nr. 8, p. 99.

10. Нам не удалось установить названия оригиналов последних трёх пьес и мы дали русский перевод, соответствующий румынскому названию.

11. Для последних четырёх пьес см. Примечание 10.

12. A. Fireșcu, C. Gheorghiu, op. cit., pp. 323-325.

**Przegląd badań porównawczych
nad literaturami słowiańskimi w Rumunii***

Constantin Geambașu

Literatura porównawcza zarysowała się w Rumunii jako samodzielna dyscyplina w drugiej połowie XIX-go wieku, rozwinęła się zaś wraz z założeniem zakładu literatury porównawczej i powszechnej na Uniwersytecie w Bukareszcie oraz rozpoczęciem wydawania czasopisma *Studii de literatură universală*. Założycielem zakładu był T. Vianu, który swoimi studiami i badaniami wywarł duży wpływ na dalszy rozwój tego przedmiotu. W 1967 roku, kierownictwo zakładu przejął Al. Dima, który kontynuował zainicjowane przez swego poprzednika badania. Obie opublikowane przez niego książki (*Conceptul de literatură universală și comparată/ Przedmiot literatury powszechnej i porównawczej*, 1967, i *Principii de literatură comparată/Zasady literatury porównawczej*, 1969, 1972) są próbą dokładnego zarysowania zakresu przedmiotu oraz uściślenia przyszłych kierunków badań, na podstawie bogatej literatury powstałej na obszarze romańskim i niemieckim.

Początkowo badania nad literaturami słowiańskimi w Rumunii ograniczały się do literatury i kultury rosyjskiej. Dopiero po drugiej wojnie światowej, wraz z założeniem zakładu slawistyki w Bukareszcie, w 1949 roku, wyłonili się pierwsi specjaliści w zakresie pozostałych literatur słowiańskich. W innych ośrodkach uniwersyteckich (Iași, Cluj, Timișoara) funkcjonowały zakłady języka i literatury rosyjskiej, a pozostałe języki słowiańskie studiowano w ramach lektoratów.

Pierwsze badania porównawcze zostały zapoczątkowane przez pracowników zakładu rusycystyki i slawistyki. Jako wzór posłużyły rozprawy napisane przez T. Vianu, G. Călinescu, a nieco później, przez Al. Dimę, jak również i prace napisane w języku francuskim (zob. Paul van Tighem lub P. Bachelard) lub niemieckim (szczególnie opracowania dotyczące literackiej stylistyki porównawczej).

Wychodząc z założeń pracy Al. Dimy (*Principii de literatură comparată*), w której wyodrębniono rygorystycznie konkretne kierunki i zagadnienia właściwe dla komparatystyki, profesor Ion C. Chițimia, znany polonista i specjalista w dziedzinie literatury starorumuńskiej i folklorystyki, opublikował pierwsze swoje studia porównawcze. Szczególną wagę przywiązywał do twórczości A. Mickiewicza, analizowanej na tle romantyzmu europejskiego. Po raz pierwszy I.C. Chițimia zwrócił uwagę na wpływ ballad mickiewiczowskich na rumuńskiego pisarza Gheorghe Asachi, w rozprawie opublikowanej w czasopiśmie „Romanoslavica”¹. Wersja rumuńska zachowała zasadnicze wątki oryginału polskiego, wprowadzając jednak realia mołdawskie. Miała ona raczej charakter przeróbki literackiej, dlatego też – tak, jak to często się wydarzało w epoce romantyzmu – G. Asachi nie podał źródła natchnienia. Właśnie metoda

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

porównawcza pozwoliła rumuńskiemu slawiście na ujawnienie podobieństw między tekstem polskim a rumuńskim oraz na wyszczególnienie elementów dodanych przez poetę rumuńskiego. W oparciu na zestawienie *Ksiąg narodu i pielgrzymstwa polskiego* A. Mickiewicza i *Opiewania Rumunii (Cântarea României)*, I.C. Chițimia doszedł do wniosku, iż prawdziwym autorem tekstu rumuńskiego nie był Al. Russo, lecz historyk Mikołaj Bălcescu. Jako zasadnicze argumenty podał duch mesjanistyczny obu utworów, narzucający podobną strukturę, jaką tylko M. Bălcescu mógł przyswoić tak gruntownie, jako że był bliskim współpracownikiem Mickiewicza w redakcji „Trybuny Ludów” oraz dobrym znawcą jego tekstów, które czytał po francusku². We wszystkich swoich badaniach slawista I.C. Chițimia stosował metodę porównawczą, uwzględniając wątki, tematy, struktury, wpływy, analogie oraz paralele w konkretnych utworach lub w ramach określonych prądów i okresów literackich (zob., na przykład, *Probleme de bază ale literaturii române vechi/ Podstawowe problemy literatury starorumuńskiej*)³. Warto zwrócić uwagę także na przeprowadzoną paralelę pomiędzy wierszem neoromantyka St. Wyspiańskiego, *Nikt nad grobem mi nie płacze*, a *Mai am un singur dor/Ostatnia moja prośba* Michała Eminescu. Jest to konkretny przykład analizy porównawczej, ujawniającej podobny sposób myślenia artystycznego oraz obrazowości w duchu późniejszego romantyzmu. Skrypt *Historia literatury polskiej (XII-XVIII)* obejmuje, obok informacji szczegółowych, ważnych ze względów dydaktycznych, interpretacje oparte częstokroć o szeroki kontekst kulturowo-literacki. Dokonuje tego poprzez nawiązanie do utworów literatury rumuńskiej lub europejskiej. Otwartość profesora I. C. Chițimii na literaturę porównawczą przejawiała się w jego działalności jako promotora, a jego doktoranci wybierali jako temat rozpraw doktorskich zagadnienia dotyczące recepcji literatury w szerokim znaczeniu tego słowa.

W latach 70-tych, daje się zauważyć wyraźną tendencję do badań nad recepcją poszczególnych literatur słowiańskich w różnych okresach historycznych. Obroniono ponad 10 rozpraw doktorskich na ten temat, większość została opublikowana w postaci skryptów uniwersyteckich lub w innych wydawnictwach jako monografie. Rozprawy te dotyczyły szczególnie kontaktów literackich i kulturowych między daną literaturą słowiańską a literaturą rumuńską, na szerokim tle historyczno-kulturowym, w oparciu o badania przeprowadzone w archiwach oraz o periodyki (zob., na przykład, Al. Toader, *Relații literare româno-cehe în secolul al XIX-lea/Stosunki literackie rumuńsko-czeskie w XIX-ym*; I. Petrică, *Confluente culturale româno-polone în a doua jumătate a secolului al XIX-lea /Związki kulturalne rumuńsko-polskie w drugiej połowie XIX-go wieku*; V. Jeglinski, *Relații literare și culturale româno-polone în prima jumătate a secolului al XX-lea/Związki literackie i kulturalne w pierwszej połowie XX-go wieku*; Magdalena Laszlo-Kuściuk, *Relațiile româno-ucrainene în secolul al XIX-lea și la începutul secolului al XX-lea/Kontakty rumuńsko-ukraińskie w XIX-ym wieku i na początku XX-go wieku*; Laura Baz-Fotiade, *Relațiile româno-bulgare în secolul al XIX-lea/Stosunki rumuńsko-bułgarskie w XIX-ym wieku*).

Autorzy tych prac zajmowali się oceną przekładów lub szkiców krytycznych, opublikowanych na łamach czasopism literackich oraz w oddzielnych tomach, motywami, tematami, paralelami i strukturami typologicznymi, wymienionymi w monografii Al. Dimy⁴, służącej jako tematyczny indeks komparatystyczny. Szczególne miejsce zajmuje tu książka polonisty Iona Petrică, zwłaszcza druga część poświęcona wspólnym wątkom występującym w literaturze polskiej i rumuńskiej, dotyczącym takich postaci i wydarzeń jak: Sobieski, Kirdźali, Księżniczka Ruxandra, Despot Voda, Lasy Koźmińskie. Skuteczne posługiwanie się metodą porównawczą zaowocowało w wyodrębnieniu różnych chwytów narracyjnych, użytych w zależności od poglądów ideologicznych pisarzy polskich lub rumuńskich. Zalicza się do tej kategorii także rozprawa doktorska Marii Vârcioroveanu, poświęcona typologii powieści historycznej na podstawie paraleli przeprowadzonej między twórczością H. Sienkiewicza i M. Sadoveanu; autorka analizuje określone struktury narracyjne, chyty i środki obrazowania w celu określenia wyznaczników samego gatunku literackiego, jak również specyfiki pisarstwa obu powieściopisarzy. W dużym stopniu przyczyniły się do rozszerzenia tego typu studiów badania polonisty Stana Veli, który przez długi czas, oprócz badań nad historią literatury polskiej, interesował się najrozmaitszymi zagadnieniami recepcji i komparatystyki. Niedawno opublikowany tom *Literatura polonă în România. Receptarea unei mari literaturi/Literatura polska w Rumunii. Recepția wielkiej literatury*⁵ zawiera wiele informacji i interpretacji krytycznych na temat jakości przekładów i wartości szkiców krytycznych o literaturze polskiej w Rumunii i rumuńskiej w Polsce. Na szczególną uwagę zasługują studia porównawcze *Mihail Sadoveanu i Henryk Sienkiewicz, Reymont i Rebreanu, Reymont i Sadoveanu*, które, oprócz tego, że mają dużą wartość merytoryczną, zachęcają do uprawiania komparatystyki, pozwalającej na ujawnienie podobnych mechanizmów stosowanych w interpretacji świata (rola krajobrazu, funkcje opisu przyrody, struktury mentalnościowe czy obyczajowe itd.)⁶ W ostatnich latach, kierunek ten jest kontynuowany przez autora niniejszego referatu, który zajmuje się powinowactwami pisarzy należących do różnych stref i okresów kulturalnych (zob., na przykład, studia zawarte w tomie *Ipostaze ale intelectualului în opera Mariei Dąbrowska și a lui G. Călinescu/Postać inteligenta w dziele Marii Dąbrowskiej i G. Călinescu; „Patul lui Procust” de Camil Petrescu și „Antihrist” de E. Stanev/ „Prokustowe łożo” Camila Petrescu i „Antychryst” E. Stanewa*)⁷, polegającymi na podobieństwie poglądów dotyczących odbioru i konstrukcji świata artystycznego. Dużym zainteresowaniem nie tylko wśród specjalistów rumuńskich, lecz także słowiańskich, przeważnie ukraińskich, cieszyły się studia porównawcze Magdaleny Laszlo-Kuściuk (zob. «*Kateryna*» *Șevcenko și «Eda» de Baratynski/ „Kateryna” Szewczenki i „Eda” Baratynskiego; Poemul «Moisei» de I. Franko și poemul dramatic «Moise» de Madach Iura/Poemat “Moisei” I. Franki i poemat dramaticzny “Moise” Madacha Iury; I. Franko i E. Zola; Lesia Ukrainka i G. Hauptmann*)⁸; studia te zawierają liczne oryginalne interpretacje, często odbiegające od poglądów występujących w krytyce ukraińskiej. Perspektywa

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

komparatystyczna, przejawiająca się w następujących książkach (m.in. *Exotica limitrcfă/Egzotyka pograniczna*, 1977), doprowadziła do ujawnienia literackich koneksji rumuńsko/ukraińskich, ale przede wszystkim do umieszczenia literatury ukraińskiej w szerszym europejskim i światowym kontekście.

Nie tylko proza była przedmiotem badań porównawczych. W 1965 roku, Olga Zaicik opublikowała monografię *Pasiunea romantică/Pasja romantyczna*, w której, stosując instrumenty właściwe komparatyście, zarysowuje istotne wyznaczniki twórczości poetyckiej A. Mickiewicza i J. Słowackiego i omawia różnorakie składniki romantycznej poetyki europejskiej. Znaczący wkład do dziedziny komparatystyki slawistycznej wniosła rozprawa doktorska ukrainisty Steliana Grui (*T. Șevcenco – poet romantic/T. Szwczenko – poeta romantyczny*), mająca na celu uściślenie wyznaczników ideologii romantycznej poety oraz jego fundamentalnej roli w rozwoju ukraińskiej świadomości narodowej⁹. Warto tu wymienić dokonaną przez bohemistę Cornela Barboricã paralelę *I. Krasko - M. Eminescu*, nawiązującą do właściwości środkowo- i południowo-wschodnio-europejskiego romantyzmu. Zresztą ocena zjawisk literackich dokonuje się często na podstawie odwołania się do wielu utworów, a to ułatwia sformułowanie sądów wartościujących i rozszerza możliwości recepcji. Autor nie ogranicza się tylko do paraleli lub powinowactw, ale, w duchu sugestii komparatystów europejskich, interesuje się analizą konkretnych gatunków lub rodzajów literackich (zob. m.in. *Metamorfozele formelor epice în versuri/Metamorfozy wierszowanych form epickich; Corespondențe în universul poeziei slave simboliste/Zbieżności w świecie słowiańskiej poezji symbolizmu*)¹⁰. Warto podkreślić fakt, iż tego rodzaju badania i refleksje stanowiły podstawę wykładu z literatur słowiańskich, jaki profesor C. Barboricã prowadził ponad dziesięć lat na slawistyce w Bukareszcie. Stąd wynikało jego szersze zainteresowanie pozostałymi literaturami słowiańskimi. Zgodnie z tendencją wykazywaną przez slawistów europejskich, dążył do syntezy ogarniającej całą wspólnotę słowiańską, to jednak można było osiągnąć tylko częściowo ze względu na obszerność samych tekstów literackich, jak również materiałów krytycznych¹¹.

W ramach badań komparatystycznych ważne miejsce zajmują opracowania o charakterze monograficznym, poświęcone poszczególnym pisarzom słowiańskim. Choć ich liczba jest nadal ograniczona (zob. m.in. S. Velea, *Reymont; idem, Mickiewicz; idem Sienkiewicz*; C. Barboricã, *Capek*; S. Gruia, *T. Șevcenco*; C. Geambașu, *Maria Dąbrowska*), to jednak są one przekonującym świadectwem posługiwania się warsztatem współczesnej komparatystyki. Jest to dziedzina domagająca się interpretacji tekstu literackiego w oparciu o krytykę istniejącą w danym kraju słowiańskim, o europejskie opracowania teoretyczne, jak również o nawiązania do krytyki i teorii porównawczej, opracowywanej w Rumunii. Stosowanie tego rodzaju zabiegów daje gwarancję urozmaicenia i rozszerzenia ujęć interpretacyjnych. Inspirowane w dużym stopniu monografiami czy rozprawami dotyczącymi wielkich literatur (angielskiej, francuskiej, niemieckiej, amerykańskiej), studia monograficzne slawistów rumuńskich skorzystały także z założeń teoretycznych szkoły rosyjskiej, czeskiej lub polskiej¹². Wyraźnym

impulsem do badań slawistycznych stały się przekłady prac formalistów rosyjskich, studiów R. Ingardena, V. Tomaszewskiego, J. Mukarżovskiego lub H. Markiewicza, umożliwiające przesunięcie uwagi na immanentne struktury tekstu oraz na jego wartości estetyczne. Pod tym względem jest wymowna monografia *Zasady poetyki* Magadelny Laszlo Kułiuk (1983), która świadczy o dobrej znajomości współczesnego instrumentarium komparatysty, co wyraźnie widać w strukturze książki (zob. rozdziały *wyznaczniki intertekstualności, architektonika powieści, gramatyka opowiadania*). Z kolei, wychodząc od klasyfikacji powieści rumuńskiej, zaproponowanej przez rumuńskiego krytyka N. Manolescu, piszący te słowa zbadał "doryckie" i "korynckie" struktury narracyjne u kilku prozaików polskich (zob. *Maria Dąbrowska – scriitoare dorică/Maria Dąbrowska / pisarka dorycka; Structuri narative în romanul Regele celor Două Sicilii de A. Kuśniewicz/ Struktury narracyjne w powieści "Król Obojga Sycylii" A. Kuśniewicza; Viziunea mitică în proza lui B. Schulz, S. Bănulescu și I. Radickov/ Wyobrażenia mityczne w prozie B. Schulza, S. Bănulescu i I. Radickova*)¹³. Ewolucja chwytów narracyjnych stanowiła przedmiot rozprawy doktorskiej Voislavy Stoianovici (*Romanul iugoslav contemporan/Współczesna powieść jugosłowiańska*); temat ten został podjęty także przez młodszego badacza Iona Deaconescu z Uniwersytetu w Craiowie na szerszym tle rumuńsko-europejskim.

Po 1989 roku przed komparatystyką literacką otworzyły się nowe horyzonty. Po zniesieniu cenzury i ułatwieniu wyjazdów do krajów słowiańskich, a w ostatnich latach i do krajów zachodnich, wzrósł dostęp do źródeł informacyjnych w archiwach, bibliotekach i księgarniach. Komparatyści zajmują się literaturą emigracyjną, podejmują tematy uważane do niedawna jako tabu: mity i stereotypy narodowe, tożsamość i obcość, tradycyjność i europejskość, swoi i obcy¹⁴. Nowy kontekst europejski sprzyjać będzie zapewne badaniom komparatystycznym, nabierającym głębszego i bogatszego kształtu i wizerunku na tle inter- i wielokulturowości.

* Niniejszy przegląd nie obejmuje prac komparatystyki dotyczącej literatury rosyjskiej.

1 I.C. Chițimia, *Adam Mickiewicz et l'écrivain roumain G. Asaki*, „Romanoslavica”, I, București, 1958; zob. też I. Petrică, *Confluente culturale româno-polone*, București, 1976, p. 150-156.

2 Zob. I. Chițimia, *A. Mickiewicz, N. Bălcescu*, „Vospievane Rumynii”, „Romanoslavica”, II, București, 1958, p. 133-146.

3 *Idem*, *Probleme de bază ale literaturii române vechi*, București, 1972; *idem*, *Literackie studii i szkice rumunistyczno-polonistyczne*, Varşovia, 1983.

4 Obszar badań w interpretacji Aleksandra Dimy obejmował tematy, gatunki i struktury tekstu, bezpośrednie kontakty między literaturami, wpływy i źródła, paralele i cechy odróżniające. Zob. także S. Velea, *Universaliști și comparatiști români contemporani*, București, 1996, p. 45-46.

5 București, 2001.

6 Zob. też S. Velea, *Interferențe literare polono-române*, București 1989.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

7 w: Maria Dąbrowska. *Proza interbelică*, București 1996; *idem*, *Ipostaze lirice și narative. Incursiuni în literaturile bulgară, polonă și română*, București 1999.

8Zob. Magdalena Laszlo-Kutiuk, *Velyka tradycija*, București 1979.

9Książka ukazała się w wersji ukraińskiej w wydawnictwie Kriterion, Bucuresti 1976.

10 Zob. C. Barborică, *Studii de literatură comparată*, București 1987.

11 *Ibidem*, p. 5-89.

12 Zob. bogatą serię studiów krytyki i teorii literackiej, wydawaną przez wydawnictwo Univers w Bukareszcie w ciągu ponad czterdziestu lat.

13 Zob. C. Geambașu, *Ipostaze lirice și narative*, București 1999.

14 Zob. m.in. D. H. Mazilu, *Noi și ceilalți. Fals tratat de imagologie*, București 1999; C. Geambașu, *Homo polonicus*, în *Scritori polonezi (secolul XX)*, București 2002.

**PERSONNAGES DÉMONIAQUES DANS LES CONTES
POPULAIRES ROUMAINS ET RUSSES**

Antoaneta Olteanu

La spécialisation joue, dans le folklore, un rôle de la plus grande importance et s'inscrit dans le rapport stéréotypie/originalité, qui reflète la marque d'une création populaire, son appartenance au fonds culturel oral. Tous les spécialistes ne s'accordent pas à reconnaître une spécialisation très stricte au sein des différentes catégories folkloriques. En parlant de la prose populaire, Smith Thompson notait qu'il était « impossible de fixer des universels de ce genre de création, car le groupement réel dans différentes zones (éloignées historiquement aussi) est différent (Thompson, 87) ; en effet, au même niveau de civilisation, on retrouve, par exemple, tant des *légendes* que des *contes*, si bien que le modèle d'évolution accepté de façon conventionnelle ne saurait plus être valable (mythe > légende ; mythe > conte, etc.). Chaque catégorie du folklore a ses propres modalités de réalisation, qui la différencient d'avec les autres, la tradition contribuant, là encore, à maintenir la spécificité de la création. Cette spécificité se reflète au niveau de la forme, chaque catégorie possédant certains moyens d'expression (vers, rime, mélodie, tropes, formules, etc.), et la thématique propre à chaque catégorie confirme à son tour la spécialisation, par l'utilisation prépondérante d'une fonction (ou d'un ensemble de fonctions) développée uniquement par la catégorie folklorique en question. Audelà des thèmes, des sujets, des moyens d'expression présents dans le fonds commun, chaque catégorie dispose d'un fonds propre de thèmes, sujets, etc., qui, en dernière instance, réalise la spécificité de cette catégorie.

Dans ce qui suit, nous nous arrêterons sur un seul aspect qui reflète cette spécialisation dans le cadre de la prose populaire, plus précisément sur les modalités d'expression du fantastique au niveau des personnages maléfiques. À l'exception de quelques catégories folkloriques (conte, légende historique, anecdote), le fantastique est amplement représenté dans la prose populaire, mais d'une façon différente. Là, nous avons en vue la relation folklore/réalité et son reflet dans les divers aspects de la création populaire, le fantastique pouvant être soit le résultat d'une activité artistique consciente (dans le *conte*), soit un élément appartenant à l'ensemble des croyances (dans les *légendes étiologiques*, dans les *recits superstitieux* et dans certains *contes de fées*). La présence de certains thèmes et personnages spécifiques d'une catégorie dans d'autres, souvent incompatibles, s'explique à travers la relation déjà mentionnée, mais envisagée d'un point de vue évolutif. L'affaiblissement de la croyance conduit à la démythisation des personnages, d'où, la présence de ceux-ci dans des contextes non spécifiques.

Pour ce qui est des personnages maléfiques, le conte développe une série spécifique : *dragons*, *zmei*, *sorcières*, *la Mère de la Forêt* (chez les Russes,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Babalaga), autant d'antipodes des héros, auxquels viennent s'ajouter les héros « négatifs » humains, antagonistes traditionnels des héros de conte). Le récit superstitieux (notre analyse portera uniquement sur ces deux catégories : le récit superstitieux et le conte) dispose d'une série de personnages, résultat direct des croyances, dont l'existence, l'origine, l'action, etc. sont expliquées *strictement* sous l'angle de la croyance à un surnaturel maléfique omniprésent, avec lequel entre en contact, volontairement ou non, un tout autre type de héros – le narrateur lui-même –, l'accent tombant cette fois-ci sur le *vraisemblable*, « support » de la croyance à ce surnaturel. L'affaiblissement de la croyance fait que les personnages maléfiques spécifiques du récit superstitieux (*génies domestiques, esprits de l'eau, de la forêt, de l'air, diables, sorcières*, etc.) passent en d'autres catégories. Le conte les reprend et les adapte à son spécifique – la présence des personnages en question s'explique par le prisme de la fiction poétique ; dans les récits, l'invraisemblable est le fruit d'un esprit « malade » (très souvent, surtout avec la perte des croyances, les rencontres avec ces personnages sont attribuées à des dévots, à des ivrognes, à des couards, etc.), ce qui rend possible d'esquisser une catégorie à part, qui traite ces « phénomènes », lesquels ne peuvent être inclus ni dans les contes (fruit, cependant, des croyances), ni dans la catégorie des récits superstitieux traditionnels (l'attitude des narrateurs — cette fois-ci, différents des héros — étant caractérisée par un total détachement par rapport aux événements relatés, sinon par l'incrédulité, voire par l'ironie).

Par conséquent, la présence des personnages mythologiques maléfiques dans les contes — catégorie folklorique non spécifique de réalisation de ces représentations — peut s'expliquer par :

- a) migration, contamination des personnages ;
- b) conversion des catégories folkloriques.

La migration des personnages d'une catégorie à l'autre a été remarquée depuis longtemps. V. I. Propp fonde sur ce processus son ouvrage capital, *La Morphologie du conte* (1928) : les personnages et les objets sont changeants, instables par rapport à leurs actions, ce qui fait que le comportement des personnages (et non leur existence comme tels) joue le rôle principal dans l'organisation du sujet (Propp, 25, 90).

Les personnages mythologiques apparaissent dans de nombreux contes, mais, le plus souvent, ils se présentent comme des variantes d'un même sujet (Kerbelite, 112) et ne développent pas des thèmes qui leur soient spécifiques (comme cela se passe dans les récits superstitieux). Il est difficile de dire quel est le type primitif de ces personnages (si c'est le récit à sujet mythologique qui a dégénéré en conte ou si c'est le conte qui a développé dans le récit certaines fonctions qui, à leur tour, ont donné naissance à des personnages spécifiques). Pour le moment, ce n'est pas l'évolution de ces personnages qui nous intéresse, mais leur situation dans les deux catégories de la prose populaire.

Nous aborderons cependant au passage cet aspect, car l'évolution est, dans ce cas, le passage d'une catégorie dans une autre — phénomène qui s'explique moins par l'opposition entre réel et fantastique, entre vraisemblable et invraisemblable, que par le fait que nous disposons, rappelons-le, d'un fonds folklorique commun, d'un ensemble de matériaux, de moyens et de schémas de composition dont parle

aussi bien le mythe (ou, dans ce cas, le récit superstitieux), que le conte (Veselovski), selon sa spécificité. Ce phénomène peut être interprété aussi en termes de diachronie, puisque les contes sont considérés comme le résultat d'une « simplification », parfois d'une complète « désémantisation » des mythes (Dumézil). Le passage d'une catégorie dans une autre se réalise aussi en sens inverse, par la transformation du récit en conte. Les récits superstitieux (mémorisés ou fabulés) peuvent se transformer en contes par la modification des procédés narratifs, des lois de composition, etc.

Les recherches sur la prose populaire mettent en évidence deux types principaux, chacun avec ses propres espèces. Dans le premier groupe, c'est la fonction esthétique qui prévaut ; le trait spécifique, c'est la présence de la fantaisie créatrice de nature poétique (contes, histoires, anecdotes, etc.). Dans le second type (légendes, récits, croyances superstitieuses) prévaut l'inclination pour le véridique, la nature factologique des événements évoqués ; cette fois-ci, la fonction cognitive l'emporte sur la fonction esthétique (Pomerantseva, 1975, 9).

Les récits mémorisés, caractérisés par l'orientation vers le vraisemblable, évoquent des rencontres avec des personnages fantastiques, le plus souvent maléfiques. Le but déclaré du récit est de transmettre ou de renforcer une croyance. À cet effet, le narrateur fait appel à son autorité personnelle, présentant les situations comme authentiques, vécues de lui ou d'une autre personne, connue et revêtue elle aussi d'autorité, auxquelles renvoie le récit. Les traits distinctifs des récits mémorisés sont : une action très simple, le plus souvent en un seul épisode (et non sous la forme d'une succession d'épisodes, comme cela se passe dans les récits fabulés et dans les contes), un dénouement tragique (toujours à la différence du conte). Même en l'absence de ces traits, cette catégorie se laisse identifier par la fonction des personnages, qui se réalise différemment dans le conte et dans le récit.

Quand les actions des personnages maléfiques présentés dans le récit mémorisé se compliquent, passant d'un épisode à un sujet complexe, nous avons affaire à un **récit fabulé**. La multitude des détails y montre l'effort du narrateur pour se rendre convaincant en éliminant toute possibilité d'erreur quant à l'identité du personnage en question (on procède à une addition des traits distinctifs repérés à l'occasion de plusieurs rencontres avec le surnaturel) ou à l'authenticité du vécu, de la rencontre évoquée et, surtout, de l'existence, vraisemblable ou non, du personnage. La fonction esthétique est très marquée. En se développant dans le sens d'une complication du sujet et d'une simplification des fonctions, les récits mémorisés peuvent se transformer en contes (Pomerantseva, 1985, 173183).

Le folklore roumain et russe ne se caractérisent pas par l'unité des personnages de conte, de légende, de récits superstitieux, etc., comme cela se passe chez d'autres peuples (Bulgares, Serbes, Croates, etc.), mais il est tout de même possible de rencontrer dans les contes roumains ou russes des personnages démoniaques.

Les personnages mythologiques maléfiques peuvent apparaître dans les contes de façon **explicite**, avec des noms spécifiques, sous lesquels ils figurent aussi dans les récits (*sorcières, revenants, la Mère de la Forêt, diables*, etc.). Ils

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

peuvent, d'autre part, accomplir des fonctions spécifiques (*envoûter, produire des maladies ou la mort*, etc.), mais ce phénomène n'est pas caractéristique de leur apparition dans le conte. Le plus souvent, le héros est directement nommé. C'est le cas des *esprits de la forêt, de l'eau, de la nature*, des morts malfaisants, des sorciers. Le motif mythologique peut être identifié même s'il n'est pas présent de façon explicite, par la reconnaissance des fonctions spécifiques qui se retrouvent dans les récits superstitieux ; on parlera donc d'apparition **implicite** (dans des contes comme *La Petite Bourse aux deux liards, Le Chat botté*, etc.), et nous essaierons de le démontrer cidessous.

Esprits protecteurs de la maison dans les contes

Motifs dans les contes :

1. Un serpent est surpris dans la maison alors qu'il était en train de boire du lait. Après qu'il lui a coupé la queue, l'homme subira une interminable série de malheurs (chez les Ukrainiens) ;

2. Un homme s'installe dans une maison visitée par un esprit sous la forme d'un serpent de feu. Le serpent tue la monture de l'homme ; l'homme se bat contre lui, mais se laisse tenter par l'or que jette l'esprit. Comme il ne respecte pas la promesse faite au serpent, celui-ci détruit sa famille (chez les Ukrainiens) ; on peut, dans le même sens, rappeler de nombreuses croyances mythologiques relatives au serpent, vu comme esprit de la maison.

3. Le frère pauvre sauve un oiseau, répare son nid ; en récompense, il reçoit (un à trois) grains miraculeux, à l'aide desquels il s'enrichit. Le frère riche soigne lui aussi l'oiseau, qu'il a délibérément blessé ; il en reçoit un grain qui lui apportera des malheurs — il sera pillé, sa maison brûlera, etc. (chez les Russes et les Ukrainiens).

La croyance selon laquelle l'**hirondelle** serait un esprit protecteur de la maison se rencontre souvent chez les Ukrainiens et les Russes. Si une hirondelle construit son nid sous l'auvent d'une maison, c'est bon signe pour les habitants (Markevitch, 112). Il existe une croyance contraire : chez les Russes de la Sibérie, on dit que, si l'hirondelle détruit son nid, c'est un présage de mort (Redford-Minionok, 225). Chez les Roumains on croit que les hirondelles sont des oiseaux purs et on dit que « *celui qui détruira un nid d'hirondelle, son avantbras se tordra et paralysera, et celui qui cherchera à la tuer, ou à tuer ses petits, perdra la voix* » (Brill, 261).

Selon une légende roumaine, « *Un vol d'hirondelles apparut devant la Mère de Dieu, sur un beau champ, et elles lui dirent que son fils allait ressusciter (...). Alors, la Mère de Dieu, un peu plus soulagée, leur dit :*

— *O hirondelles, soyez désormais les oiseaux les plus purs de la terre ; et vous porterez bonheur aux maisons où vous ferez vos nids. Et quiconque détruira vos nids sera maudit !* » (Brill, 304).

Chez les Anglais on dit que, si on tue une hirondelle, le lait des vaches sera mêlé de sang (Redford-Minionok, 224). On a même essayé de trouver une explication pour les attributs maléfiques de l'hirondelle. Une légende roumaine

raconte que la venue au monde de cet oiseau est le résultat du refus du soleil de se marier ; la jeune fille qui a passé toutes les épreuves requises a finalement été refusée. Le soleil a brisé le tamis qu'il lui avait fait apporter, et une hirondelle en est sortie : « *Pourquoi l'avoir envoyée me pousser au mariage, si moi, je n'aime pas les femmes ; j'ai donc essayé de lui faire trouver la mort ; mais, comme elle y a échappé, je l'ai laissée tranquille et, comme elle ne m'a pas écouté, j'ai brisé [le tamis] pour voir ce qu'il y avait dedans. Je ne regrette pas de l'avoir brisé. Ce que je regrette, c'est que l'oiseau qui en est sorti portera malheur aux gens.* »

L'hirondelle n'est pas pure ; son jabot est taché de sang. L'homme audessus duquel, le matin, sera passée une hirondelle, le sang lui jaillira du nez ou de la bouche ; si elle passe audessus d'une vache, le lait de la vache sera mêlé de sang » (Brill, 300), comme cela se passe pour la plupart des esprits de la maison.

Les légendes roumaine surprennent le lien de l'hirondelle avec le monde des morts (en sa qualité de personnification des esprits des ancêtres) : « *Quand on voit l'hirondelle voler comme une flèche au-dessus des eaux et toucher du bec leur surface, on dit qu'elle prend de l'eau pour la porter aux morts dans les cimetières* » (Brill, 261). Chez les Russes, on dit que, si une hirondelle entre par la fenêtre d'une maison, quelqu'un mourra dans cette maison (Grushko-Medvedev, 244).

Enfin, chez les Russes, l'hirondelle apparaît dans une autre pratique, relevant de la même fonction d'esprit protecteur de la maison. Quand il voit la première hirondelle, le maître de la maison ramasse un peu de terre sous ses propres pieds et y cherche des poils. Si le poil est noir, roux, etc., c'est la couleur du cheval qu'il devra acheter pour accomplir la volonté de l'esprit de la maison, sinon celui-ci le tourmentera (Gura, 1995, 243).

4. Le « Chat botté », l'animal reconnaissant, parfois esprit protecteur, enrichit de façon inattendue le héros (chez les Roumains, les Russes, les Italiens, les Français, les Allemands, les Macédoniens, les Bulgares, les Grecs, les Magyars).

5. Le chatconseiller sauve les jeunes filles de la captivité de la sorcière, en les remplaçant par les fils de celle-ci (chez les Biélorusses).

Le chat en sa qualité d'esprit protecteur est mentionné dans les croyances des Russes : souvent, le *domovoï*, esprit de la maison par excellence, se transforme lui-même en chat : « *Si, de nuit, un chat gris passe sur ta poitrine, c'est le domovoï. Tu lui demanderas tout de suite : — Est-ce bon signe ou mauvais signe ? et tu auras sa réponse* » (Grushko-Medvedev, 226).

La présence de ces animaux auprès de la maison signifie que l'habitation est placée sous la protection d'un esprit bénéfique (le plus souvent) : on dit que les chats ne peuvent pas vivre dans une maison où il n'y a pas de bonheur. Qui tuera un chat aura de gros malheurs (Gura, 1984, 133). Si un chat noir entre dans une maison, c'est un signe de bonne chance. Selon une autre croyance, la perte d'une chatte ou d'un chat attirera la mort de la maîtresse ou du maître de la maison (Semionov, 229). Même en Perse, celui qui torture un chat noir risque de torturer, en réalité, son propre *hemzad* (ange gardien ; Chevalier-Gheerbrant, III, 100).

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Les Russes affirment qu'on ne peut pas acheter un chat ; on peut tout au plus l'échanger contre quelque chose, d'habitude deux sous ou un œuf de poule. De même, afin que l'animal s'accommode dans son nouveau logis (c'est mauvais signe s'il quitte la maison), dès qu'on l'y amenait, on le mettait près du poêle. Ailleurs, le chaton était poussé le museau contre le portillon du four (Redford-Minionok, 207). On voit de ces pratiques que le chat appartient au monde des ancêtres, des esprits protecteurs du logis, par son « lien » avec le foyer. Pour montrer que le chat était étroitement lié à l'esprit de la maison, il était préférable que son poil fût de la même couleur que les cheveux du maître. Sinon, le *domovoï* risquait de chasser l'animal de la maison.

Le motif cidessus (4) se retrouve également dans d'autres croyances populaires liées à une variété d'esprits protecteurs de la maison. Chez les Russes, ces chats apparaissent, sous le nom de *korgorushi*, *kolovershi*, comme des aides du *domovoï*. Dans ce cas, ils amènent au maître de la maison des objets dérobés dans d'autres maisons (Meletinski, 291).

Ce « lutin » félin accomplit les mêmes fonctions dans les croyances d'autres peuples : chez les Votiaks (en Sibérie), le chat apporte des céréales volés dans les granges des voisins. On croit que, si on le tue, son maître périra aussi (Semionov, 229). Les Finlandais connaissent eux aussi ce personnage, qui apporte à son maître de l'argent, des céréales, du lait. Cette croyance existe aussi chez les Lapons.

Voici un argument supplémentaire en faveur du caractère démoniaque du chat ; chez les Tchèque, on croit que les chats, à l'âge de sept ans, se transforment en démons, et les chattes en sorcières (Afanasiev, 1869, 534). Les Allemands, eux, croient que les chats se transforment en sorcières à l'âge de vingt ans. D'ailleurs, presque tous les personnages démoniaques prennent la forme d'un chat, cet animal étant considéré comme un suppôt de Satan ou le diable en personne ; cette image apparaît souvent dans les rencontres nocturnes évoquées par les récits superstitieux.

6. La poule noire symbolise la bonne chance (chez les Roumains).

7. Des oiseaux (poule, cane) pondant des œufs d'or (chez les Roumains, les Albanais, les Serbes, les Russes, les Saxons de Transylvanie).

8. Le motif de « la petite bourse aux deux liards » :

a) Un vieux et une vieille rentrent du marché. En cours de route, ils trouvent un coq noir. Une fois chez eux, le coq, qu'ils ont mis sur le poêle, crache des tas de céréales et d'argent. Ne croyant pas aux miracles et craignant la tentation du démon, les vieux le noient dans la rivière. De retour, ils retrouvent au lieu de l'or, de la poix — chez les Russes et les Ukrainiens (Orlov, 496; Iashtchurzinski, 567).

b) La vieille demande au vieux de briser les pattes du coq. L'oiseau s'enfuit ; il rencontre des fauves qu'il avale. Pour avoir offensé le tsar, le coq est enfermé, avec d'autres oiseaux, dans l'étable, puis dans la grange, mais il s'en tire à chaque fois sain et sauf, après avoir tout avalé, y compris le trésor du tsar. Enfin, il rentre chez lui et donne au vieux tout ce qu'il avait avalé (chez les Russes, les Roumains).

c) Un coq apporte de l'argent au vieux ; la poule salit la maison de la vieille (chez les Russes, les Ukrainiens).

d) Le coq apporte au vieux l'or de la boutique du marchand. Poussée par l'envie, la vieille, après avoir troqué le coq contre une poule, le tue, mais elle ne trouve pas d'or dedans (chez les Russes).

e) Une poule pond chaque jour un œuf d'or ; pour en avoir plusieurs à la fois, son propriétaire la tue et l'ouvre, mais perd tout (chez les Russes).

f) Le coq et les meules de moulin : le coq vient chez le voleur et lui demande de rendre l'objet volé. On le jette dans un puits, d'où il boit toute l'eau ; on le jette dans le poêle, il éteint le feu ; le boyard ordonne que l'oiseaux soit tué et rôti ; il le mange, mais le coq sort du corps du boyard et se remet à chanter (chez les Russes, les Ukrainiens, les Biélorusses).

Universellement symbole solaire, « *le coq est un oiseau fidèle et merveilleux. Il est le seul être vivant qui voie la nuit où le ciel s'ouvre et il entend aussi les cloches dans les cieux. Quand il chante trois fois, pendant la nuit, il chasse les mauvais esprits, les zmeï, les revenants ; quand il chante au petit jour, il fait peur aux démons et aux démons, qui périssent* » (Radulescu-Codin, 310). D'ailleurs, « *la souillure n'approche pas une maison où il y a un coq* » (Muslea-Birlea, 289).

Les Russes croient que, en l'absence d'un coq, les autres animaux domestiques ne se porteront pas bien, le lait des vaches sera mauvais et fade. On dit à une femme qui vend un tel lait : « Gardez le maître à la maison ! » (Bushkevitch, 307). Il est préférable que ce coq soit noir. Les Slaves du sud disent, à ce propos : « à coq blanc, maître noir ». Les Slaves de l'ouest considèrent cependant qu'un coq blanc porte bonheur dans la famille. Les Russes et les Ukrainiens croient, à leur tour, qu'un coq noir porte malheur ; si une famille a un coq noir, il y aura des querelles entre ses membres. Les Russes disent aussi que la mort d'un coq est le signe d'un incendie imminent. On prétend aussi que, si le coq chante devant une fenêtre ou qu'il la touche de son aile, c'est un présage d'incendie.

Il existe de nombreuses représentations du caractère démoniaque du coq. Les Ukrainiens prétendent qu'il existe un coq, appelé *tsarik*, qui se met à chanter dès l'œuf. Quand il sera grand, il sera le plus fort et le plus courageux du pays. Il est le premier à chanter à minuit, et même les diables le craignent. Les Serbes appellent un tel coq un *zmeou*. À l'approche d'un nuage orageux, il se cache sous le pas de la porte ; il y laisse son corps, et son âme monte au ciel, pour se battre avec les *hale*, personnifications de l'orage.

Chez beaucoup de peuples, la plupart des esprits domestiques naissent d'œufs couvés par leur futur maître, qui les garde sous l'aisselle pendant plusieurs jours. L'être qui sort de l'œuf après la couvaison à la forme :

a) d'un poussin (tchec *plevnik*, hongr. *liderc* – Ionescu, 81; Meletinski, 3); ce lutin amène de l'argent, des céréales, mais se rend maître de l'esprit de son possesseur. Celui-ci ne peut s'en débarrasser qu'en lui faisant accomplir des tâches impossibles : apporter de l'eau dans un crible, de la lumière dans un sac, etc.

Les Slaves croient qu'un vieux coq peut se transformer en un être démoniaque.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

À l'âge de 3, 5, 7 ou 9 ans, le coq pondra un petit œuf. Une créature démoniaque en sortira (*chovanek, ognennyj zmeĭ*), sous la forme d'une traînée de feu, d'étincelles, d'un chat, d'un homuncule, d'un poussin (Bushkevitch, 308).

b) D'une traînée de feu qui vole dans la nuit ; il apporte de l'argent et des richesses dans la maison où il s'est fixé. On l'obtient par le même procédé. Il se retrouve chez les Polonais (*skrzat*), les Tchèques (*skritek*), les Slovaques (*skriatok*), les Slovènes (*skratec*) (Ionescu, 143-144). Chez les Lituanais, l'*aitvaras* se présente sous la forme d'une flamme, à différents reflets, selon ce qu'elle transporte (des céréales, de l'argent, du lait, etc.). Dans la maison, il apparaît d'habitude sous les traits d'un coq, mais aussi d'un serpent de feu, d'un corbeau ou d'un chat noir. Pour qu'il serve son maître, il faut le nourrir d'omelette. Sinon, il punira son propriétaire en mettant le feu à sa maison. Il est difficile de se débarrasser de lui (tué, il provoque des incendies). Il remplit aussi d'autres fonctions, spécifiques de tous les personnages mythologiques agissant à l'intérieur de l'habitation : il tresse les crinières des chevaux, provoque des cauchemars, etc. (Meletinski, 55). Assez voisins de l'*aitvaras* sont l'estonien *puuk* (*tont, kratt* cf. Funk & Wagnalls), le letton *puke* (Meletinski, 445). Il apparaît sous la forme d'un rapace (le plus souvent, d'un faucon) ou d'un serpent de feu chez les Tchèques, les Slovaques (*rarasek*), les Ukrainiens (*rarig*). Les Biélorusses prétendent, en plus, que c'est en de pareils serpents de feu — esprits domestiques — que se transforment les hommes morts sans avoir reçu l'extrême-onction. Les Russes le connaissent aussi (Tcherepanova, 48; Shein, 301-303).

c) Né de la même manière — par couvaion, pendant neuf jours, d'un œuf (pondu, le plus souvent, par une poule noire) acheté au marché ou reçu de la part du diable, ce personnage apparaît dans le folklore roumain sous les traits d'un diabolin ou d'un lutin. Son origine diabolique est soulignée encore une fois par l'idée que l'oiseau a pondu cet œuf à la suite d'une liaison avec le diable (Pamfile, 81; Orlov, 500). Chez les Roumains, il peut aussi apparaître sous la forme d'un coq (Muslea-Birlea, 290). On peut l'enfermer dans des récipients, dans des bouteilles, et l'en libérer seulement quand on a besoin de lui. Sa nature diabolique se reflète également dans ses actions : il sert son maître, mais reçoit en échange l'âme de quelqu'un ; parfois, « *si son possesseur est une femme, elle doit coucher avec lui et lui satisfaire d'autres plaisirs* » (*idem*), sinon il lui arrivera des malheurs.

Voici une description qui s'applique très bien au *kobold* des croyances allemandes : « *Celui qui a le diable chez lui, le garde au grenier ou dans une pièce à part ; il le nourrit de mamaliga et d'autres plats, mais c'est le lait qu'il aime le plus. Pourvu qu'il ne soit pas salé... Si on oublie de lui donner à manger, il ne fait rien de mal, sauf qu'il renverse toutes les casseroles et les écuelles sur l'étagère et ils les amasse au milieu de la maison, sans toutefois les casser* » (Niculita-Voronca, 466). Il apparaît avec les mêmes attributs et les mêmes origines chez les Russes et les Ukrainiens (Orlov, 500). Tout comme chez les Roumains, l'œuf devra être couvé avant Pâques ; à Pâques, ceux qui voulait l'obtenir, l'emmenaient à l'église. Au moment où le prêtre disait « Le Christ a

ressuscité ! », le « père adoptif » devait prononcer trois fois, à voix basse : « Le mien a ressuscité aussi ! ». Peu après, le lutin sortait de son œuf (Yavorsky, 105).

Cette étude est loin d'être exhaustive. Nous avons juste essayé de montrer certains aspects liés aux modalités de se représenter quelques types de personnages mythologiques maléfiques dans une catégorie de la prose populaire non spécifique de ceux-ci (le conte), tout en mettant en évidence, dans la mesure du possible, les transformations produites avec cette mutation.

L'énumération des sujets cidessus laisserait croire que ces types de personnages sont bien représentés dans les contes ; par rapport au volume des contes fantastiques, cette représentation est infime, mais le phénomène, dans son ensemble, ne saurait être ignoré. Nous avons envisagé seulement l'existence et le nom du personnage, de même que ses fonctions principales, spécifiques, sans insister sur d'autres aspects qui, sans nul doute, sont extrêmement importants pour la construction du personnage, du cadre de l'action et d'autres éléments spécifiques qui, tous, définissent l'appartenance à une certaine catégorie folklorique du personnage en question, avec sa spécificité déterminée par l'orientation vers le vraisemblable.

NOTES ET BIBLIOGRAPHIE

- Afanasiev, A. N., *Poeticeskie vozzrenija slavjan na prirodu*, vol. III, Moscou, 1869
 Afanasiev, A. N., *Russkie narodnye skazki*, vol. I-III, Moscou, 1957
 Barag, L. G., Berezovski, I. P., Kabashnikov, K. P., Novikov, N. V., *Sravnitel'nyj ukazatel' szjuhetov. Vostocnoslavjanskaja skazka*, Leningrad, 1979
 Brill, Tony, *Legendele românilor. III. Legendele faunei*, Bucarest, 1994
 Bushkevitch, S. P., *Petuch*, // *Slavjanskaja m.fologija*, Moscou, 1995
 Tcherepanova, O. A., *M.fologiceskaja leksika russkogo Severa*, Leningrad, 1983
 Chevalier, Jean, Gheerbrant, Alain, *Dictionar de simboluri*, vol. III, Bucarest, 1995
 Funk & Wagnalls *Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend*, New York, 1949.
 Grushko, Elena, Medvedev, Iuri, *Slovar' russkich sueverij, zaklinanij, primet i poverij*, Nizhni Novgorod, 1995
 Gura, A. V., *Laska v slavjanskich narodnyh predstavlenijach (2)*, // *Slavjanskij i balkanskij fol'klor*, Moscou, 1984
 Gura, A. V., *Lastotchka*, // *Slavjanskaja m.fologija*, Moscou, 1995
 Iashtchurzhiński, H. P., *O prevrashtchenijach v malorusskich skazkach*, // *Ukrainci: narodni viruvanija, povirja, demonologija*, Kiev, 1991, "Zhivaja starina", 1/1897
 Ionescu, Anca Irina, *Lingvistică și mitologie. Contribuții la studierea terminologiei credințelor populare ale slavilor*, Bucarest, 1978
 Kerbelite, Bronislava, *Istoriticheskoe razvitie struktur i semantiki skazok*, Vilnius, 1991
 Markevitch, N. A., *Obytchai, poverja, kuchnja i napitki malorossjan*, // *Ukrainci: narodni viruvanija, povirja, demonologija*, Kiev, 1991
 Meletinski, E. M. (red.), *M.fologiticheskij slovar'*, Moscou, 1990
 Muslea, I., Birlea, Ov., *Tipologia folclorului. Din răspunsurile la chestionarele lui B. P. Hasdeu*, București, 1970
 Niculiță-Voronca, Elena, *Datinile și credințele poporului român*

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

adunate și așezate în ordine mitologică, I, Cernăuți, 1903

Orlov, M. N., *Istorija snoshenija tcheloveka s d'javolom, // D'javol*, /Moscou/, 1992

Pamfile, Tudor, *Mitologie română. I. Prieteni și dușmani ai omului*, Bucurest, 1916

Propp, V. I., *Morfologia basmului*, Bucurest, 1973

Pomerantseva, E. V., *M,fologiticheskie personazhi v russkom fol'klore*, Moscou, 1975

Pomerantseva, E. V., *Russkaja ustnaja proza*, Moscou, 1985

Rădulescu-Codin, C., *Îngerul românului (povești și legende din folclor)*, Bucurest, 1913

Redford, A., Minionok, E., *Enciklopedija sueverj*, Moscou, 1995

Semionov, O. P., *Smert' i dusha v pover'jach i rasskazach krestjan i meshtchan Kjazanskogo, Ranenburgskogo i Dankovskogo uezdov Kjazanskj gubernii*, "Zhivaja starina", 2/1898

Șăineanu, Lazăr, *Basmele române*, Bucurest, 1978

Shein, P. V., *Materialy d'ja izutchenija byta i jazyka russkogo naselenija Severo-Zapadnogo kraja*, vol. III, Sank-Petersburg, 1902

Thompson, Stith, *The Folktale*, New York, 1959

Veselovski, A. N., *Istoriticheskaja poetika*, Leningrad, 1940

Воздействие русской прозы на румынскую литературу XX века

Думитру Балан

В XIX веке большое влияние на румынскую литературу оказала французская проза, а в XX веке румынские писатели проявили глубокий интерес к русской прозе, и в особенности к русским романам XIX века, первое появление которых в Европе, английский литературовед Джилберт Фелпс сравнивал с эффектом бомбы замедленного действия¹.

Это не означает, что прервался процесс восприятия французской прозы в Румынии: такие писатели, как например, Камил Петреску, Антон Холбан, Хортенсия Пападат-Бенджеску не прошли мимо творческого опыта Марселя Пруста, а Джордже Кэлинеску и, в определенной мере Чезар Петреску – опыта О. Бальзака. В значительно меньшей мере, воздействовали на румынскую литературу английская, американская и немецкая литературы. В последнюю треть прошедшего века заметный отпечаток на румынскую литературную жизнь оставила латино-американская проза. Как правило, чем шире была гамма истоков вдохновения у румынских писателей (восточное влияние не исключало западного, и наоборот, а также творческое «присвоение» опыта одного любимого писателя не исключало обращения и к другому – по манере порою – противоположному писателю), тем плодотворнее оказывались результаты этого благотворного соприкосновения.

Почетное место во вкусах румынских писателей занимают видные классики русской литературы XIX века и в первую очередь Гоголь, Достоевский, Лев Толстой и Тургенев за высокое художественное мастерство и глубокую философско-этическую направленность их творчества. Не только они занимали думы многих румынских художников слова, но и Антон Чехов, Леонид Андреев, Максим Горький, Иван Бунин, Михаил Шолохов, Аркадий Аверченко, Михаил Арцыбашев, Дмитрий Мережковский (последние три имени были запрещены долгие годы после второй мировой войны, они, между прочим, не включены и в солидный библиографический указатель русской и советской литературы на румынском языке², а М. Арцыбашев, кстати, вошёл снова в читательский оборот только после 1989 года).

В своей монументальной *Истории румынской литературы ...* (1940) Джордже Кэлинеску отмечает сходные или отличительные черты между романом Гоголя *Тарас Бульба* и драмой *Закат солнца* Барбу Шт. Делавранча, романом *Нямул Шоймзрейштилор* М. Садовяну, выделяет у Н. Гане описание дома Толпана в гоголевском духе, хвалит писателя Думитру К. Морузи за умелое использование гоголевского юмора и, наоборот, порицает М. Влэдеску, у которого в романе *Минута* нет ни устной тонкости Караджале, ни «преображающего юмора Гоголя», и, сравнивая романы Дуилиу Замфиреску *На войне и Ана* с романами Льва Толстого *Война и мир*

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

и Анна Каренина, приходит к выводу, что румынский прозаик (автор обстоятельной статьи о Толстом) не поднимается до уровня мастерства русского классика; роман Демостене Ботеза *Глиняные люди*, в котором служанка бросается под поезд, является дешевым подражательством произведению Толстого. В тематическом плане сближены Ал. Брэтеску-Войнешти и Тургенев, но чаще всего румынский критик и историк литературы обращается к Достоевскому, ссылаясь на стремления Ал. Влахуцэ, К. Стере, Дана Петрашинку и Чезара Петреску (в трилогии посвященной Эминеску), М. Садовяну (в *Воде мертвых*) усвоить художественные приёмы великого русского прозаика.

Выбор героев из крестьянской среды сближает Иона Виссариона с М. Горьким, а Карол Арделяну безуспешно пытался усвоить стилистическую манеру знаменитого русского пролетарского писателя, но его персонажи проявляют жесты благородства, напоминая героев Горького; в романе *Хотел Майдан* Стойки Г. Тудора встречаем попытку автора описать, как и М. Горький, гнездо бродяг в городе Констанце.

Кроме Дж. Кэлинеску – в период между двумя мировыми войнами – разные интересные высказывания о том, как румынские писатели обращались к наследию русских классиков, принадлежат литературным критикам Помпилиу Константину, Перпессичиусу, Еуджену Ловинеску, Виктору Стреину и др. В этот же период стали преподавать русскую литературу в престижных румынских университетах. Так например, Илие Бэрбулеску начал читать курс лекций по русской литературе в сравнительном плане с румынской литературой в Ясском университете ещё в 1918 году, а в Бухарестском университете другой видный профессор-славист, Петре Канчел руководил творческим семинаром по Л. Толстому и Достоевскому в 1934-1937 годах, а в 1944- 1945 годах читал общий курс лекций по истории русской литературы.

Самые глубокие разработки о восприятии русской литературы и о творчестве отдельных русских писателей в Румынии появились, естественно, в период после второй мировой войны и в особенности в 60-80 годы; многие вышедшие книги за это время были составлены их авторами-русистами на основе защищенных докторских диссертаций; здесь стоит напомнить следующие тома: *Творчество Гоголя в Румынии* (1959) и *Толстой и румынская литература* (1963) Татьяны Николеску, *Михаил Шолохов в румынском литературном мире* (1975, 2-ое пересм. и донм. изд. - 1976) Георге Барбэ, *Маяковский в Румынии* (1975) Думитру Балана, коллективный сборник *Пушкин в румынском культурном контексте* (1984), *Лермонтов в Румынии* (1987) Елены Червински и т.д.

Обособленно стоит вопрос о восприятии творчества Достоевского, писателя почти полностью запрещенного в период 1948-1955 годов (как, между прочим, и у себя на родине); лишь в 1956 году, по поводу 75-летия со дня смерти автора *Братьев Карамазовых* и в условиях начатого Н. Хрущёвым процесса «оттепели», Достоевский становится снова центром внимания литературной общественности, как в Советском Союзе, так и в Румынии. Правда, одно из первых выступлений о нем этого 1956 года, принадлежащее маститому критику и историку литературы, поэту и

прозаику Джеордже Кэлинеску, напечатанное лишь в «Ученых записках» Академии Народной Республики Румынии (т. VI, 1956, с. 233-239) содержит ряд неточных и неверных формулировок, что свидетельствует, как напишет Алесандру Палеологу в своей книге *Дух и буква*, что Кэлинеску «не понял Достоевского». Понятно, здесь речь идёт не только о недопонимании Достоевского, но и об «обязательном принятии» и «воспроизведении» официальной точки зрения советской литературной критики такой же подход к творчеству Достоевского встречаем, например, и в книге *Ф.М. Достоевский* В. Ермилова, вышедшей и на румынском языке годом позже. (Ни Кэлинеску, ни составители разных изданий и собрания сочинений к этому тексту больше не возвращались).

О том как румынские прозаики относились к Достоевскому, о влиянии русского писателя на их творчество, находим важные данные в обзорных статьях *Ф.М. Достоевский в Румынии*³ Валериу Чобану, *Достоевский и румынская литература между двумя мировыми войнами*⁴ Татьяны Николеску и в книге Дину Пиллата *Достоевский в румынском литературном сознании* (1976), содержащей и обстоятельное послесловие литературного критика и эссеиста Алесандру Палеологу, который, между прочим, оспаривает взгляды разных румынских критиков (Раду Драгнеа, Н. Балотэ), считающих, что роман Ливиу Ребряну *Лес повешенных* написан в духе Достоевского, а также и роман Матея Караджале *Краи де ла Куртеа-Веке* (Раду Драгнеа, Владимир Стреину). Что касается утверждения Палеологу, что Лев Шестов опорочил больше всех понимание Достоевского, я уверен, что это мнение сможет быть изменено после прочтения переведенных на румынский язык книг (за последние годы) русского философа, в том числе и *Философии трагедии*.

Заслуга исследователя Дину Пиллата – он же и прозаик, автор романов *Дневник одного подростка*, опубликованный посмертно в 1984 году, *Странная молодость* (1943) и *Обычная смерть* (1946), которые несут несомненный отпечаток влияния прозы Достоевского – заключается в том, что он впервые в послевоенное время говорит о вкладе поэта и мыслителя Никифора Крайника (15 лет был заключен в румынских тюрьмах; кстати, и сам Пиллат познал ужас румынского ГУЛАГа) в деле изучения творчества русского писателя. Пиллат уделяет забытому и запрещенному ещё Крайнику ряд страниц, где раскрывает суть курса лекций по теме *Достоевский и русское христианство*, прочитанных на Кишиневском теологическом факультете в 1926 году, а впоследствии на Бухарестском теологическом факультете в 1932–1933 годах (здесь курс лекций, на основе стенографических записей, был умножен на ротапринте, но лишь в конце 90-х годов был издан в Клуже; по глубине и широкому охвату исследованных проблем, эта работа достойна сравнению с *Мирозерцанием Достоевского* Николая Бердяева).

Тоже впервые после долгих лет молчания упомянуто и имя русско-румынского прозаика, драматурга, переводчика и эссеиста Леонида Добронравова – Леона Донича, эмигранта, сбежавшего из Советской России в Румынию в 1918 году и написавшего здесь статью *Пророк* (1922), ставившую вопрос об отношении Достоевского к Богу. Произведения же

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

этого своеобразного двуязычного писателя стали переиздаваться лишь после 1989 года; было бы интересным сделать сравнительный анализ новеллы Доница *Великий Архимед* и романа Евгения Замятина *Мы* (оба антиутопические произведения были написаны почти в одно и то же время).

Восхищен творчеством Достоевского и Лучиан Блага, который высоко оценивает и эссе Дмитрия Мережковского о Л. Толстом и Достоевском.

Очарован личностью Достоевского был и румынский писатель Дан Петрашинку (настоящее имя – Анджело Моретта, в 1950 году эмигрировал в Италию), посвятивший русскому прозаику в 1935-1948 годах целый ряд статей (он не довёл до конца задуманную идею написать монографию о Достоевском). Эуджен Ловинеску, один из первых румынских литературных критиков, отметил влияние русской литературы и в первую очередь Достоевского на Петрашинку; и, действительно, романы *Кровь* (1935), *Чудовище* (1937), и *Кора и любовь* (1943) новеллы *Человек и зверь* (1941), и *Джунгли* (1940) доказывают, что Петрашинку является прилежным учеником Достоевского в изображении сложного процесса раздвоения личности, в убедительном показе внутренней двойственности персонажей, которые нередко действуют как под влиянием логических построений ума, так и под влиянием страстных подсознательных импульсов. После войны Петрашинку переходит от психологического к социальному роману; в *Завёршенных временах* (1947) писатель – приверженец больше творческой манеры М. Горького; на определенном автобиографичном материале он описывает события, происшедшие в России, где на фоне гражданской войны между белыми и красными действуют разные персонажи из мира промышленников и итальянских, французских, турецких и румынских рабочих.

Михаил Себастьян находит сходные черты, общие точки соприкосновения в романах Достоевского *Бесы* и Мирчи Элиаде *Хулиганы*: «определенная проблематика, недавно проявленная с насилием, определенное политическое мессианство»⁵. Статьи Элиаде о Достоевском также красноречиво свидетельствуют об огромной любви румынского писателя к русскому писателю.

Достоевский воздействовал решительным образом и на творчество Джиба Михэеску, романы последнего *Донна Алба* и *Россиянка*, как уже указали такие критики, как Шербан Чокулеску, Владимир Стреину, Владимир Догару, Ливиу Петреску, Ал. Андриеску, выделяют румынского писателя как единственного выразителя у нас психологического романа «школы» Достоевского⁶. Но явно, что при более внимательном изучении прозы Михэеску, и в частности его романа *Россиянка*, обнаружим и влияние прозы Михаила Арцыбашева, чьи «скандальные» романы *Санин* и *У последней черты* были переведены и изданы в Румынии. Как и Арцыбашев, остро раскритикованный после выхода в свет романа *Санин* (1907) за «чрезмерный эротизм» (произведение было запрещено потом в Советском Союзе до конца 80-х годов), правда и по идеологическим соображениям официальной пропаганды), так и роман *Россиянка* (1933) Джиба Михэеску был взят в штыки за такой же «грех» отдельными блюстителями нравственного порядка; так например, Константин Кирицеску, многие годы

работающий генеральным директором в Министерстве образования (он же является и автором объёмистой и документированной монографии об участии Румынии в первую мировую войну), напишет – после присуждения Обществом Румынских Писателей премии имени Короля Карла II *Россиянке*, – гневный реферат, в котором, между прочим, утверждает, что этот роман является эротическим произведением, написанным по несчастной концепции и манере, которое стало деградировать современную румынскую литературу»⁷.

В период 1933-1934 годов роман *Россиянка* переиздан пять или шесть раз, но потом на протяжении полвека произведение было запрещено цензурой; не смог добиться напечатания книги один из преподавателей Бухарестского университета, занимающего довольно высокий пост заместителя заведующего отделом пропаганды ЦК партии, несмотря на то, что за это время он написал и издал монографию о писателе Михэску. Причина запрета состояла не только в определенном вызывающем эроитизме, в смелом показе раскрепощенной любви, но и в том, что автор выбрал для места действия границу Бессарабии с Советской Россией и в данном контексте описывает и бегство отдельных лиц из страны большевиков.

Как бы не показалось парадоксальным, но Джиб Михэску в *Россиянке*, да и в романе *Донна Алба* (здесь чувствуется и общая атмосфера, присутствующая в *Мелком бесе* Ф. Сологуба), также как и другой крупнейший русский писатель, Леонид Андреев, склонен прибегать к прозе «исповедального» жанрового типа, где отдаётся предпочтение идеологическому содержанию повествования, а символика действия играет как бы дублирующую роль. В этом отношении самыми важными являются идеологические функции литературных героев, а их сюжетные функции в амплуа знаменосцев художественной семантики, переходят на второй план.

Леонид Андреев, бесспорный любимец румынских читателей и зрителей (его пьесы часто ставились на сценах многих городов Румынии) переводился и печатался в нашей стране с начала XX века, т.е. ещё при жизни самого автора, и продолжает и сегодня, в начале нового тысячелетия, быть в центре внимания румынской читательской публики (правда, в послевоенное время был определенный «пролеткультовский» период, когда в Румынии, как между прочим, и на его родине, писатель был изъят из общественного обихода). Большой подарок румынскому читателю преподнесло бухарестское издательство «Универс» в 1970 году, издав комплект из 4-х объёмистых томов, содержащих основные произведения прозы и драматургии Л. Андреева.

Среди переводчиков Андреева числится и Тудор Аргези, который в первом десятилетии XX века переложил на румынский язык новеллу *Бездна* и напечатал её в 1911 году со своим же предисловием, где отмечал у русского писателя значимость детали, тягу к непредвиденному, мотивы раздвоения личности и страха, оригинальность стиля; несколько лет спустя Аргези снова будет обращаться к творчеству Андреева; для маститого румынского писателя, который впоследствии станет одним из

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

непревзойдённых переводчиков басен И. Крылова, Достоевский являлся великим мастером психологической интроспекции человеческой души. В 1921 году Аргези напечатал в массовой серии «Прекрасная библиотека» свой перевод *Записок из мертвого дома* Достоевского, к которому он написал и вступительное слово (здесь сведения о русском классике взяты в основном из книги Е. Вогиюэ *Русский роман*, вышедшей в Париже в 1886 году).

Масштабность данной темы не даёт возможности автору заниматься здесь сопоставительным анализом, так что в дальнейшем будут только обозначены отдельные направления, высказаны определенные тезисы, которые смогут быть расширены и углублены. Помимо уже названных работ монографического типа о восприятии разных русских писателей в Румынии, существуют статьи, где трактуются в большей или меньшей степени вопросы «родства» между персонажами разных произведений, проблемы творческого влияния русских классиков на румынскую литературу или, в отдельных случаях, необработанного полностью вопроса об усвоении румынскими писателями мотивов, идей, художественной манеры у русских писателей.

Стоит здесь особо назвать коллективный труд, вышедший в 1964 году в Москве под названием *Румынско - русские литературные связи второй половины XIX – начала XX века* и включающий такие разработки как *Творчество Тургенева в Румынии* Валериу Чобану, *Чехов и румынские писатели Садовяну и Ребряну* и *Творчество Тургенева в Румынии* Тамары Гане (сборник содержит также и статью о восприятии М. Горького в Румынии). Из цикла других послевоенных статей выделяются *Садовяну и тургеневские «Записки охотника»*⁸ и *Тургенев и румынская литература*⁹ Михая Новикова, *Толстой и Садовяну* Зое Думитреску Бушуленга¹⁰, *Ф.М. Достоевский в восприятии Марина Преда*¹¹, *Марин Преда и русские писатели*¹², *Творчество и личность Льва Толстого в восприятии Марина Преда*¹³, и *Лев Толстой в оценке Марина Преда*¹⁴ Георге Барбэ, *Румынская литература в контексте румыно-русских отношений XX века*¹⁵, и *Михаил Булгаков в Румынии*¹⁶ Думитру Балана и др.

Главным ориентиром в нравственном отношении и заветной моделью письма, творческого мастерства для всех видных румынских писателей, даже для тех, кто находился под замораживающим и тоже плодотворным влиянием западной литературы (Камил Петреску и Дж. Кэлинеску, например) были всё-таки ведущие представители русской литературы; можно с обоснованием и уверенностью утверждать, что нет ни одного сколько-нибудь значительного румынского писателя, который не высказывался бы положительно о русской литературе, о русских прозаиках, драматургах или поэтах.

Легко составить ряд антологий с выдержками высокой похвалы (взятых из статей, эссе, предисловий и послесловий, рецензий, интервью и т.д.) румынских писателей в адрес русской классической литературы, в адрес русских мастеров слова. Более того, многие румынские писатели плодотворно переводили отдельные произведения русских писателей, правда, в первую половину XX века немало художественных эквивалентов

осуществлялось посредством «посредника», т.е. с текстов на французском или немецком языках; так как уже было отмечено выше Аргези переводил из творчества Л. Андреева и Достоевского, М. Садовяну – из Тургенева, Ливиу Ребряну – из Чехова и Л. Толстого, Гала Галактион – из Л. Толстого и т.д. Но даже в этот период было достаточно книг, переведённых непосредственно с подлинника, с русского языка (часть произведений названных выше писателей, романы И. Ильфа и Е. Петрова *Двенадцать стульев* и *Золотой телёнок*, роман *Мать*, автобиографическая трилогия и большинство рассказов и новелл М. Голького, новеллы И. Бунина и др.)

После второй мировой войны, как правило, тексты переводились только с русского языка; были изданы многотомные собрания сочинений М. Горького (30 томов), Л. Толстого (14 т.), А. Чехова (12 т.), Достоевского (11 т.), Тургенева (11 т.) и т.д.

Вышли монографии румынских русистов и литературных критиков, посвященные русским писателям: Татьяна Николеску написала книги о Бунине и А. Белом; Галина Маевски о Горьком, Моника Сэвулеску о Чехове, Йон Яноши о Л. Толстом и Достоевском, Ана- Мария Брезуляну, Нина Виколов и Татьяна Николеску о Л. Андрееве, Изольда Вырста о М. Булгакове; в особом ряду стоит монументальная работа энциклопедическо-исследовательского типа Валериу Кристя *Словарь персонажей Достоевского* (тт. I и II).

Большую помощь исследователям оказывают высказывания самих же румынских писателей о воздействии русской литературы на их творчество, личные дневники и заметки на полях внимательно прочитанных книг русских писателей, что дало, например, повод одному румынскому критику утверждать, что в составлении композиционного плана романа *Ион Ливиу Ребряну* руководствовался *Братьями Карамазовых* Достоевского. Ценные данные об особом внимании, уделенном румынскими прозаиками русской литературе и даже отдельные виртуозные сопоставительные анализы произведений русских и румынских писателей находятся и в монографиях, посвященных, например, Ливиу Ребряну (из почти двух десятков книг стоит назвать работы Станку Илина – 1985 и 1988, Н. Герана – 1986 и 1988, он же является и составителем собрания сочинений Ребряну в 20 томах, С. Миока – 1988, И. Симуца – 1997), Чезару Петреску (М. Гафица – 1963), Михаилу Садовяну (С. Брату – 1963, К. Чопрага – 1966, И. Опришан – 1986), Джибу Михэеску (М. Диаконеску – 1973 и Фл. Гицэ – 1984) и др.

На румынскую прозу воздействовали не только русские классики XIX века (этот аспект изучен, хотя и не полностью, но довольно обширно и глубоко), но и русские писатели XX века.

Герои М. Горького, в частности бедняки, бродяги, «босяки», но и «бунтовщики» возымели немаловажное влияние на румынскую прозу, описывающую мир «униженных» и «обездоленных»; в разряд писателей, шагавших во многих произведениях по следам русского пролетарского писателя, обоснованно можно включить таких румынских прозаиков, как Ион Висарион, Панаит Истрати, прозванный ещё при жизни «балканским Горьким», Захария Станку, Карол Арделяну со своими романами

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Дипломат, дубильщик и актриса (1926), *Черви земли* (1933) и *Дом с девочками* (1931), правда, в последнем названном произведении чётко прослеживаются и отголоски романа *Яма* (1909 - 1916) Александра Куприна.

В романах Феликса Адерки *Петр Великий, первый революционер, строитель России* (1940) и *Всадник, затерянный в степи. При Петре Великом* (1961) и романе Алексея Толстого *Пётр Первый* (кн. 1-2, 1930 и 1934; кн. 3, 1945) встречаются много сходных моментов динамики развития сюжета, но самое главное то, что оба писателя представили русского царя как многосложную и целостную фигуру в высшей степени характерную и показательную для эпохи преобразования русского общества.

Вовсе не изучено до сих пор место творчества Дмитрия Мережковского в румынской литературе, прозаика, чьи романы часто переводились у нас до второй мировой войны (испытал влияние творчества Мережковского и один из переводчиков его романов, прозаик В. Деметриус), чья исследовательская книга *Русские писатели*, вышедшая в Яссах в 1925 году, была восторженно принята румынской критикой; ещё в начале 20-х годов о Мережковском писал Лучиан Блага, а в 30-е годы его имя встречается в статьях Мирчи Элиаде, Дана Петрашинку, Изабелы Садовяну и др.

Только наметившаяся у Владимира Стреину идея о родстве героев Андрея и Антона Барбу романа *Ничья смерть* (1939) Петру Манолиу с миром «деклассированных» людей пьесы *На дне* Горького, а также с персонажами Л. Толстого, Достоевского и Гончарова не была продолжена и развита при народной и социалистической власти, так как романы Манолиу не были допущены к переизданию (самому писателю разрешили заниматься только переводами), а Стреину одно время был узником румынских тюрем (статью о Манолиу он напечатал в 1939 году)¹⁷.

Нет ещё исследования о восприятии сатирических произведений Аркадия Аверченко в Румынии, несмотря на то, что в 20-30 годы его книги часто переводились, рассказы его часто печатались в румынской периодике и даже одна из его новелл о взяточничестве была успешно адаптирована Константином Терзи на фактах из румынской жизни¹⁸. В последние годы жизни Аверченко, который жил в эмиграции в Праге, нередко приезжал в Румынию.

Отдельные румынские прозаики были вдохновлены не только творчеством, но и личным примером русских писателей, так например, Марин Янку Николае, потерпевший в детстве небольшую травму глаз и уже в зрелом возрасте полностью ослепший, стал писателем (был принят в Союз румынских писателей), последовав личному примеру Николая Островского; по количеству написанных книг, он даже превзошёл автора романов *Как закалялась сталь* и *Рожденные бурей*, но самым интересным произведением можно считать лишь автобиографический роман *После бездны – солнце*. Это другой вопрос, что произведения обоих писателей не достигли особых художественных вершин, что в написании первого романа Н. Островского участвовали другие советские писатели (об этом читатели узнали из русской печати только в последнее время) и что в «составлении» дебютных книг М.Я. Николае участвовали молодые ассистенты, мои

коллеги по кафедре. Здесь важны не столько произведения сами по себе, которые – если судить по большому гамбургскому счету – являются посредственными в эстетическом отношении, сколько именно личный пример отважного мужества писателей. Как, между прочим, для многих румынских читателей вдохновляющим является пример военного летчика Маресьева, героя популярного в советские годы романа Бориса Полевого *Повесть о настоящем человеке*.

По идейному содержанию, по глубинному нравственному смыслу романы *Остинато*, *Дверь*, *Герла* Пауля Гомы, «румынского Солженицына»¹⁹ близки произведениям А. Солженицына *Один день Ивана Денисовича*, *Архипелаг ГУЛАГ*, *В круге первом* и другим; оба писателя показали в своих сочинениях, что человек может сохранить своё достоинство, свою первозданную совесть, своё чувство справедливости даже в ужасных условиях, функционирования – на полных оборотах – государственной машины тоталитарной системы советского образца. И Петре Сэлкудяну со своим романом *Александрейская библиотека* (1980) многим обязан Солженицыну и, безусловно, можно уловить разные параллели между этим произведением румынского писателя, хорошо знающего русский язык и литературу и книгами Солженицына, в том числе и романом *Раковый корпус*. Образ партсекретаря Морэску, бывшего агента Мосивы во время второй мировой войны, безграмотного активиста, ненавидящего интеллигенцию, напоминает своими поступками советских «старших братьев», мастерски описанных в книгах Солженицына и Варлаама Шаламова.

Другим последователем Солженицына оказался и Ион Иоанид (хотя он и не считает себя писателем), который в своей многотомной мемуарной книге *Тюрма наша насущная*, изобразил с большой проницательностью и искренностью зековский мир, быт румынских политических тюрем.

Гома и Иоанид, как и Солженицын познали на собственном опыте, изнутри, – сами будучи узниками ГУЛАГа, – тяжкую и невыносимую жизнь заключенных, и также как русский писатель оказались в эмиграции, где остались и поныне в отличие от Солженицына, вернувшегося на родину в 1994 году.

Николае Стейнхардт в своём *Дневнике счастья*, опубликованном лишь посмертно в начале 90-х годов (речь идёт о втором варианте текста, так как первый был конфискован органами безопасности в начале 70-х годов), отмечает, что выход из любого концентрационного мира возможен лишь путём веры и при этом ссылается на три разных типа решения духовного освобождения, предложенного А. Солженицыным, Александром Зиновьевым и, соответственно, У. Черчиллем и Владимиром Буковским; автор *Дневника счастья* доказывает, что он хорошо знаком с книгами *В круге первом* и *Архипелаг ГУЛАГ* Солженицына и с исследованием *Зияющие высоты* поэта и политолога А. Зиновьева.

Читая сочинения мемуарного типа Раду Чучану, Константина Чесяну, Иона Пантази, Марчела Петришора, Флорина Константиновича, Никифора Крайника и других бывших румынских политзаключенных, можно легко заметить, что пример Солженицына, а для некоторых и В. Шаламова со

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

своими *Колымскими рассказами* (они были сначала напечатаны на Западе и лишь потом и в бывшем Советском Союзе) был своеобразной путеводной звездой.

В какой-то степени и личные биографии П. Гомы и Солженицына похожи: первый отказался вернуться на родину и сотрудничать с новой властью, а второй, хотя и вернулся в Россию, был скоро удалён с национального телевидения (у него вначале там была своя передача) за личные взгляды, далеко не совпадающие с официальной точкой зрения (с самого начала писатель отказался присоединиться к какому-либо политическому направлению). М. Горький как-то высказывался, что русский писатель никогда не должен жить в дружбе с русским правительством, но то же самое можно утверждать и про отношение Гомы к румынскому руководству страны.

Румынские писатели Раду Джир (первоначально был осужден к смертной казни), Василе Войкулеску, Ал. О. Теодоряну (Пэсторел), отправленные в тюрьму в послевоенное время, за произведения, рассмотренные властями как враждебные, антикоммунистические, в отличие от таких русских писателей как И. Бабель, П. Васильев, О. Мандельштам, Б. Пильняк, сгинувших в сталинских лагерях, остались, к счастью, в живых, и в период относительной «оттепели» в Румынии были выпущены на свободу. Сажали в румынские тюрьмы и румынских писателей, осмеливавшихся напечатать свои произведения на Западе; например за такой поступок Виктор Валериу Мартинеску получил второй срок заключения (1958-1964), первый же (1947-1952) он получил попытку нелегально покинуть страну. В брежневское время вызвало большую волну внутреннего и мирового протеста за осуждение писателей Юлия Даниэля и Андрея Синявского на 5 и соответственно 7 лет лагерей строгого режима за выход в свет на Западе прозы, которая сегодня входит в программу изучения русской литературы XX века.

Писатель Эмиль Ману (он же – известный румынский литературный критик) вспоминает, как следователь набросился на него на допросе за то, что в своем *Дневнике* он написал, что «Борис Пастернак – самый великий сегодняшний писатель в Советском Союзе и что его роман *Доктор Живаго* является шедевром мирового значения»²⁰.

Многим писателям удалось разными путями эмигрировать на Запад; все они хорошо знали русскую литературу, а в новой обстановке свободы смогли быть ещё лучше в курсе дел с литературой, запрещенной в Советском Союзе, а некоторые из них встречались с русскими эмигрантами, с диссидентами, с писателями, находящимися в опале у себя на родине (про весьма интересную встречу с Эудженом Ионеско рассказывала мне, например, поэтесса Белла Ахмадулина).

При прочтении изданных сегодня в Румынии книг таких видных писателей как Хория Винтилэ, Мирча Элиаде, Петру Думитру можно обнаружить немало точек соприкосновения их мастерства с идейным и художественным миром русских писателей и, в первую очередь, с творениями классиков XIX века. В почтительном отношении к русской литературе признавались неоднократно и сами румынские писатели; так

например, Эмиль Чоран, высоко ценил творчество Гоголя (о нем он написал и отдельное эссе), Л. Толстого (особое внимание он уделил анализу повестей *Смерть Ивана Ильича* и *Отец Сергей*), Достоевского и Тургенева. В последние годы о румынских «возвращенных» писателях стали писать и русские исследователи. Так например, в одной статье о Чоране утверждается: „Достоевский занимает в чорановском мире место, сравнимое разве что с Шекспиром или Бахом. В беседе 1979 г. Чоран отметил: «Из всех персонажей Достоевского меня больше всего восхищает и больше других понятен мне, кажется, Ставрогин»”²¹.

Можно смело сказать, что так или иначе румынские писатели XX века от Михаила Садовяну, Ливиу Ребряну, Жиба Михэеску, Иона Агырбичану, Чезара Петреску, Галы Галактиона (явно влияние Горького на *Мельницу Кэлифара*), Константин Стере (в особенности в многотомном романе *Накануне революции*), Иона Лэнкрэнжана (роман *Кордоване* о коллективизации в деревне испытал прямое влияние *Поднятой целины* М. Шолохова; оба произведения сегодня уязвимы в инейно-тематическом плане) до продолжающих ныне творить Николае Бребана, П. Сэлкудяну, П. Гомы, Аугустина Бузуры и других любовно и творчески использовали богатый опыт русских прозаиков XIX века, а некоторые и опыт писателей XX века Л. Андреева, М. Горького, М. Арцыбашева, Д. Мережковского, Ф. Сологуба, Л. Леонова, Е. Замятина, М. Шолохова, М. Булгакова и А. Солженицына.

Ждут ещё своего освящения проблемы восприятия русской прозы и вообще русской литературы румынскими писателями, чье творчество было до недавнего времени под полным или частичным запретом. Прав прозаик Думитру Маталэ, написавший, что сегодня есть книги, которых «раньше негде было найти. Книги про которые нельзя было произносить ни одного слова, тем паче читать их: *Россиянку*, например, или *Лолиту*, или *Остинато*, Солженицына, Оруэлла, или даже Петру Думитриу»²².

Сейчас, когда, например, за последнее десятилетие в Румынии уже переведены и изданы пять книг В. Набокова и три румынских монографии о нём, мало ли кто знает, даже среди филологов, что роман русско-американского писателя *Камера обскура* был прекрасно переведён с русского языка Ростиславом Доницем (брат Л. Добронравова - Доница) и напечатан в 1940 году. Нет этого сведения даже в обширной подборке высказываний о Владимире Набокове, ни в статье Раду Лупана о нем, сопровождающей отрывок из *Лолиты* (все эти тексты были опубликованы в журнале «Secolul XX» за 1980 год; в Советском Союзе же писателя стали печатать лишь с 1986 года).

Создание синтетической истории румыно-русских литературных и культурных связей должно начаться с более глубокого изучения восприятия русской прозы румынской литературой, румынскими писателями. Этот аспект затрагивает, несомненно, проблематику переводческую, издательскую, литературно-критическую и контактную.

Примечания

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

- 1 «Иностранная литература», 1957, № 6, с.276.
- 2 См. Filip Roman, *Literatura rusă și sovietică în limba română*, București, 1959.
- 3 “Studii și cercetări de istorie literară și folclor”, XII, 1963, nr.1-2.
- 4 “Viața românească”, 1971, nr. 11, p. 96-104.
- 5 Note la „*Posedații*” // „Revista Fundațiilor Regale”, V, 1936, sept., p. 679-683.
- 6 Vladimir Streinu, *Gib Mihăescu: „Donna Alba” // Pagini de critică literară*, București, 1938.
- 7 Цит. по ст. Pavel Țugui, *Pagini din istoria cenzurii* // „Adevărul literar și artistic”, XII, nr.664, 2003, 6 mai, p.10.
- 8 *Сравнительное изучение литератур. Сб.*, Ленинград, «Наука», 1976, с. 164-168
- 9 „Romanoslavica”, XXI, 1983, p.205-224.
- 10 Zoe Dumitrescu Bușulenga, *Valori și echivalențe umanistice*, București, editura Eminescu, 1973.
- 11 *Limbă și literatură*, vol. III, 1983, p. 363-371.
- 12 „Romanoslavica”, XXII, 1984, p.61-85.
- 13 «Вестник Московского университета, серия Филология», 1989, № 2, с. 63-68. «Очеловеченная» фигура И. Антонеску в романе *Еред*, показывает, что М. Преда творчески усвоил опыт *Войны и мира* Л. Толстого; нападки представителей Союза писателей СССР на книгу румынского писателя были явно предвзятыми и необоснованными. (См. и Н. Zalis, *Descătușare de tensiuni* // „Dosarele istoriei”, VI, 2001, nr. 10 (62), p. 56-61.
- 14 *Prelegeri de limbă și literatură rusă*, vol. II, București, 1985, p. 340-359.
- 15 „Romanoslavica”, XXX, 1992, p.107-136.
- 16 „Romanoslavica”, XXXI, 1994, p.51-67.
- 17 Vladimir Streinu, *Petru Manoliu: „Moartea nimănui”* // Vladimir Streinu, *Pagini de critică literară*, V, ediție alcătuită de George Munteanu, București 1979, p.248.
- 18 C-tin Terzi, *Sperțarul sau Anchetă Specială (Satiră umoristică)*, realizată de ... după Arcadie Avercenco, ediția I-a, Cahul, 1935.
- 19 Впервые данное прозвище употребил Мирон Раду Параскивеску, потом эту лексему переняла парижская газета «Ле Монд», а вслед за нею радиостанция «Свободная Европа» и литературные критики и политологи. (См. и статью Ion Simuț *Câți Soțenișîn avem?* // „Observator cultural”, III, 2002, nr. 113, 23-29 aprilie, p. 6).
- 20 Emil Manu, *Ancheta (1959)* // „Luceafărul”, nr. 11, serie nouă, 2003, 26 martie, p. 15.
- 21 Борис Дубин, *Бесконечность как невозможность: фрагментарность или повторение в письме Эмиля Чсрана* // «Новое литературное обозрение» (Москва), 2002, № 2 (54), с.260.
- 22 Dumitru Matașă, *Pâinea noastră cea de toate zilele* // „Luceafărul”, nr. 11, (595), serie nouă, 2003, 26 martie p. 24.

**Oblici fantastike u istorijskom romanu
Miloša Crnjanskog**

Octavia Nedelcu

Fantastika, kao znak dubine i snage duhovne kulture svakog naroda javlja se u književnosti, obogaćujući prirodne osobine književnog teksta kao alternativa na drugi i drugačiji svet čoveka. U središtu ovog drugog sveta jeste želja čovekovog duha da predje preko svih metafizičkih granica i uspostavi model drugačijeg života. Nestvarna stvarnost toga drugog sveta koja živi isključivo od mašte, pokušava da se odupre sivoj svakidašnjici, neprivlačnoj istini, jer samo fantastika ima moć da pretvara maštarije u estetsku istinu, da od izmišljenog pravi stvarno, a od nepostojećeg živo.

Fantastika je prirodno čedo umetnosti, jer računa na sva pet čula, a u književnosti podstiče i šesto čulo. Ona izlazi iz logične okvire sistema i oblikuje realnost sopstvenom snagom dočaravanja, otvarajući dijalog između «ja – i - to je drugi» (Rimbaud).

Koreni srpske fantastike sežu u staru slovensku mitologiju, u duhovno folklorno praiskonsko balkansko nasledje. U srednjovekovnoj srpskoj književnosti pojam fantastike je zavisio kao i u celom hrišćanskom svetu, od biblijskih motiva i crkvenih verovanja, ali u kojem čudesno nije bilo samo po sebi cilj (starozavetne apokrifne priče i parabole o čudima, o iznošenju na nebesa, o polasku u pakao, o strašnom sudu, o apokalipsi i dr.)

Promena modela kulture izvršena je kod Srba posle Velike seobe u XVIII-om veku kada prodiere građanska prosvetljenost, kartezijansko poverenje u racionalni poredak i načela blagodeti svetlosti uma. Fantastika gubi svoje mistične karakteristike u prilogu novih fantastičnih žanrova: gotske i grobljanske priče o avetima i zlim duhovima, demonima, vešticama, vampirima i dr.

Gavril Stefanović Venclović (1680-1749) je bio prvi spski pisac **barokne fantastike**, te čudne epohe koja se u Srba i vremenski i stilski prožimala sa klasicističkom kulturom. U njegovim eklektičkim spisima Venclović je otvorio put srpskoj književnoj fantastici novijega tipa od **psihološke fantastike**, preko **satirične fantastike**, fantazmagorije, utopije i antiutopije pa sve do **naučne fantastike**, svakojakih trilera i čak do trezvene realističke proze, tamo gde je niko ne bi očekivao, jer u krajnjoj liniji, nema nijednog pripovednog dela koje nije plod fantazije i mašte.

Od trenutka kada se pojavio u srpskoj književnosti, Miloš Crnjanski (1893-1977) je mnogo uticao na najvažnije promene u modernoj srpskoj literaturi kako svojim književnim delima, tako i svojim pesničkim stavovima i protivurečnom ličnošću. Bio je u samom središtu književnih procesa, ostavši daleko od književne matice, prisutan i odsutan istovremeno.

Sto deset godina rodjena jesu dobra prilika da se baci novo svetlo u proučavanju prožimanja fantastike u istorijskom romanu *Seobe i Druga knjiga Seoba*. Iako sam autor ne svrstava svoj roman u dela istorijske proze: «Oba romana najmanje su istorijska, mada su zasnovana na memoarima tog vremena i arhivskim podacima...»¹, budući da je ovde istorija ipak najvažnija osovina kazivanja, književna kritika² svrstava ove romane u kategoriju istorijskih romana.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Narodna predanja, verovanja, praznoverja, magijski obredi, čaranja, mitovi, legende, bajke i bajanja ostaju i dalje glavni izvor fantastike u književnosti, duhovni kontinuitet celokupne srpske usmene i pisane književnosti bez obzira na epohu nastanka : «U bajkama je prava istorija čovečanstva, iz njih se da naslutiti, ako ne i potpuno otkriti, njen smisao», smatrao je Andrić.³

Fantastički elementi zauzimaju u *Seobama* mali prostor po broju stranica (svega desetak stranica, 185-193) i nalaze se isključivo u okviru devetog poglavlja ove knjige⁴. Ovi elementi fantastike, folklornog tipa nisu nagovešteni u prethodnim poglavljama, niti utiču na kasnija zbivanja ovog dela, nego predstavljaju jednu zasebnu epizodu romana.

Inventar «čudnovatih događaja» vezan je za ličnost gospođe Dafine u odnosu na Vuka Isakovića. Seljani iz sela i bliže okoline slušali su u svemu svog starešinu, učestvujući u njegovom životu i deleći svoje sudbine sa njim, spremni da se jednog dana presele zajedno u rajsku Rusiju. Neposredno i bezuslovno vezujući svoje živote za Vuka, obožavajući ga, meštani nisu delili, međutim ista osećanja za njegovom suprugom, gospođom Dafinom. Stranog porekla, iz Mletaka, iz kuće porodice Hristodula, Dafina je, od kada je dovedena u porodičnu kuću Isakovića, vladala i gospodarila ovim ljudima neobjašnjivim strahom. «Bojali su se njenog osmeha», iako ih nikada nije kažnjavala. Ostala je do kraja svog kratkog života nepristupačna i nedokučna prema seoskom svetu i u radosti, rođenjem dveju devojčica, i u žalosti, bolešću i Vukovim odlaskom na vojnu. Zagonetnost misli i osećanja, tajanstvenost osmeha, odsutnost reči i gesta, retka prisustva gospođe Dafine u odnosu na Vuka koji im se obraćao razumljivim rečima i batinao neposlušne i uporne, zagrejava maštu seoskog sveta dovedeći je u direktnu vezu posle njene smrti sa svim nedaćama koje su zadesile seosku zajednicu odlaskom Vuka na vojnu i selidbom njegove žene u deverovu kuću.

Elementi fantastike su prisutni pre i posle njene smrti. Po Ananijevoj priči svi «čudnovati događaji» koji su prethodili smrti gospođe Dafine poprimaju objašnjenja posle njene smrti. Ova se tri neobična događaja nižu gradaciono po rangu važnosti koju gradi sluga u svom pričanju. Prvi se događaj desio kada su Arandjela Isakovića konji hteli da udave u Dunavu nakon prevrtanja njegove ladje po vetrovitom i mraznom danu. Konji su se tiskali oko njega i punili mu «usta svojim grivama dok se davio» u mulju. Kao da su hteli da ga spasu preljube, ali se desilo suprotno, jer ne možeš izbeći sudbinu. Iznemoglog i polumrtvog doneli su Arandjela u sobu gospođe Dafine u kojoj se iste noći dogodilo rodoskrvnjenje. Drugi se događaj tiče sluškinje koja je češljala svoju gospodaricu. Prema Ananijevoj priči, devojčinu ruku kojom je češljala Dafininu kosu pojele su bube i mravi. Treći se događaj ticao postelje gospođe Dafine. Ananije je pričao po selu kako se po celoj kući namnožile zmije, a da su se « naročito rado kotile pod njenom posteljom». Ananije, sluga Arandjela Isakovića pronalazi krivca za sve nesreće u selu u liku gospođe Dafine. Sva tri događaja imaju isti imenitelj-kosa. U starim praiskonskim verovanjima smatralo se da se kosa veštica pretvara u zmije.⁵ U kosi leži moć, lepota i privlačnost jedne žene. *Sanjaše je, u mukama, skoro svaku noć. Vide je u svakom mraku, ma gde bio. Činilo mu se da ga obavlja njena kosa, sa teškim mirisom oraha, laka kao svila. Dodirnula ga je kosom, više puta, kda mu je prilazila ruci. I on je katkada dodirnuo njenu kosu.*(42)

Ananije doživljava dolazak Dafine u Arandjelovu kuću kao težak udar. Sve njegove nade u svoju najmladju kćer koja se *vrzla, uostalom, i sama pred očima Aranajelovim, žučkastim i mutnim, uvek razrogačenim, dotičući mu se ruke* (185) postaju uzaludne kada uvidi da za njegovog gospodara žene više nisu postojale, a

njegov pogled, pre svetao i žut, kao u mačke, beše postao mutan i podignut, nekud, iznad Ananijeve glave (185) i da ovaj neće više biti onaj koji je bio. U ovom delu ključ dešifrovanja iracionalnog jeste u sferi realnog i objašnjivog i zbog toga možemo smatrati da je više reč o **pseudofantastici**. Za Ananija je smrt gospože Dafine *bila pr. jatan događaj, kcji mu je opet razbudio nade* (185). Iako je Vuk bio daleko i nije bilo izvesno da će se živ vratiti, Ananije je osudjivao njihovu preljubu, (ne iz verskih i moralnih ubedjenja već iz potrebe da okalja omraženi lik) i pričao da je gospođa Dafina pred smrt, za kaznu zbog rodoskrvnjenja vidjela u mraku, na vodi svoga muža u obliku žabe iz koje je curila krv, zatim u poastelji, napola rasećenog, a kasnije *celog, celcatog, u beloj peći, sa iscurelim očima* (184).

Svima kome je pričao i koji su ga slušali ježila im se koža. Strah od gospože Dafine nije minuo kod seljana i kod Ananije ni nakon nijene smrti, jer je on bio uveren da će ona izlaziti iz groba i hodati po selu. Kada se u selu počela kvariti voda zbog preteranih prolećnih kiša, optužena je Dafina. Kada je stoka nestajala, kada su dotad nepoznate bolesti počele harati selom, o Dafini se šaputalo sve češće sa sve većim strahom. Kada su meštani našli udavljeno dete za koje se nije doznalo čije je, počelo se pričati da ima očevidaca koji su videli gospožu Dafinu kako jaše na motkama, na jarmovima, kako čuči na djermu. Dafina je počela da *ih davi i morila noću, sedajući im na debele seijačke stomake, klečeći im pod grlom, ostavljajući za sobom srdoboľju, boginje i drhtavicu. Jedne hladnije noći, kad poče provejavati prvi sneg, vide je jedna bremenita žena, pred štalom svcjom, u obliku bele krave, i pade mrtva* (186-187). Tako je Dafina postala, Ananijenom voljom, mora, strašilo, vampir. *Pojava vampira, koga su skoro svi već bili sreli, samo je dopunila nesreću koja naseje beše snašla, otkako je Vuk Isaković bio, sa najboljim ljudima, otišao na vojnu* (186). Grobljanske priče o vampirima i vukodlacima pripadaju tipičnim fantastičnim žanrovima. Sliku vampira je nametnula zapadna književnost iako je istočnog porekla. To je mrtvac koji po starom verovanju noću napušta grob, davi ljude i sisa krv. Vampir je opasan za bremenite žene kojima im može oteti nerodjenu decu, otima decu, mleko stoka i seje nepoznate bolesti. Spas od ove napasti jeste samo jedan: zabijanje glogovog kolca u grob gospože Dafine. Za ovaj posao odabran je sluga Ananije i iščekivana je samo jedna tiha i vidna noć u kojoj će se seljaci osloboditi vampira. *Sa sekirom i kocem, Ananije provuče se kroz plot, čim se mesečina javi...Zakačiv gunjem o ogradu, on se umalo ne vrati, toliko se prepae od neobičnog izgleda poljane, žume i brega, što se digoše pred njim...Oko ponoći Ananije počne da zabija...ispravi se zato i, u punoj noći, pali po kocu, koliko je god mogao. Kolac mu se izyrte i on se stušti nad njim, ispravivši se ponovo, udarajući kao lud po njemu. Činilo mu se da čuje, kako probija sloj zemlje, pokrov i mrtvaca... Na to se Ananije prepade, udariv glavom o krov i, omašivši kolac, koji je već bio duboko zabijen u zemlju, razbi sekirom nogu. Pavši preko groba, imao je, ipak, toliko snage da urlajući potrči za ženama i da se odbatrga do plota svoje kuće, rasplašivši pse i ovce. Tu, provlačeći se kroz plot, čekao ga je mećjutim opet vrag, zakačivši ga gunjem za plot, baš za šiju, tako da je visio kao zadavijen, stenjući, iskolačenim očima, strahovito osedeo, sve dok ga psi, pred zorom, ne naajoše i ne otcepiše od trnja i balvana, zavijajući strahovito...Dan, dva, zatim udari sneg i mećava* (190-191).

Interesantna jeste i sekvencijalna priča o prividjenjima Stane, Arkadijeva žena koja se preselila sa detetom u onu kolibu u kojoj je gospođa Dafina provela svoju poslednju noć sa mužem. Živeći mesecima sama, plačući za mužem Stana je jedne noći primila jednog pastira i zadivila ga je svojim čarima. Od tada su njeni

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Ljubavnici išli k njoj kao na litiju. Jedne je zore videla na svom pragu vampira, a od tada je *svu noć mislila samo na vukodlake i vampire* (190). Odlučila je da podje zajedno sa Ananijevom ženom i kćerkom na groblje da vidi kako ovaj zabija glogov kolac i ubija vampira. Na tom put pada *u veliku jamu, punu blata i pleve za zidar, je do grudi, zatim upada u baru, iz koje više, ni desno, ni levo, nje nalazila izlaza mada je padala u nesvest, čuvši žabe oko sebe... U samrtnom strahu... noj se učini da vidi Arkadija, u vodi, pred sobom, kako leži raskrečen, raširenih ruku, mrtav, pod bijelim i mućjem* (193). U tim užasnim trenucima ona se seti svog razvratu i svojih ljubavnika kao i pričanja o gospoži Dafini koja je pred smrt videla muža.

Iako neupadljivim po kvantitetu, ova celovita epizoda sekvencijalnih fabula ima moralističku i didaktičku funkciju, kolebajući se između carstva nebeskog i carstva zemaljskoga.

Posle nekoliko dana kad se sve stišalo, jedino čudo je ostala činjenica što je Ananije počeo seljanima da vraća ukradene ovce i konje, nadajući se da će na ovaj način iskupiti učinjeni greh i izlečiti osakaćenu nogu. Taj usmereni strah od iskušenja, kazne, nečistih sila, pakla i večitog ispaštanja meša se u narodnoj mašti s paganskim duhovnim nasleđem. Priče o vampirima i vukodklacima zamenjenje su brigom oko isušivanja močvara i dizanja crkve u selu. Strah od mrtve Dafine zamenjen je strahom od prirode, jer preživljavanje jednog straha od ljudi, živih i neživih moguće je na ovom svetom nastankom drugog, jačeg straha od prirodnih nepogoda i njenih čudi.

Grobljanski motiv mrtve drage i avetinjske žene, obsesivna prividjenja i oniričke priče obnavljaju se i variraju u lirskim bojama u *Drugcj knjizi Seoba* (1962) Miloša Crnjanskog*6* u četvrtom poglavlju⁷ (str. 173-178). Romantičarski oblici književne fantastike upleteni su u ovoj prozi zajedno sa simbolističkom prenapregnutošću unutrašnjih značenja, s mističnom omaglicom kao i sa tipološkim odlikama psihološke fantastike koja prodire duboko, u najstarije slojeve podsvesti, kao prirodna žudnja za metafizičkim uzletom čovekove duše.

Pavle Isakovič sanja svoju mrtvu ženu prvi put u zatvoru u Temišvaru. Ta mlada žena koja je umrla na porodjaju godinu pre i koju je već bio zaboravio dolazi mu u san svake noći milujući i ljubeći ga, sve lepša i sve primamljivija. On doživljava ove snove kao da *se igraju sa njim ćjavoli*, kao da su to *ajavoijske čini ili zli dusi*. Te noći ljubavi u snu bile su toliko istinite da je, *bio užasnut tom potpunom sličnošću, istovetnošću, sna, i jave* (174) a kad bi došao k sebi ujutru, *pomisli da će s uma sići*. Slika mrtve drage bila je ista svake noći: *Dolazila mu je, izdaleka, a nečujno, u providnoj plavoj krinolini, a silazila nekim slapom, u rumeni zalazećeg Sunca. Imala je uvek svoju crnu lepezu u ruci* (174). Vrhunac tih irealnih noći bio je san leta. *Bila je došla i počela da ga grli i ljubi, pa se uz njega pribi, a on oseti, iznenađen, da više nisu na zemlji, nego lete. ...a taj let je bio tako prijatan, nečujan, lak, kao da nisu imali krila, a nisu morali krilima ni maći. Dizali su se u visinu...Taj let, sa vrha na vrh, bio je nešto najluđe i najprijatnije, što je Pavle doživeo, u životu* (175).

Medjutim, san koji ga je najviše uzbudio bio je onaj kada je sanjao ženu na samrti i iznova doživljavao sav bol i strašne muke posle gubitka voljene žene: *Taj njen šapat, isprekidan kricima, da je bilo malo, da je suviše kratko, toliko su se Pavlu, posle, u mozak zarili, da je ludeo, kad bi ostao sam, u noći* (176).

U svim njegovim snovima, jarkih boja, opojnih mirisa, nedostaju auditivni elementi, sve je *nečujno, šapuće se*, osim ovog poslednjeg: *To, da je život kratak, da su tako malo bili zajedno, ponavljao je sebi, posle, i sam, u bezbroj različitih, a istih, reči, gunđajući, ali je prvi put čuo, to, kao sa drugog sveta, u snu, na prenoćištu u Dukiji.* (177) Ovaj san mu je izmenio stav o životu, uvidevši *koliku snagu imcju, u ljudskom životu, čjubavi i smrti...da bi ljubav ljudska trebalo da ima trajanje večnosti* (177)

Budjenje iz sna je teško, bolno i tajanstveno. *Svetlost zore prosjavala je, teško...sve je bilo belo i rjem popalo.* Ta bezmerna čistota prvog popalog snega na opadalo žuto lišće jeste kraj sna i početak novog života, raskid sa prošlošću i želja da stigne izmenjen u Rosiju kuda je pošao. *Samo ta žalost za umrlom ženom, nje se merjala u rjemu* (180) niti saznanje *da je ta žena, kcju je imao, i sahranio, onakva, kakvu više nikad ne može imati* (177). Duša ima pristupa u snu u božanstvenom carstvu, kao vesnik sudbine.

Iako u opusu Miloša Crnjanskog književna fantastika ne zauzima značajno mesto, vidljivo je žanrovsko prožimanje kao izraz samosvojnosti i istovremeno kao potreba za alternativom i drugim svetom. U izabranim primerima pisac nudi neočekivana rešenja od **folklorne, didaktičke, grobljanske, madjijske, demonske, psihološke, do poetske fantastike**, sve to iskombinovano i izmešano u strukturi modernističke proze.

U oba primera lik žene (Dafina i Katinka) jeste izvor provale nestvarnog u realni svet, magije čuda i čudesnog, putovanje u drugi svet sna i mešanje natprirodnog sa prirodnim.

Obe se episode sa elementima fantastike završavaju sa dolaskom snega koji zamenjuje strah od ljudi strahom od prirode i tako se okonča prstenasti kompozicioni procedu, svojstven autoru.

Svi neobični događaji minu u sećanju, svet se vraća u svakodnevnu muku, u sivilost realne svakodnevnice.

Srpska današnja fantastična književnost⁸ radije i lakše menja ikonografiju i dekor fabule nego njenu unutrašnju strukturu i jezgro samog žanra, to što dovodi do veoma širokih tipoloških mogućnosti: uz klasične oblike preradjenje **folkorne fantastike** (kod Milisava Savića, Vidosava Stevanovića, Borislava Pekića u obliku grobljanske priče o utvarama, vampirskog motiva), psihološke fantastike (kod Miodraga Bulatovića, Miodraga Pavlovića, Milorada Pavića, Danila Kiša, Borislava Pekića u obliku demonskog naturalizma, metafizičke skrivalice, groteske, negativne utopije) u novijoj srpskoj prozi su se razvili i neki postmodernistički oblici književne fantastike kao što su **fantastični realizam, kritička fantastika i kritička ironija** (kod Svetlane Velmar-Janković, Davida Albaharija ili Svetislava Basare). Nekada smatrana nižim oblikom površne lektire, fantastika i njeni elementi su se dokazali izdržljivijim od mnogih klasičnih žanrova.

S druge strane, pojam fantastike se menja u moderno doba, prostor fantastike se smanjuje za današnjeg čoveka XXI veka kome su mnoge tajne otkrivene, ali fantastika će uvek preći preko sve medijske granice i naći će uvek rešenja za

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

izlazak ljudskog duha iz zatvorenog prostora i vremena u stalnom kolebanju izmedju nebeskog i zemaljskog carstva.

Note

- 1 Miloš Crnjanski, *Zbornik radova*, Beograd, 1972, str. 226
- 2 Vidi Pavel Rudjakov, *Istorija kao roman*, Zavod za udžbenike i nastavna sredstva, Vukova zadužbina, Matica srpska, 1998
- 3 Ivo Andrić, *Esaji I*, Sabrana dela Ive Andrića, knj. XII, Beograd, 1976, str. 25
- 4 Miloš Crnjanski, *Seobe*, Nolit, Beograd, 1990
- 5 Antoaneta Olteanu, *Metamorfozele sacrului*, *Dicționar de mitologie populară*, Paideia, București, 1998, pag. 253
- 6 Miloš Crnjanski, *Druga knjiga Seoba*, Nolit, Beograd, 1990
- 7 Odlomak ovog poglavlja pod naslovom *Privlačerija* nalazi se u antologiji *Knjiga srpske fantastike XII-XX vek, II*, u izboru Predraga Palavestre, SKŽ, Beograd, 1989, str. 52-62
- 8 Predrag Palavestra, *Knjiga srpske fantastike XII-XX*, u predgovoru: Kritičke odlike srpske fantastike, SKZ, Beograd, 1989, str. XXXIV

RECENZII
REVIEWS

Pavol Winczer, *Súvislosti v čase a priestore. Básnická avantgarda, jej prekonávanie a dedičstvo (Čechy, Slovensko a Poľsko)* [Corelații în timp și spațiu. Avangarda poetică, depășirea și moștenirea ei. (Cehia, Slovacia, Polonia)], Bratislava, 2000, 320 pagini.

Absolvent al Facultății de Litere a Universității Caroline din Praga, mulți ani cercetător la Institutul de Literatură al Academiei Slovace de Științe, Pavol Winczer este din anul 1993 profesor la Universitatea din Viena, unde predă un curs de literaturi slave vestice.

Cartea lui Pavol Winczer este una dintre cele mai importante lucrări născute în cuibul de comparatistică de la Institutul de literatură al Academiei Slovace, cuib clădit cu migală de Dionýz D'urišín, reputatul autor al volumului *Teória literárnej komparatistiky* (Teoria comparatisticii literare).

Autorul are în urma sa o seamă de studii ce anticipează apariția acestui volum dedicat analizei comparate a fenomenului poetic avangardist din Cehia, Slovacia și Polonia: *Problémy literárnej avantgardy* (Probleme ale avangardei literare), 1969, *Poezia Františka Halasa a príbuzné javy v polskej lyrike* (Poezia lui František Halas și fenomene înrudite în lirica poloneză), 1972, *Poetika básnických smerov v polskej a slovenskej poézii 20. storočia* (Poetika curenților poetice în lirica poloneză și slovacă din secolul 20), 1974, *Horovove preklady z Juliana Przyboša* (Traducerile lui Horov din Julian Przyboś), 1974, *Apokalypsa v poézii poľských katastrofistov (1932-1944) a v básnickej skladbe Rudolfa Fábryho Ja je niekto iný* (Apocalipsa în poezia catastrofiștilor polonezi din anii 1932-1944 și în poemul lui Rudolf Fabry Eu sunt altul) și altele – toate însemnând o preocupare și o aprofundare continuă a studiului comparat al celor trei literaturi apropiate geografic și înrudite.

Pe două repere principale se sprijină argumenția lui Pavol Winczer pentru a-și justifica demersul de a studia *asemănările și relațiile* dintre trei literaturi slave „occidentale”: în primul rând pe realitatea că Cehia, Slovacia și Polonia au evoluat până la 1918 sub ocupație străină, realitate din care decurge, în al doilea rând, modul relativ similar în care au recepționat impulsurile moderniste. E o idee mai veche vehiculată în istoriografia literară că până în 1918 în aceste țări lipsite de libertate literatura îndeplinea și o funcție socială, scriitorul se simțea dator să fie, prin scrierile sale, și un luptător pentru cauza națională. Dar și în aceste condiții, subliniază autorul, preponderența funcției extraestetice (politice, naționale) diferă de la o literatură la alta, Polonia și Cehia, în comparație cu Slovacia, fiind mai devreme penetrate de idei moderniste (p. 18-19). Deși „presiunea bătrânilor”, despre care vorbește Pavol Winczer, adică presiunea scriitorilor de orientare realistă, asupra tinerilor, nu i-a împiedecat pe mai tinerii scriitori slovaci să se îndrepte spre noi orizonturi și să dea naștere unui puternic curent simbolist și neoromantic chiar din prima decadă a secolului al XX-lea. La slovaci, după părerea noastră, schimbul natural de generații s-a produs cu o relativă întârziere.

Urmare a precedentului istoric și a inerției, s-a menținut o anumită o anumită tensiune între funcția estetică și cea extraestetice și după dobândirea libertății naționale în 1918. Sub influența din ce în ce mai presantă a curenților poetice de avangardă, funcția estetică prevalează. În această ordine de idei, este pe larg tratat

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

rolul avut de „modelul” poeziei lui Apollinaire în dezangajarea liricii poloneze, cehe și slovace. Referirile se fac în special la poezia lui Vítězslav Nezval, căreia autorul îi acordă o atenție deosebită. De o analiză aparte se bucură opera poezilor suprarealiști slovaci Rudolf Fabry și Vladimir Reisel, dar și opera poezilor polonezi „catastrofici” precum Józef Czechowicz, Czesław Miłosz. Poezia lui Julian Tuwim este analizată doar prin prizma raporturilor ei cu poezia pentru copii a lui Miroslav Válek și L'ubomír Feldek în ultimul capitol al cărții (*Poezia slovacă pentru copii și Julian Tuwim*).

Lucrarea lui Pavol Winczer, fundamentată pe o vastă informație, se încheie cu un amplu rezumat în limba engleză, cu lista bibliografiei selective și cu un indice de autori.

Corneliu Barborică

Dagmar Mária Anoca, *Slovenská literatúra v Rumunsku* (Vydavateľstvo „Ivan Krasko”, 2002, 256 pagini)

În ultimii ani, conferențiar dr. Dagmar Mária Anoca a desfășurat o intensă activitate de cercetare în domeniul literaturii, dar și al lingvisticii.

După volumele Hľadane sferického priestoru (În căutarea spațiului sferic), Literárne reflexie (Meditații literare), ambele în 1997 și Fonetika a fonológia slovenčiny, 1998 se prezintă în anul 2002 cu o amplă sinteză, o exegeză pătrunzătoare și densă privind literatura de expresie slovacă din România. Ca și în lucrările precedente și aici impresionează rigoarea științifică.

Nu-i scapă nimic, nici cel mai mic firicel de talent care s-a definit până acum ca personalitate literară. În afara marilor figuri ale spațiului literar slovac de pe teritoriul României și totodată creatori ai acestui spațiu, cum sunt Pavel Bujtár, Ondrej Štefanko, Ivan Miroslav Ambruš, Ondrej Zetocha, Pavel Husárik și alții, amintește pe scurt și creația altora care s-au afirmat ca autori de scrieri originale, apărute în special în publicații peridice, și ca traducători. (Dintre aceștia personal l-aș remarca pe sârguinciosul Štefan Unatinský.) Autoarea este atentă și la creația tinerelor mlădițe precum Anna Karolína Dovaľová, Radovan Karkuš sau Michal Ondrej Veleg. Dintre toți scriitorii la loc de frunte așează pe Ondrej Štefanko, a cărui activitate pe tărâmul literelor este copleșitor de multilaterală: autor de poezii și proză cu tentă inconfundabilă, editor de cărți și reviste literare, traducător din slovacă în română și invers, inițiator al cercului literar „Ivan Krasko” unde a avut și are posibilitatea să se afirme orice formă de talent, un bărbat generos și cu idei fără de care activitatea literară și publicistică a slovacilor din România nu se știe dacă ar putea exista.

Autoarea este o abilă mânătoare a condeiului, știe să separe grâul de neghină, să nuanțeze, cu un tact demn de invidiat, și să rânduiască pe scara valorilor acolo unde îi este locul fiecare operă la care face referire. Deși în realitate și Dagmar Mária Anoca face parte din categoria „deschizătorilor de drum” sau a creatorilor de spațiu literar, cum i-am numit mai înainte, cu modestie nu-și permite să se înscrie printre aceștia, lăsându-l pe Michal Harpán, critic literar și scriitor provenit din Voivodina iugoslavă, să-i prezinte realizările într-un capitol intitulat *Schițe pentru un portret al creației Dagmar Mariei Anocová*. Michal Harpán își

începe „schitele” cu următoarea caracterizare globală: „Dagmar Mária Anocová este o personalitate multilaterală – domeniile ei de creație sunt poezia, proza, literatura pentru copii, traducerile, critica, teoria și istoria literară, lingvistica. În fiecare dintre aceste domenii a ajuns la rezultate notabile și în fiecare dintre ele se simte o voce specifică, atât în contextul literaturii slovace din România, cât și în contextul mai larg al literaturii slovace din Ținuturile de Jos”.

Autoarea procedează metodic. Într-o amplă parte introductivă precizează conceptele cu care urmează să opereze. O preocupă în special în ce raporturi de rudenie și cu cine se află literatura slovacilor din România și ajunge la concluzia că aceasta se situează în patru contexte: 1. Contextul propriu. 2. contextul literar slovac. 3. Contextul literaturii din așa zisul spațiu al „Ținuturilor de Jos” (Kontext Dolnozemskej literatúry). 4. Contextul literar românesc. Teoria contextelor reprezintă o adaptare proprie a conceptelor instrumentate de comparatistul slovac Dionýz D’urišín și de adepții acestuia.

Pentru cititorul român doritor să afle mai multe despre aceste concepte, ca și despre literatura slovacilor din România, volumul este prevăzut și cu un rezumat în limba română. Explicația este însă destul de sumară. Ca să se înțeleagă mai bine de pildă, ce reprezintă denumirea „ținuturile de jos”, ar fi trebuit, poate, să se spună măcar în câteva cuvinte că este vorba despre insule de etnici slovaci emigrați, la începutul secolului al XVIII-lea, din Slovacia muntoasă spre sudul imperiului habsburgic, spre acel sud cu șesuri mănoase, dar pustiite de ocupația turcească care a durat peste două sute de ani.

După dispariția Imperiului Austro-Ungar, nu e clar în ce măsură poate fi funcțional „contextul literaturii din Ținuturile de Jos”. (De fapt, traducerea mai corectă mi se pare Țara de Jos – în slovacă Dolná zem – „zem”, atunci când a apărut pentru prima oară această denumire, adică în secolul trecut, însemna „țară”. După părerea noastră, singurele „contexte” demne de luat în seamă sunt literatura din patria de origine, adică literatura slovacă, și literatura română. Celelalte „insule” literare, cea din Voivodina și Ungaria, se raportează în mod specific tot în primul rând la literatura din patria de baștină la literatura sârbă, în cazul slovacilor din Iugoslavia, și la literatura maghiară, în cazul celor din Ungaria. De fapt, raportarea la cultura sau literatura țării unde trăiesc astăzi trebuie foarte bine argumentată. Cred însă că un asemenea demers nu-l poate face decât o persoană bună cunoscătoare a ambelor literaturi. Dar o asemenea persoană este cam greu de găsit. Care, de exemplu, critic sau istoric literar român s-ar încumeta să o facă fără a risca afirmații hazardate precum sunt ale lui Viktor Kochol de partea slovacă? Sau afirmații generale nesuținute cu argumente ca ale lui Peter Štilicha. Dar pentru ca să apară un critic literar român care să studieze relația literaturii slovace din România cu literatura română, după părerea mea ar fi nevoie de două lucruri. În primul rând de o intensificare a traducerilor din această literatură și de o mai bună difuzare a acestora pe întreg teritoriul țării, cu precădere în București. În al doilea rând, ar fi necesare niște prelegeri privitoare la literatura slovacilor (și nu numai) din România la toate universitățile din țară în cadrul cursurilor de literatură română. Vasăzică scriitorii minoritari fac parte din Uniunea Scriitorilor din România, sunt distinși cu premii ale acestei uniuni, dar nici un istoric literar serios nu-i bagă în seamă. Ar fi timpul ca să se proclame cu glas tare că literatura minorităților naționale este și parte a literaturii române. Și să apară ca atare în toate istoriile literaturii române și în toate manualele școlare.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Cum se poate ajunge la asta? Nu știu. Sunt convins însă că o propunere în acest sens ar fi binevenită în comisia pentru minorități – dacă există așa ceva – a parlamentului. Dacă o asemenea măsură ar fi adoptată, s-ar putea să se ivească peste un deceniu sau chiar mai curând un istoric literar român în stare să-și asume o atare misiune.

Convingerea noastră este că literatura slovacilor din România este în primul rând trup din trupul literaturii de pe teritoriul Republicii Slovace și ar trebui socotită și ca o ramură a acesteia ca, de altfel, toată literatura produsă de diaspora slovacă din așa numita Țară de Jos. Constat că și în Republica Slovacă istoricii literari sunt prea puțin interesați de fenomenele literare în limba slovacă ce apar dincolo de granițele acestei țări. Cine pierde dintr-o astfel de „amputare”? Cultura slovacă, bineînțeles.

În fine, se impune precizarea că lucrarea nu poate să reprezinte decât parțial și subsidiar o „istorie”. O istorie adevărată începe abia în perioada anilor 70'- 80' când s-a produs fenomenul de estetizare a cuvântului în proză și în versuri. În acești ani se naște adevărata literatură cultă. Între ce s-a scris înainte, opera unor intelectuali cu preocupări literare sau istoriografice din secolul trecut, și ce scriu literații slovaci de astăzi nu poate fi o legătură organică. Fără această organicitate nu există istorie.

Corneliu Barborică

Michal Gáfrik, *Na pomedzí moderny* (În pragul modernismului),
Bratislava, 2001.

Cunoscutul istoric literar, editor și publicist slovac, Michal Gáfrik (1931), s-a dedicat cercetării literaturii slovace interbelice, cu predilecție studiului operei unor scriitori printre care se numără Ludmila Podjavorinská, Janko Jesenský, Ivan Krasko, dar mai cu seamă Martin Rázus, chiar și în perioada când fusese înlăturat din ceea ce s-ar putea numi critica oficială a vremii. Rodul preocupărilor sale se regăsește în volume de istorie literară cum sunt: *Etická próza Martina Rázusa* (Proza etică a lui Martin Rázus, 1979), *Próza slovenskej moderny* (Proza modernismului slovac, 1993), *Rázusovské návraty* (Reveniri la Rázus, 1995). A îngrijit și editat operele complete ale poetului Ivan Krasko (unde sunt cuprinse și traducerile acestuia din poezia românească) precum și lucrarea lui Rázus *Argumenty. Hovory so synom a s tebou* (Argumente. Convorbiri cu fiul și cu tine, 1993).

În anul 2001 i-a apărut culegerea de studii intitulată *Na pomedzí moderny* (În pragul modernismului) care constituie o finalizare a demersului său de cercetător în domeniul modernismului literar slovac („slovenská moderna“), axându-se pe problemele privind caracterul, temele, izvoarele acestui curent literar, precum și ecourile stârnite de acesta.

Volumul cuprinde mai multe capitole, revăzute și adăugite, contribuții mai vechi, dar și texte noi, inedite, toate reunite prin tema comună, astfel ca și un cititor exigent, cu o viziune asupra literaturii interbelice de-acum formată să poată găsi un nou punct de vedere, o nouă optică. De altfel autorul menționează aceasta în ultimul capitol al cărții, arătând că primele trei texte au rezultat din prelucrări

successive ale materialelor pregătite în vederea publicării lor într-o ediție a istoriei literaturii slovace sub egida academiei de științe - fapt care nu a avut loc nici până în prezent. În ce privește articolul referitor la biografia Ludmillei Groeblová, rezultă că acesta este destinat să apară drept prefață la scrierile acesteia, ce urmează să fie publicate în colecția Arhiva literară a Maticei slovenská. Structura cărții vine să confirme faptul că Michal Gáfrik, este un vechi și bun cunoscător al literaturii interbelice. După ce în primele capitole, cu un caracter sintetic, tratează probleme legate de geneza acestui curent și urmărește genurile literare cultivate în acest răstimp (Modernismul slovac – geneză, definiție, caracteristici; Proza curentului modernist slovac; Dramaturgia curentului modernist slovac), atenția și-o îndreaptă asupra poezilor emblematici pentru acest curent literar, îndeosebi asupra creației lui Janko Jesenský, Ivan Krasko (Popas la Jesenský; Procesul de formare a poetului Ivan Krasko; A vorbit Ivan Krasko...), fără a-i neglija însă pe prozatorii timpului (Timrava și modernismul slovac). De asemenea, comentează năzuințele tinerilor și modul în care ei se raportează față de generația vârstnică (Atacul polemic al lui Roy împotriva lui Vajanský), precum și atitudinea personalităților consacrate față de modernismul slovac (Jozef Škultéty și curentele moderne în poezia vremii; Vajanský și modernismul slovac).

Relevante sunt, de asemenea, capitolele dedicate unor autori mai puțin cunoscuți și care nu constituie obiectul predilect al istoricilor literari, dar care au contribuit la închegarea peisajului literar slovac în răstimpul duratei curentului modernist (Poezia lui Tichomír Milkim; Opera poetică a Ludmillei Podjavorinská; Contribuții la biografia Ludmillei Groeblová; Necrolog tardiv pentru Ludmila Groeblová). Aflăm, astfel, amănunte cu privire la convorbirile autorului cu Ludmila Groeblová, precum și la pierderile inerente muncii de cercetare, determinate de diverse cauze neprevăzute, cum s-a întâmplat și în cazul acestei scriitoare, care nefiind pregătită sufletește să poarte o discuție îndelungată cu autorul, nu a mai reușit să-i ofere detalii cu o altă ocazie, întrucât convorbirea s-a dovedit a fi ultima. Prin urmare criticul literar îndeamnă la continuarea cercetărilor cu privire la creionarea biografiei și profilului acestei scriitoare foarte puțin cunoscute, deși la vremea respectivă criticul František Votruba a caracterizat-o ca fiind o personalitate agreabilă și de mare valoare, fără însă a-și dezvolta sau argumenta mai amănunțit afirmațiile. În urma corespondenței purtate cu scriitoarea Groeblová, Michal Gáfrik a reușit să cunoască unele dintre opiniile ei despre literatură și a ținut să le împărtășească cititorului citând fragmente din scrisoarea Groeblovei datând din 1965, din care reiese că aceasta a considerat drept cele mai frumoase povestiri din lume textul *Moșierii de altădată* de Gogol și *Șfârșitul lui Palo Ročko de Božena Slančíková Timrava* (Necrolog tardiv pentru Ludmila Groeblová).

În capitolul *Procesul de formare a poetului Ivan Krasko* istoricul literar surprinde faptul că în perioada postbelică vocea poetului a rămas fără ecou, nu a trezit nici un interes. Pe de altă parte aduce în prim plan imaginea tinereții lui Janko Botto, părerile și concepțiile sale despre creația literară, evoluția lor în timp, poetul fiind la un moment dat adeptul principiului “artei pentru artă.” Aceasta întregeste portretul personalității marelui poet slovac, iar pe de altă parte, împreună cu ideile sale referitoare la “sinceritatea creației” sau a “creației din adâncurile sufletului,” laolaltă cu argumentele privind enigmaticele resorturi ale propriilor sale stări sufletești constituie motivul pentru care la un moment dat a

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

“tăcut”. La întrebarea, de ce nu mai scrie, Krasko a răspuns: “să scrii versuri e ușor. Dar să scrii poeme este o treabă foarte, foarte grea.” Poetul “dramei inimii” devine poetul “dramei intelectului.” În capitolul *A vorbit Ivan Krasko...* se reiterează afirmația devenită de notorietate că dintre poeții europeni cunoscuți de către tânărul Janko Botto, “cel mai îndrăgit poet al lui în tinerețe a fost Eminescu.”

Motivele interesului cercetătorului pentru modernismul slovac – un curent important în istoria literaturii slovace de la începutul secolului al XX-lea, autorul le dezvăluie în ultimul capitol (Cuvânt de încheiere sau “de ce modernismul?”), ca fiind sentimentul obligației și al bucuriei demersului științific, adăugând totodată observația, atât de caracteristică exigențelor sale de perfecționist: „Mă necăjește faptul că deși m-am ocupat îndeaproape de modernismul slovac, problematica acestuia nu este, nici din punctul meu de vedere, nici pe departe încheiată.”

Volumul este prevăzut cu aparatul științific de rigoare care situează textele în aria stilului științific, dar iscusința utilizării și transmiterii informației într-un mod plăcut și captivant face din acest volum, aidoma monografiei despre Martin Rázus (Michal Gáfrik, *Martin Rázus-osobnosť a dielo*, 2000), nu numai o sursă de cunoștințe noi, ci și un prilej de bucurie a lecturii.

Ana Motyovszki

Б.Д. Бондалетов, Н.Г. Самсонов, Л.Н. Самсонова. Старославянский язык. Сборник упражнений, М., 2001, 312 с.

Время от времени появляются издания, трактующие вопросы, связанные с древними языками. Одним из этих является труд трех специалистов РФ, за подписью которых выходили и другие ценные издания (Литература, с.307), необходимые для изучения старославянского языка, дисциплины филологического цикла; в данном случае речь идет о Сборнике упражнений, в котором имеются не только сами упражнения, как на первый взгляд информирует заглавие. По всюду в книге (Фонетика, 19; Морфология, 84; Синтаксис, 170; Лексика, 192; Фразеология, 240; Словообразование, 249; Приложения, 273) освещаются теоретические проблемы сферы языка (некоторые разделы – лексика, фразеология, словообразование – являются новыми), что следует оценить и как вклад авторов в ответ на требования программы курса, но и как их стремление расширить кругозор филолога-русиста, филолога-слависта вузов.

Книга отличается обилием материала по памятникам и сравнениями/сопоставлениями с материалом других славянских языков, таблицами (с. 104-155) и точным изложением по разделам курса, что читатель, студент, преподаватель по-настоящему оценят как реальную помощь в процессе понимания столь древних фактов, исчезнувшего языка.

Материал книги служит целям овладения программой курса и дополняет во многих случаях знания, по которым в курсе лекций читающему такой курс не всегда можно распространить, осветить во всей полноте массы

вопросов законченного древнего текста. По опыту разных лет можно сказать, что основные разделы освещаются по программе, но имеются и разделы (синтаксис, лексика, словообразование), где изложение отличается сжатостью; как правило, считается, что на семинарских занятиях все можно дополнить. Для студента-филолога данное издание является весьма необходимым для сравнений с материалом других славянских языков, с материалом родного языка. Достаточно часто к материалу настоящего издания могут обратиться и студенты, изучающие другие языки, студенты исторического факультета или факультета журналистики, аспиранты, преподаватели, заинтересованные в выяснении широкого круга вопросов и желающие по-новому смотреть на процесс развития современных славянских языков на протяжении веков.

Книга является и уместным доказательством развития старославянского языка столь компетентно изложенного в тех заданиях, которые в изобилии имеются по самым разным разделам курса.

Среди достоинств издания, подписанного профессорами с большим стажем в вузах РФ, следует выделить внимание составителей к лексическим единицам и контексту (звуковые процессы, связанные с тенденцией к открытости слога, слова, означающие числа, морфемика, словообразование – не единственные случаи), запоминание которых стоит перед студентом в предверии семинара или сессии.

Некоторые разделы, на наш взгляд, следует расширить при переиздании (афиксальный способ образования слов и словарь – ведь «трудными» являются почти все единицы лексики для современного читателя).

Приятно признать точность текста книги, как и ее оформление. Думается, что настоящее пособие (кстати, оно не только пособие), относится к тем научным изданиям настоящего момента и заслуживает высокой оценки филологических инстанций и публики разных поколений. Издание является одним из самых полных за последние 50 лет и самым интересным по оформлению вопросов, заданий по множеству проблем старославянского языка. Авторам читатели будут признательны за труд, освещающий столь сложные и разнообразные аспекты древнего языка. Искренние поздравления заслуживают все авторы за удачное издание и В.Д. Бондалетов дополнительно за безупречное редактирование и компьютерный набор, связанный в данном случае с древностью книжного письменного материала.

București, 9 mai 2003

Maria Dumitrescu

**ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО
ЯЗЫКА. ЯЗЫКОВЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОНЦА XX СТОЛЕТИЯ,**

Москва: АСТ, 2001, 944 с.

В авторской редакции вышел новый лекикографический труд ряда специалистов (автор проекта и главный редактор, Г.Н. Складская; составители: Е.Ю. Ваюлина, Т.И. Гайкович, А.В. Зеленин, Т.В. Кормилицина, Т.А. Корованенко, В.Д. Луков, Г.Н. Складская, Н.Г. Стулова, Н.В. Трифонова, А.А. Шушков); том был утвержден к изданию ИЛИ РАН.

В Толковом словаре современного русского языка получили теоретическое освещение более 7000 единиц лексики и устойчивых словосочетаний последнего десятилетия XX века.

Рецензируемое издание является одним из самых новых не только по году его выхода в свет, но и по содержанию: включенные единицы в большинстве случаев являются действительно новыми, что вполне соответствует заглавию тома. Эти лексемы были отражены печатью (более 200 наименований в списке источников словаря; правда, научная сфера и сфера фармацевтики РФ могла бы быть расширена) данного периода и сопровождаются иллюстрацией.

Отдельной страницы для Содержания тома нет, но фактически в томе имеются: Предисловие (40 с., сюда вошли: Особенности словаря; Содержание словаря; Семантическое членение слова. Толкование; Иллюстрации; Стилистическая и функциональная характеристика слова; справочный отдел, Приложение; Как пользоваться словарем. Структура словаря; Порядок и оформление словарной статьи [по частям речи]; Основные и дополнительные словари на одной странице, где кроме Толкового словаря русского языка под ред. Д.Н. Ушакова и БАС, 1 и 2-ое его издания, цитируются авторитетные словари второй половины XX века, точнее последних трех десятилетий; Словарь [А-Я, 1-881 с.] и Приложение: А-З, единицы с латинским алфавитом, 882-895 с.).

Словарь отражает новую концепцию составителей в отношении селекции материала, структуры статьи, в отношении дериватов, заимствованных единиц, аббревиатур (раньше в некоторых случаях эти единицы не учитывались совсем), словосочетаний, фразеологизмов и пр. Статьи словаря являются доказательством кропотливой работы над лексемой: кроме грамматического статуса, единица сопровождается точным определением, указывается происхождение (много англ.: bike, beach, CD-R, dumping, modem, punk, PR, spray, hacker, shaping); раздел сочетаемости превышает все ожидания по широте информации (боевик во 2-ом значении, валюта, группа), что можно сказать и в отношении деривации, где статьи Интернет (более 20 производных, к чему можно было бы легко еще добавить), евро (14 дериватов) и др. точно информируют читателя о прогрессе техники и технологий времени.

В данном словаре встречаются классические единицы (аван гард, агитатор, библия, кадет, кабинет, народный, цена) и реально новые (большинство включенных единиц относится к этой кате гории: андерграунд, адаптер, адрес в 3-м значении, имидж, произ водные с анти-, их более 60), которые по количеству и трактовке приятно впечатляют (достаточно ли 5000 экз.?) не только в данный момент, но и долгое время, когда переиздание вероятно учтет двой ное количество единиц.

Словарь можно считать радостным явлением и по тому, что он содержит и необходимый корпус аббревиатур (ГМ-, ЕГЭ, НДС, РИА, РУБОП, РФ, СПИД), о которых не все знают.

Включены в словарь и весьма активные единицы, составлен ные из двух компонентов: акционерно-биржевый, арт-бизнес, приём никраспределитель, секретарь-референт, социал-демократ, супер маркетный, товарно-фьючерсный, топ-модель, хит-парад, факс-мо дем). Статьи в словаре своей насыщенностью (группа, госу дарственный, деньги, курс, реформа, рынок, система,) как и иллюстрация текстом по самым разнообразным СМИ дополнительно впечатляют пользователя.

Приложение, содержащее единицы с латинским алфавитом (*cache, card, IBM, lap-top, PC, PR, VIP-номер, Web, Windows* и производные к этой единице) свидетельствуют лишний раз о кон цепции составителей, о новой манере и о новом отношении к ряду явлений современной лексики, фактически – доказательство про гресса на другом уровне.

На форзацах тома помещены отзывы ряда крупных специали с тов в отношении качества материала словаря.

Выполнен том на современном уровне, что следует отнести к новому отношению в данной сфере. Словом – по содержанию и типу графскому выполнению том, составители и техники заслуживают высокой оценки и им читатели будут благодарны постоянно.

Мария Думитреску

Бухарест, ноябрь 2002 г.

P. Pavlov, I. Ianev, D. Cain, *Istoria Bulgariei*, Editura Corint, București, 2002, 189 p.

De câțiva ani încoace, Editura Corint a lansat în librării o colecție de istorie universală intitulată *Microsinteze*, care a reușit să se impună într-un timp scurt și să aibă căutare în rândul cititorilor de toate vârstele.

În această colecție, coordonată de către prof. dr. Șerban Papacostea – membru corespondent al Academiei Române, a apărut și prima sinteză monografică consacrată istoriei Bulgariei.

Până în prezent, în limba română, nu s-a publicat o lucrare de sine stătătoare

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

privind evoluția istorică a lumii bulgare. Aceasta nu înseamnă, însă, că de-a lungul timpului cercetătorii români nu au elaborat lucrări despre istoria vecinilor noștri de la sud de Dunăre. Încă din a doua jumătate a secolului al XIX-lea cel care a ridicat la nivel european studiile de slavistică de la noi, filologul și istoricul Ioan Bogdan, consacră o atenție deosebită descoperirii, studierii și publicării documentelor slavone referitoare la istoria românilor și a popoarelor slave din jur. Îi vor urma cu contribuții valoroase Nicolae Iorga, P. P. Panaitescu, Ilie Bărbulescu și, ceva mai aproape de noi, C. Velichi, G. Mihăilă, Elena Siupiur ș.a. Studiile acestora au vizat cu precădere numai anumite aspecte ale relațiilor româno-bulgare în plan filologic, istoric, cultural.

Lucrarea de față, ce vine să umple acest gol, este rodul colaborării dintre trei cercetători din Bulgaria și România, toți relativ tineri (fapt nelipsit de importantă):

Plamen Petkov (n. 1958) este profesor a Universitatea „Sf. Kiril și Metodiu” din Veliko-Târnovo, specialist în istoria medievală a popoarelor balcanice și în istoria Bizanțului. A elaborat capitolele I-III ale lucrării de față. În prezent îndeplinește funcția de președinte al Agenției pentru bulgarii din străinătate de pe lângă Consiliul de Miniștri al Republicii Bulgaria.

Capitolele IV și V sunt alcătuite de către dr. în istorie Iordan Ianov (n. 1953), specialist în istoria modernă și contemporană a Bulgariei. Domnia-sa este cercetător în cadrul Direcției generale a arhivelor Consiliului de Miniștri al Republicii Bulgaria și în prezent îndeplinește funcția de director în cadrul Agenției pentru bulgarii din străinătate.

Din partea română participă Daniel Cain (n. 1972), doctorand al Universității din București, cu specializare în istoria modernă și contemporană a Europei de sud-est. A elaborat capitolul al VI-lea, a tradus capitolele I-V și a realizat notele acestei lucrări.

Cartea este structurată pe șase capitole cu subcapitole, și anume, **I. Antichitate și Ev Mediu: Strămoși, Formarea Bulgariei Dunărene, Creștinarea bulgarilor, „Secolul de aur” al lui Simeon cel Mare, Samuil și „epopeea bulgară” (971-1018), Bulgaria sub stăpânire bizantină (1018-1186), Eliberarea și consolidarea țaratului bulgar (1186-1207), Bulgaria în secolele XIII-XIV, Bulgaria și cucerirea otomană, Bulgaria, bulgarii și lumea medievală; II. Stăpânirea otomană în teritoriile bulgarești (secolele XV-XVII); III. Renașterea națională bulgară (secolul al XVIII-1878): Lupta pentru o biserică autocefală, Mișcarea de eliberare națională, Epopeea din Aprilie 1876, Războiul ruso-turc de eliberare; IV. Cel de-al treilea țarat bulgar – Ascensiune și tragedie: Constituția, Epoca lui Ștefan Stambolov, Extaz și tristețe, Ani frământați, Decizii cruciale; V. Comunismul la putere – Iluzii și experimente: Democrație sau dictatură, Socialismul lui Jivkov, Cultură cu dimensiuni europene; VI. Bulgaria postcomunistă.**

După 1990, atât în Bulgaria, cât și în România, a demarat și este în curs de desfășurare o amplă acțiune de reanalizare și de rescriere a istoriei – mai vechi sau mai noi – prin înlăturarea a ceea ce a adus negativ regimul comunist și prin punerea în circulație a unei noi documentații, mai ales pentru perioada recentă. Cei trei autori îi propun cititorului român o viziune nouă, modernă de abordare a trecutului, perfect articulată tendințelor actuale ale istoriografiei. În cadrul lucrării sunt analizate (pe cât a permis spațiul acesteia) și aspecte ale relațiilor bilaterale,

ce au cunoscut lumini și umbre, precum și probleme controversate în istoriografiile nord și sud dunărene, interpretate diferit de către istoricii din cele două țări, cum ar fi etnogenezele, originea Asăneștilor, soarta ținuturilor dobrogene, românismul balcanic din diferitele zone sud dunărene, relațiile internaționale în sud-estul Europei în secolul al XX-lea. În unele capitole cititorul român va găsi afirmații și interpretări diferite de cele ale istoricilor români și acest fenomen trebuie privit ca ceva normal în efortul de apropiere de adevărul istoric, cu condiția menținerii unei priviri obiective, liberă de naționalism și șovinism.

Meritele acestei cărți nu sunt puține: o primă sinteză (chiar dacă nu de mari dimensiuni) de istorie a poporului bulgar, un demers spre înțelegerea unui alt mod de a gândi și de a scrie istoria. Nu ne putem dori decât ca lectura acestei lucrări să contribuie la o mai pronunțată apropiere dintre cele două popoare și țări pe drumul integrării europene, la o mai bună cunoaștere a vecinilor noștri din sud, a trecutului și a tradițiilor lor, cu atât mai mult cu cât destinele noastre istorice s-au împletit continuu (și cartea de față o demonstrează) în varii forme de-a lungul veacurilor până în zilele noastre dar și de acum încolo.

Mariana Mangiulea

PERSONALIA

PETRE P. PANAITESCU
(la 100 de ani de la naștere)

Pe 13 martie 2000, s-a împlinit un veac de când a văzut lumina zilei cel ce avea să fie unul din cei mai avizați istorici ai culturii române: Petre P. Panaitescu. Așa cum s-a mai spus, în acest domeniu el își ocupă – fără tăgadă – locul său, în ilustra serie inaugurată de B. P. Hașdeu și continuată de Ioan Bogdan și Nicolae Iorga.

Nu-mi propun să trec în revistă operele sale. Le cunoaștem cu toții. Mulți dintre noi, chiar dacă nu ne-am numărat printre studenții sau colaboratorii săi apropiați, le-am citit și le-am folosit adesea în lucrările noastre.

După ce l-am *citit* – încă de pe băncile facultății, și l-am *citat* nu o dată, până în vremea din urmă, mă încumet acum, la această dată aniversară, să *vorbesc* și să *scriu* pentru prima dată despre P. P. Panaitescu. O fac din două motive, ca slavist și ca polonist, ca unul care, deși i-am fost foarte rar aproape, am folosit pe larg în cariera didactică și științifică rezultatele esențiale ca și de amănunt ale operei sale.

Într-adevăr, în ciuda unor opreliști care i-au stat împotriva, P. P. Panaitescu a fost, poate fără voia sa, dar în orice caz, fără voia altora (!), *un mare spirit, un creator de școală*. L-a evocat ca atare, nu de mult, profesorul C. N. Velichi (la a 25a comemorare a morții savantului, în 1993)¹, după ce, încă în viață fiind, fusese definit ca „cel mai mare istoric al culturii vechi românești în epoca sa” (Dan Zamfirescu)².

Soarta a făcut să fiu pentru prima dată aproape de P. P. Panaitescu nu în țară, ci în afara ei. Eram, în septembrie 1963, la Sofia, la Al V-lea Congres Internațional al Slaviștilor. După ce și-a citit comunicarea (*Trăsăturile specifice ale literaturii slavo-române*)³, noi, românii aflați în sală, l-am înconjurat să-l felicităm și atunci, regretata mea profesoară, doamna Lucia Djamo-Diaconiță m-a prezentat lui Panaitescu, care mi-a strâns mâna, mulțumindu-mi că nu l-am uitat în studiul meu despre termenii de origine polonă în documentele slavo-moldovenesti⁴. De altfel, și în comunicarea noastră colectivă la Congres, despre „trăsăturile caracteristice ale slavonei de redacție românească”, în primul paragraf de *Introducere* care mi-a revenit⁵, am pornit, în parte, și de la studiile sale anterioare. Cu același prilej, în timpul excursiei prin Bulgaria, oferită de gazde nouă, participanților la Congres, m-am nimerit – alături de alți colegi români – în același autobuz cu marele istoric. Ne-am fotografiat cu toții, pe marginea șoselei, în timpul unei pauze propuse de șoferul bulgar. Panaitescu, în centru, alături de el, iubita sa tovarășă de viață, doamna Silvia, în jurul său noi, ceilalți, dintre care – remarc acum pe distinsul filolog și lingvist, profesorul Gheorghe Ivănescu și pe doamna Tatiana Nicolescu, fosta mea profesoară de literatură rusă din facultate. Păstrez și acum această frumoasă poză, ca o scumpă amintire de la începutul carierei.

Patru ani mai târziu, după o grea suferință, P. P. Panaitescu ne părăsea pentru totdeauna. Conul de umbră, gata să se aștearnă – ca în atâtea cazuri – peste amintirea unor mari dispăruți – a fost spulberat de două volume „de familie”, îngrijite de doamna Silvia Panaitescu, *P. P. Panaitescu în lumina scrisorilor din tinerețe* (București, Minerva, 1970) și *Pagini de jurnal (1921-1927)* (Cluj,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Editura Dacia, 1974). A fost o revelație. Din ele ne-a apărut tuturor un alt Panaitescu, nu autorul consacrat al acelor opere fundamentale de istorie a culturii române vechi – de atâtea ori citite și citate, folosite curent în munca noastră cu studenții la cursurile și seminariile de slavistică de la facultățile de istorie și filologie, ca indiscutabile lucrări de referință –, ci tânărul savant în devenire, din perioada acumulărilor dar și al primelor izbânzi științifice, aprofundate și solide, ca tot ceea ce va înfăptui și mai târziu. Este aici acel „Kico” (cum își semna scrisorile către viitoarea soție), tânărul de douăzeci și ceva de ani, frământat de grijile pregătirii examenelor la N. Iorga (trecute, evident, cu brio!), dar și tulburat de frumusețea diafană a unei colege de studenție, conștient de superioritatea sa chiar în raport cu unii contemporani, deja celebri în studiul istoriei, dar și sensibil la opera de artă de mare valoare, de muzică (Mozart, Beethoven), de pictură (Da Vinci, Corot), de poezie (Goethe), el însuși poet și filozof, cu comentarii subtile și neașteptate, având greutatea unui aforism.

În anii când în țară apăreau aceste cărți mă aflam la Cracovia, ca lector de limbă și literatură română la Universitatea Jagiellonă, acolo unde a funcționat și Panaitescu în anii 1923-1924. Ani buni, din 1969 și până în vara anului 1976, am pășit aici pe urmele marelui istoric. În decembrie 1971, când s-au sărbătorit 50 de ani de la înființarea lectoratului de limba română de la Cracovia, în cuvântul meu l-am evocat pe P. P. Panaitescu ca al doilea dintre români (după Gr. Nandriș) în istoria predării limbii române la Cracovia. La expoziția jubiliară organizată cu același prilej în holul bibliotecii Jagiellone a putut fi văzută – printre alte numeroase exponate – copia actului cu nr. L/1347 din 30 noiembrie 1923 prin care decanul facultății de filologie, prof. J. Kalenbach, cerea Senatului Universitar confirmarea numirii lui P. P. Panaitescu în postul de lector (act pe care l-am găsit în Arhiva Universității)⁶. După trei decenii, citesc și recitesc cu emoție aceste cărți de jurnal și corespondență și, evident, sunt de reținut, paginile consacrate Cracoviei, mediului universitar, oamenilor de știință de aici, muncii sale de cercetare. De la bun început, îmi îngădui, în acest plan, o remarcă: mi se pare că tânărul istoric s-a simțit aici în elementul său din două motive. Primul, prin *structura sa psihică* (în *Jurnal*, p. 34, 13 iulie 1921, se autodefinia astfel: „Cu sufletul meu slav, plin de contraziceri, de întuneric și de lumini înșelătoare, pot să știu ceva hotărât?”), caracterizată prin înclinație spre autoironie, spre „epicurism intelectual” (p. 37), un amestec de exactitate și meticulozitate cu accentele de artă și poezie (dar nu la modul romantic, hasdeian, cred), ce-și găsesc expresia în formulări sugestive, de veritabilă artă literară (vezi, de pildă, splendida descriere a pădurii de la Sinaia: „Când ieși dintre vilele urâte și pretențioase, o găsești îndată, solemnă, cu brazii drepti și mândri ca niște sfeșnice de biserică, în care se slujește o tăcută liturghie”, p. 39) sau în declarația fățișă de „a închea din ce în ce mai mult istoria cu arta literară” (p. 43). Această simbioză dintre emoție și profunzime cu fiorul emoțional a simțit-o desigur Panaitescu din primele momente ale șederii la Cracovia (11 februarie 1923, *Jurnal*, p. 95 ș.a.). Pentru tânărul istoric care știa ce a însemnat Cracovia pentru trecutul românesc (și aici trebuie semnalat al doilea motiv: Cracovia, înțeleasă ca o comoară de informații istorice pentru români), nu este de mirare fervoarea cu care s-a aruncat din prima clipă asupra arhivelor încărcate de documente referitoare la istoria noastră; în același timp, observatorul fin al realității, cu fire de artist, ne încântă prin marea artă a cuvântului în descrierea locurilor pe unde a trecut, începând cu călătoria din țară,

prin Bucovina și Lemberg, până în vechea capitală a Poloniei, cu zidurile ei vechi, cu muzeele și monumentele sale încărcate de nostalgia trecutului glorios. După numai câteva săptămâni petrecute aici, pline de contacte felurite cu oameni de știință, filologi și istorici mai ales (S. Wędkiewicz – marele romanist, filoromân, K. Piekarski – bibliograful născut la Tg. Jiu, fiul lui Witold Rola Piekarski, vechiul prieten al lui Hasdeu) și mulți alții, după ore și zile întregi petrecute la Muzeul Czartoryski copiind pe nerăsuflete sute de pagini de documente, găsește timp pentru jurnal și pentru scris, ori pentru articole despre cultura și literatura română pentru reviste poloneze, chiar și pentru un articol despre Cracovia trimis revistei „Ramuri” din Craiova (*Jurnal*, p. 109)⁷ și redactat cu aceeași sensibilitate și căldură ca și notele de jurnal.

Întreaga activitate a lui Panaitescu – la Cracovia (bogată și multilaterală într-un timp relativ scurt de mai puțin de doi ani) – cuprinzând cercetări în biblioteci și arhive și culminând cu teza sa de doctorat despre influența polonă în opera cronicarilor Grigore Ureche și Miron Costin (1925), prelegeri de limbă și literatură română la Universitate (seara, la ora 18), numeroase studii și articole (unele de popularizare) din domeniul literaturii române, publicate în Polonia (cu deosebire în revista „Przełąd Współczesny” din Cracovia), ca și monografiile finalizate ulterior, după întoarcerea în țară (asupra lui Mihai Viteazul și D. Cantemir, asupra revoluției de la 1848), edițiile din opera cronicarilor (Gr. Ureche, M. Costin), au făcut obiectul unui capitol aparte din teza de doctorat a lui V. Jeglinski despre *Relațiile culturale româno-polone în prima jumătate a secolului al XX-lea* (1976)⁸.

Mai trebuie adăugat că P. P. Panaitescu s-a bucurat totdeauna de frumoase aprecieri din partea intelectualilor poloni, cu deosebire filologii și istoricii care s-au ocupat și de problematica relațiilor culturale româno-polone, ca S. Wędkiewicz, care îl alătură pe Panaitescu lui Gr. Nandriș, printre tinerii cercetători români de cea mai bună tradiție Hasdeu-Bogdan-Iorga⁹; mărturie stau și frumoasele dedicații ale unor autori poloni pe extrasele din lucrările lor dăruite lui Panaitescu de-a lungul anilor și aflate acum – legate în bloc (sub cota comună „Varia”), în biblioteca Facultății de Istorie din București. Ne putem lesne imagina câte numeroase aspecte noi ni s-ar putea dezvălui pe acest plan din vasta sa corespondență, încă inedită.

În ciuda faptului că a fost un autor controversat sau/și incomod (pentru unii, în anumite perioade ale vieții sale)¹⁰, rămâne un fapt de netăgăduit că în probleme majore ale istoriei culturii și civilizației românești, în ansamblu, ca și în problematica româno-polonă în particular nu se poate scrie azi un studiu serios fără a se recurge la opiniile lui P. P. Panaitescu, fără a-l pomeni măcar în literatura subiectului. A scris mult și divers (vezi bibliografia operelor sale, publicată de D. Zamfirescu în „Romanoslavica”, XI, 1965)¹¹, dar, deși unele lucrări i-au fost reeditate în ultimii ani, mai rămân încă numeroase manuscrise nepublicate¹² și ne putem aștepta ca scoaterea lor la lumină să ne ofere revelații deosebite. Dar chiar cunoscând numai ce s-a publicat, când abordăm un subiect din domeniul slavisticii, al relațiilor culturale și științifice româno-slave (mai ales româno-polone), ar fi de neiertat să nu ne întrebăm măcar dacă nu cumva în domeniul respectiv și-a spus cuvântul și P. P. Panaitescu. Dintre numeroasele situații de acest gen, în care am fost pus eu însumi, amintesc una care mi se pare sugestivă.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

În decembrie 1998 mă aflam la Paris, ca invitat al Comitetului Francez de organizare a sărbătoririi bicentenarului poetului polonez Adam Mickiewicz. În marea și moderna aură de la Collège de France (instituția unde își ținuse și Mickiewicz vestitele sale prelegeri despre istoria slavilor în plan comparat) am vorbit despre Mickiewicz în contextul relațiilor culturale franco-polono-române. Puteam oare să nu-l pomenesc și pe Panaitescu ca titular al cursului de istoria Poloniei la Universitatea din București și autor al unor studii fundamentale despre emigrația polonă și revoluția română de la 1848? Iar în ultima zi a simpozionului când organizatorii mi-au făcut onoarea de a prezida ședința de încheiere, am ținut să-mi exprim profunda emoție la gândul că în clădirea Bibliotecii Poloneze, în care ne aflam, studiasse Bălcescu, cu mai bine de 150 de ani în urmă, că aici, la 10 decembrie 1925 Panaitescu l-a întâlnit și a stat de vorbă cu fiul poetului, Władysław Mickiewicz, trecut de 80 de ani, care-i cunoscuse în copilărie la 1848 pe tinerii pașoptiști români din Paris, după cum a povestit pe larg în *Jurnal* (p.145-146).

* * *

Cartea bună, cartea veche, cartea rară – manuscrisă sau tipărită – au fost, prin natura lor, preocuparea de căpătâi a istoricului și filologului. Panaitescu amintește de câteva ori, în *Jurnal* și *Scrisori*, de orele petrecute în anticariatele cracoviene sau la licitațiile de carte veche. Uneori nu cumpăra nimic, de altfel în anticariate nu intri în mod deliberat, ca într-o librărie, ca să cumperi o carte pe care o cauți, de care ai neapărată nevoie, și pentru care ai, de regulă, o sumă de bani pregătită. Într-un anticariat intri, de cele mai multe ori, ca să *descoperi* o tipăritură, s-o scoți din uitare, din praful rafturilor, s-o admiri datorită elementelor *unice* ale exemplarului cu pricina (note manuscrise ale autorului sau proprietarului anterior al cărții, dedicații, ș.a.), care-i conferă o valoare suplimentară, fiind nu o dată un izvor de informații inedite asupra autorului, asupra circulației textului. Și asta, chiar dacă n-ai nici un ban în buzunar sau prea puțini, achiziția ca atare putând s-o faci mai târziu...Ne putem lesne închipui ce sacrificiu a făcut Panaitescu, cumpărând de la vreun anticariat din Cracovia (în perioada trăită aici, sau cu un alt prilej, pentru că în paginile publicate din *Jurnal* sau *Scrisori* nu se spune nimic) – nici mai mult, nici mai puțin decât monumentală ediție în două volume în folio a istoriei lui Jan Długosz (Leipzig, 1711-1712)! Exemplarul care i-a aparținut se păstrează și azi cu sfințenie la Biblioteca Facultății de Istorie din București, cota CR IV 1981 și a fost cumpărat de Panaitescu la Cracovia în ziua de 19 XI 1923 (pe vorsatz Ir al vol.I din 1711, figurează data de “19 XI”, scrisă cu creionul și credem că *anul nu putea fi 1922* – pentru că Panaitescu nu se găsea încă la Cracovia, și *nici 1924*, pentru că atunci plecase deja!). L-am cercetat cu atenție prin 1980-81, pregătind comunicarea ținută la Asociația Slaviștilor din România despre receptarea operei lui Długosz la noi (cu prilejul împlinirii a 500 de ani de la moartea istoricului polon). Semnalez încă o dată, cu acest prilej al centenarului nașterii lui Panaitescu, un fapt deosebit: exemplarul acesta este *unic* și în comparație cu altele din București și din țară, prin aceea că el conține un index aparte redactat de Panaitescu însuși – cuprinzând *toate prezențele românești* (date, evenimente, personalități) din cronica lui Długosz, cu indicarea volumului și paginii; foile respective se găsesc la sfârșitul fiecăruia dintre cele 2

volume. Panaitescu-istoricul a făcut singur un lucru pe care nu i l-a cerut nimeni, dar de necesitatea căruia și-a dat seama: de a-și ușura sieși (se pot depista elemente de informație românească din Długosz folosite în cursul său *Izvoarele slave externe ale istoriei românilor* ținut în anul universitar 1933/34 la Facultatea de Istorie, și în alte lucrări ale sale), și deci, oricui, după el, consultarea mai rapidă a textului, având în vedere că *Index rerum* tipărit este, el însuși, destul de întins și, chiar așa fiind, tot nu cuprinde toate acele „valachica” de interes pentru un istoric român. Un lucru rar, o faptă extraordinară!

Și atunci, după ce, umblând, ca și Panaitescu, prin anticariatele Cracoviei, în căutarea de tipărituri ce m-ar fi interesat (cu rezultate de-a dreptul surprinzătoare, asupra cărora nu insist, în acest context), nu puteam să las, uitate în vreun raft mai rar consultat din anticariat, o carte sau alta scrisă de Panaitescu, mai ales dacă aceasta și avea dedicație autografă. Posed trei asemenea cărți, cumpărate în anticariate bucureștene:

Un exemplar din *Nicolas Spathar Milesco (1636-1708), extract des „Mélanges de l'École Roumaine en France, 1925, I-re partie”, Paris*, cu dedicație: „à Mr. Le prince Vladimir Ghica, hommage respectueux de l'auteur. P. P. Panaitescu, Paris 4 Février 1926”. În *Jurnal* (p. 150), sub data 2 februarie 1926 (deci cu două zile mai înainte), Panaitescu nota: „Am făcut cunoștință cu părintele prinț Vladimir Ghica, un om cu mâini extraordinar de fine, mâini de renaștere. Mi-a vorbit de o mulțime de lucruri, pare foarte versat în istorie română și slavă, în special a bisericii, mândru de descendența sa din Movilești”; două zile mai târziu îi dăruia acestuia cartea sa.

Un exemplar din Miron Costin, *Istorie în versuri polone despre Moldova și Țara Românească (1684), ediție și traducere de P. P. Panaitescu, extras din „Academia Română, Memoriile Secțiunii Istorice”, Seria III, Tomul X, Memoriul 7, București, 1929, p.365-496*, în care din dedicație a mai rămas numai: „omagiul respectuos P. P. Panaitescu”, pentru că numele destinatarului nu se cunoaște (partea de sus a dedicației a fost tăiată, desigur, în momentul vânzării cărții la anticariat, cum se întâmplă de multe ori!);

P. P. Panaitescu, *La littérature slavo-roumaine (XVe-XVIIe siècles) et son importance pour l'histoire des littératures slaves (extras din Sbornik prací I. Sjezdu slovanských filologů v Praze, 1929, Svazek II), V.Praze, 1931, 12 p*, cu dedicația: „Dlui prof. N. Bănescu, omagiu din partea autorului P. P. Panaitescu” (nedată)¹³.

Este prima lucrare a lui P. P. Panaitescu din domeniul istoriei culturii de limbă slavonă la români – urmată de multe altele, până la fundamentala *Introducere la istoria culturii românești* (apărută postum, 1969). După Ioan Bogdan, această primă sinteză – succintă, dar cuprinzând date esențiale – este, totodată, și prima contribuție științifică românească în domeniu prezentată la un congres internațional. Într-un istoric al participărilor românești la Congresele internaționale ale slaviștilor (G. Mihăilă)¹⁴ această comunicare a lui P. P. Panaitescu s-a bucurat de cea mai obiectivă și călduroasă apreciere.

Desigur, mulți dintre noi, cei care l-au cunoscut pe P. P. Panaitescu și au beneficiat de marea sa știință, ar putea să se confeseze, arătând ce îi datorează în propriile lucrări. Îmi îngădui în încheiere să adaug că P. P. Panaitescu – polonistul – figurează în cea mai recentă *Enciclopedie literară polonă* (1985; ed. II, 2000), alături de alți istorici și filologi români care s-a ocupat de relațiile

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

româno-polone, atât în articol aparte, cât și în cel de sinteză¹⁵. Iar când, în 1991, la conferința internațională consacrată primelor tipărituri cirilice, la Cracovia, am trecut în revistă studiile românești despre Szwajpolt Fiol – tipograful, l-am amintit și pe P. P. Panaitescu – cunosătorul avizat al manuscriselor și tipăriturilor slavone, cu studiul său la ediția *Liturghierului lui Macarie* (1961)¹⁶.

Mi se pare însă că cea mai potrivită recunoaștere a meritelor lui P. P. Panaitescu – istoricul slavist și polonist, o constituie evocarea lui la cursuri și seminarii; la cursul de *Paleografie slavă* de la Facultatea de Istorie sau la cel de masterat în filologie slavă de la Facultatea de Limbi și Literaturi străine precum și la cursul de *Introducere în filologie polonă*, numele lui P. P. Panaitescu este rostit nu o dată, cu respectul și venerația ce se cuvin Omului și Savantului pentru care nimic ce e românesc nu i-a fost străin, atât acasă, în țara sa, cât și pe alte meleaguri.

Mihai Mitu

NOTE

- 1 Теѣтул н „Романославица”, ЁЁИИ, 1994, п. 25-34
- 2 În prefața la P. P. Panaitescu, *Contribuții la istoria culturii românești*, București, Editura Minerva, 1971, p. XIII (reprodusă în D. Zamfirescu, *Contribuții la istoria literaturii române vechi*, București, 1981, p.230)
- 3 Теѣтул н „Романославица”, ИЁ, 1963, п.267-290
- 4 Теѣтул н „Романославица”, ВИИИ, 1962, п.155-224
- 5 Теѣтул н „Романославица”, ИЁ, 1963, п.109-113
- 6 Деспре ацтивитатеа лецторатулуй ромѡн ла Срацовиа ѡи, имплицит, деспре Р. Р. Панаетеску – са лектор аѡи веѡи S. Zukasik, Пологне ет Роумание. Ауѣ цонфинс дес деуѣ пеуплес ет дес деуѣ лангуес, Парис-Црацовиа, 1938, п.137-178; М. Миту, *50 de ani de filologie romѡnă la Universitatea din Срацовиа*, н „Лимбă ѡи литературă”, 1972; S. Widlak, *Studii de limba romѡnă la Universitatea Jagiellonă*, н вол. *Relații culturale romѡno-polone*, București, 1982, p.16-22
- 7 Теѣтул н „Рамури”, Цраиова, ЁВИИ, 1923, нр. 6, 15 мартие, п. 102-104 (*Note de călătorie*)
- 8 Capitol reluat ѡи ѡнтр-ун студиу aparte, P. P. Panaitescu ѡн contextul relațiilor romѡno-polone н вол. цолецтив Студии литераре ром но-славе, București, 1978
- 9 н студиул З Дзией ю Полонистьки Ю Румунии Богдан Петрицеицу Хасдеу, н „Праце Филологицзне”, Юарсзаюа, ЁИИ, 1927, п.474-488
- 10 Веѡи пентру адеаста *Posifața* семнатă де Ștefan Panaitescu, *Interpretări romѡnești. Studii de istorie economică ѡи socială*, Ediția a II-a, București, Editura Enciclopedică, 1997, p. 241-257.
- 11 Republicată де D. Zamfirescu ѡн *Contribuții la istoria literaturii române vechi*, București, 1981, p.230-240
- 12 Vezi o listă парțială а ацестора ѡн постфаța ла *Interpretări romѡnești*, ед. ИИ, п. 256, нота 56.
- 13 Este bizantinologul Nicolae Bănescu (1878-1971) ла ацеа датă професор ла Universitatea din Cluj, май тѡрзиу опозант ал lui Panaitescu (cf. discuțiile ла Academie, ла 3 martie 1944, пе marginea studiului lui Panaitescu „*Perioada slavonă*” а ромѡни ѡи ruperea de cultura Apusului, репродусе н нотеле едиторулуй ла *Interpretări romѡnești*, ed. II, București, 1944, p.225-228).

14 P
п.221-257

н „Романославица” ЁЁВ, 1988,

15 Литература полска. Прзеюодник енцьклопедыцнь, II, Warszawa, 1985, p.139 și 320-321; Литература плоска ЁЁ-го юиеку. Прзеюодник енцьклопедыцнь, II, Warszawa, 2000, p.5 și 531-533.

16 М. Митру, *Ze Studiów rumuńskich nad Szwaipoltem Fiolem*, н вол. *Rękopis a druk. Najstarsze druki cerkiewno – słowiańskie i ich stosunek do tradycji rękopiśmiennej (Meteriały Z Sesji Kraków 7-10 XI, 1991)*, Крак ю, 1993, п.69-77.

Mihai Mitu la a 65-a aniversare

Profesorul Mihai Mitu a absolvit Facultatea de Filologie a Universității din București în anul 1959 (specialitatea limbă și literatură polonă) și în octombrie același an a fost angajat ca preparator la Catedra de limbi slave sudice. Îndelungata sa carieră didactică și pedagogică a urmat un curs ascendent, pe deplin meritat, prin avansarea la gradul de asistent în anul 1961, de lector în 1970, de conferențiar în 1991 și de profesor universitar în anul 1999. Titlul de doctor în filologie îl obține în anul 1971 cu o teză despre *Opera lui Ioan Budai-Deleanu în contextul relațiilor culturale și științifice româno-slave*.

Pedagog înnăscut, permanent preocupat de a transmite informația teoretică într-o manieră atractivă, profesorul Mihai Mitu predă de peste 35 de ani, cu aceeași pasiune, cursuri fundamentale de slavistică: slavă veche și slavonă românească, gramatică comparată, paleografie slavo-română, istoria slavilor, precum și cursul de limbă polonă contemporană.

Numeroase generații de studenți de la secțiile de limbi slave ale Facultății de Limbi și Literaturi Străine, de la Facultatea de Litere și de la Facultatea de Istorie, din cadrul masteratului de filologie slavă au beneficiat și beneficiază în continuare de talentul său pedagogic, de vasta sa pregătire profesională. Nu puțini sunt tinerii care au găsit în domnia sa imbold, sprijin generos, îndrumare exigentă și plină de înțelegere.

În afara activității didactice din domeniul slavisticii, între anii 1969-1972 și 1973-1976, când a funcționat ca lector de limba și literatura română la Institutul de filologie romanică al Universității Jagiellone din Cracovia, profesorul Mihai Mitu a ținut în cadrul lectoratului cursuri practice de limba română, cursuri de istoria culturii și civilizației românești, de folclor, de literatură română veche. Merită să amintim faptul că unii dintre foștii săi studenți de la Cracovia își continuă activitatea ca specialiști în filologie română în calitate de cadre universitare sau dețin posturi în diplomație.

Împlinirea sa ca profesor s-a concretizat și în elaborarea unor lucrări cu caracter didactic, de certă valoare științifică, cum ar fi capitolul *Lexicul* din binecunoscutul manual universitar de *Slavă veche și slavonă românească* (coord. prof. Pande Olteanu, Editura Didactică și Pedagogică, București, 1975) și *Slavona românească. Studii și texte*, Editura Universității București, 2002.

Interesul constant pentru o prestație de calitate la catedră a fost și este în mod fericit acompaniat de o permanentă și riguroasă muncă de cercetare, de o prezență

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

activă la numeroase manifestări științifice în țară și străinătate.

De la bun început se cuvine să evidențiem diversitatea preocupărilor științifice ale profesorului Mihai Mitu, concretizate în domenii ca slava veche și slavona românească, limba și literatura polonă, relații culturale și științifice româno-slave (cu deosebire româno-polone), interferențe lingvistice româno-slave (mai ales româno-polone), istoria cărții, bibliologie (cf. lista de lucrări).

Unul din meritele profesorului Mitu este de a fi adunat un bogat și variat material științific din biblioteci, arhive, atât din România, cât și cu prilejul călătoriilor sale de documentare în Polonia, Cehia, Slovacia, Bulgaria, Iugoslavia, Rusia, și de a le fi valorificat și prezentat cu rigurozitate științifică. După 1990, în edituri consacrate, i-au apărut trei cărți interesante – rod al acestor cercetări îndelungate și minuțioase (vezi lista de lucrări).

De-a lungul anilor sunt numeroase participările domniei sale cu comunicări, cele mai multe publicate, la sesiuni științifice din București (Universitate, Asociația Slaviștilor, Societatea de Științe Filologice, Academia Română), din Cluj, Drobeta-Turnu Severin ș.a. De asemenea, profesorul Mihai Mitu a luat parte, până în prezent, la 5 congrese internaționale de slavistică, precum și la manifestări științifice de prestigiu din Polonia, Cehia, Franța.

Contribuțiile sale l-au făcut cunoscut în lumea științifică a slavisticii românești și străine. Din 1992 colaborează la alcătuirea *Bibliografiei internaționale de lingvistică slavă* (din care au apărut 5 volume) și din 1995 la *Enciclopedia istoriografiei literare polone*. Este membru al colectivului de redacție al *Dicționarului etimologic al limbii române* (în pregătire la Institutul de lingvistică „Iorgu Iordan” al Academiei Române), iar pentru colaborarea la ediția jubiliară a *Bibliei de la București (1688)* i s-a decernat premiul „Timotei Cipariu” al Academiei Române pe anul 1998.

În gama variată de preocupări profesionale ale profesorului Mihai Mitu un loc aparte îl ocupă traducerile în limba română din proza și poezia polonă. Traducător înzestrat, are în palmares opt volume, însoțite de prefețe sau studii introductive, printre care le amintim pe cele mai recente: Jan Potocki, *Manuscrisul găsit la Saragossa*, Editura 800 p. și Ryszard Kapuściński, *Abanos*, Editura Paralela 45, 2002, 352 p.

Nu putem încheia acest profil al profesorului Mihai Mitu fără a evidenția contribuția sa semnificativă la buna organizare a activității Asociației Slaviștilor din România ca secretar al Asociației din 1976 până în 1990, când a fost ales membru în Comitetul de conducere. Pe parcursul aceleiași perioade, 1976-1990, a îndeplinit cu seriozitate, pasiune și competență funcția de secretar de redacție al culegerii de studii „Romanoslavica”, ce apare sub egida Asociației Slaviștilor din România în colaborare cu Catedra de limbi și literaturi slave și Catedra de filologie rusă ale Facultății de Limbi și Literaturi Străine – Universitatea din București. În momentul de față, domnia sa este unul dintre vicepreședinții Asociației Slaviștilor din România și responsabil adjunct de redacție al publicației „Romanoslavica”.

În aceste rânduri am încercat să creionăm profilul unui om cu vocația dăruirii în tot ce a realizat, care și-a slujit cu exemplaritate profesiunea, căreia i se dedică și astăzi cu aceeași energie. Colegii, colaboratorii, foștii și actualii studenți îi doresc deplină sănătate, putere de muncă și noi succese.

Mariana Mangiulea

**Lista lucrărilor profesorului Mihai Mitu
Bibliografie selectivă**

Tratate, manuale, monografii publicate în edituri consacrate

1. *Slavă veche și slavonă românească*, București, Editura Didactică și Pedagogică, 1975, p. 227-238, 314-316 și 354-358;
2. *B. P. Hasdeu și contemporanii săi români și străini (corespondență emisă și primită)*, vol. III, București, Editura Minerva, 1984, p. 188-190, 209-210, 212-218, 243-248, 253-261, 266-271, 275-279;
3. *Biblia adecă Dumnezeiasca Scriptură (Biblia de la București, 1688)*, ediție jubiliară, București, Editura Institutului Biblic, 1988, p. 429-446, 446-452, 614-621, 632-639;
4. *Cercetări lingvistice și literare româno-slave*, București, Editura Universității, 1996, 312 p. și 38 p. ilustrații;
5. *Oameni și fapte din secolul al XVIII-lea românesc*, București, Editura Atos, 1998, 272 p.;
6. *Studii de etimologie româno-slavă*, București, Editura Univers Enciclopedic, 2001, 240 p.;
7. *Bibliografia językoznawstwa slawistycznego za rok 1996, z uzupełnieniami za lata 1992-1995*, pod red. Zofii Rudnik-Karwatowej, Polska Akademia Nauk. Instytut Slawistyki. Towarzystwo Naukowe Warszawskie, Warszawa, 2001;
8. *Slavona românească. Studii și texte*, București, Editura Universității, 2002, 84 p. și 68 texte.

Studii și articole

1. *Termeni de origine polonă în documentele slavo-moldovenești (1388-1517)*, în "Romanoslavica", VIII, 1963, p. 155-224;
2. *Etimologii românești în "Dicționarul limbii polone"*, în "Romanoslavica", XII, 1965, p. 67-92;
3. *Ioan Budai-Deleanu et les problèmes de l'étymologie slavo-roumaine*, în "Revue roumaine de linguistique", XIV, 1969, p. 143-154;
4. *Concepții și metode moderne în opera lingvistică și filologică a lui Ioan Budai-Deleanu*, în "Limbă și literatură", 27, București, 1971, p. 159-175;

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

5. *Scrisori ale lui Jan Baudouin de Courtenay către B. P. Hasdeu*, în "Romanoslavica", XVIII, 1972, p. 347-362. (Retipărit în vol. colectiv *B. P. Hasdeu și contemporanii săi români și străini*, vol. I, București, Ed. Minerva, 1972, p. 59-70);
6. "Pentru începutul limbei românești..." (Ioan Budai-Deleanu – scrisoare către Petru Maior), în "Manuscriptum", III, 1972, nr. 1 (6), p. 53-69 (în colaborare);
7. *Ioan Budai-Deleanu – o licitație la Lvov*, în "Manuscriptum", IV, 1973, nr. 3 (12), p. 145-161 ("Scriitori români în arhive străine");
8. *Note lexicale și etimologice*, în "Limba română", XXIII, 1974, nr. 2, p. 123-133 (atestări, sensuri și etimologii la 44 de cuvinte, completări pe marginea DLR, literele M și O);
9. *Note lexicale și etimologice*, în "Limba română", XXV, 1976, nr. 1, p. 73-81 (atestări, sensuri și etimologii la 40 de cuvinte, completări pe marginea DLR, literele N și P);
10. *Contribuții la istoria relațiilor culturale italo-polono-române în sec. al XVII-lea și al XVIII-lea*, în "Revista de istorie și teorie literară", 25, 1976, nr. 1, p. 137-142;
11. *Note lexicale și etimologice*, în "Limba română", XXVII, 1978, nr. 6, p. 589-595 (atestări, sensuri și etimologii la 44 de cuvinte, completări la DLR, literele M și N);
12. *Voltaireism și rousseauism în opera poetică a lui Ioan Budai-Deleanu*, în "Analele Universității din București", seria Limbi și literaturi străine, XXVII, 1978, fasc. II, p. 53-58;
13. *Note lexicale și etimologice*, în "Limba română", XXVIII, 1979, nr. 1, p. 15-24 (atestări, sensuri și etimologii la 66 de cuvinte, completări la DLR, literele O, P și R);
14. *O pagină necunoscută din istoria slavisticii românești: cercetările de etimologie slavo-română ale lui Iosif Naniescu*, în "Romanoslavica", XIX, 1979, p. 83-94;
15. *Ioan Budai-Deleanu și cultura europeană*, în "Revista de istorie și teorie literară", XXVIII, 1979, nr. 3, p. 351-363;
16. *Note de lexicologie românească – "marmaziu"*, în "Studii și cercetări lingvistice", XXX, 1979, nr. 4, p. 371-375;
17. *Un poem epic polonez despre daci: Tecfil Lenartowicz "Dacia"*, în "Manuscriptum", XI, 1980, nr. 2 (39), p. 66-72 (Studiu și traducerea integrală în versuri);

18. *Știri despre limba română într-o revistă pragheză din 1813*, în vol. *Din istoricul slavisticii românești*, coord. Elena Lința, București, Tip. Univ. 1982, p. 243-255;
19. *Cracovia și relațiile culturale româno-polone*, în vol. *Relații culturale româno-polone*, coord. Ion Petrică, Tip. Univ. 1982, p. 9-15;
20. *Ecouri goliarde în "Țiganiada" lui Ioan Budai-Deleanu*, în "Revista de istorie și teorie literară", XXXI, 1982, nr. 3, p. 249-280;
21. *O pagină din istoria relațiilor culturale româno-iugoslave în Epoca Luminilor (Ioan Budai-deleanu și Martin Kuralt)*, în vol. *Relații culturale, literare și lingvistice româno-iugoslave. Actele Simpozionului VI* (București, 21-25 octombrie, 1982), București, Tip. Univ., 1982, p. 261-271;
22. *Cu privire la evoluția semantică a românismelor în limbile slave*, în "Cercetări lingvistice", Cluj-Napoca, XXVIII, 1982, nr. 1, p. 55-61;
23. *Conceptul de "împrumuturi în serie" (cu referire la polonismele limbii române)*, în "Studii și cercetări lingvistice", XXXIV, 1983, nr. 1, p. 12-18;
24. *Biblioteca lui Ioan Budai-Deleanu (I și II)*, în "Limbă și literatură", 1983, nr. 2, p. 200-209 și nr. 3, p. 343-353;
25. *Între bibliologie și lingvistică (însemnările pe cărți – izvor pentru cercetarea etimologică)*, în "Studii și cercetări lingvistice", XXXVII, 1986, nr. 3, p. 198-203 (19 etimologii pentru cuvinte culese din însemnările manuscrise; unele absente în DLR);
26. *Gheorghe Asachi și cultura polonă (noi contribuții)*, în "Analele Universității din București", Seria Limbi și literaturi străine, XXXV, 1986, p. 25-30 (Reprodus și în "Limbă și literatură", 1987, nr. 4, p. 463-470);
27. *Ignaz von Born – un transilvănean, geniu european*, în "Zeitschrift der Germanisten Rumäniens", București, VII, 1998, nr. 1-2 (13-14), p. 133-140;
28. *Interferențe lexicale germano-polono-ucrainene în graiurile românești din Bucovina*, în vol. *Prima conferință națională de bilingvism (București, iunie 1997)*, București, 1998, p. 160-169;
29. *Relațiile româno-polone oglindite în lexicul limbii române*, în vol. *Relații polono-române de-a lungul timpului. Materialele simpozionului, Uniunea Polonezilor din România, Suceava, 2001*, p. 159-165;
30. *Prima disertație românească despre lipoveni (1803)*, în vol. *Cultura rușilor credincioși de rit vechi în context național și internațional*, vol. 3. Culegere de comunicări prezentate la Seminarul științific internațional desfășurat la București,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

18-19 noiembrie 2000, București, Editura Kriterion, 2001, p. 268-280;

31. *Integrala Miron Costin în limba polonă*, în “România literară”, XXXIV, 2001, nr. 12, 28III – 3IV, p. 20-21.

32. *Note etimologice*, în “Studii și cercetări lingvistice”, LI, 2001, nr.1, [Profesorului G. Mihăilă la a 70-a aniversare];

33. *Petre P. Panaitescu (la 100 de ani de la naștere)*, în “Romanoslavica”, XXXVII, 2001;

34. *Gheorghe Asachi și literatura polonă*, în vol. *Comunicările „Hyperion”*, Filologie, 11, București, Editura Victor, 2002, p.55-69;

35. *L'œuvre d'Adam Mickiewicz dans le contexte roumain*, în vol. *Le Verbe et l'Histoire. Mickiewicz, la France et l'Europe*. Sous la direction de François Xavier Coquin et Michel Maslowski, Paris, Institut d'Etudes Slaves, 2002, p. 123-132;

36. *Dimitrie Cantemir în context cultural româno-polon (date și interpretări noi)*, în vol. *Profesorul Virgil Cândea la a 70-a aniversare*, București, Editura Roza Vânturilor, 2002;

37. *Noi date privind legăturile lui B. P. Hasdeu cu filologi polonezi*, în vol. *Pro fide et patria. Contribuții la studierea vieții și activității membrilor familiei Hăjdău-Hasdeu*, fasc. 1, Chișinău, Editura Epigraf, 2002, p. 60-68;

38. *Cracovia și relațiile culturale româno-polone*, în vol. *Cracovia – Pagini de cultură europeană*, coord. C. Geambașu, București, Editura Paideia, 2002, p. 241-246.

39. *Orientalizmy leksykalne w języku polskim i rumunskim (Próba porównania) în Dzieje Słowian w świetle leksyki, pamięci Profesora Franciszka Sławskiego*, Kraków, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2002, p. 301-306.

Traduceri

1. *Nuvela polonă contemporană*, București, Editura pentru literatură universală, 1965, 270 p. (traduceri din J. Andrzejewski, K. Brandys, Maria Dąbrowska, J. Hen, J. Iwaszkiewicz, S. Mrożek, J. B. Ożóg, J. Parandowski, J. Putrament, A. Rudnicki, S. Wygodzki, precedate de note bio-bibliografice);

2. Zofia Posmysz, *Pasagera* (roman), București, Editura pentru literatură universală, 1967, 214 p.;

3. W. St. Reymont, *Țăranii*, vol. I-II, București, Editura pentru literatură universală, 1967, 800 p.; ediția a II-a, București, Editura Minerva, colecția „Biblioteca pentru toți”, 4 vol., 1986;

4. Janusz Korczak, *Regele Maciuś Întâiul*, București, Editura Tineretului, 1969, 260 p.;

5. Juliusz Słowacki, *Beniowski* (fragment din poem), în *Antologie de literatură universală*, II, București, Editura didactică și pedagogică, 1971;

6. Stanisław Lem, *Ciberiada*, București, Editura Albatros, 1976, 304 p.;

7. Kazimierz Brandys, *Cărticica* (roman), București, Editura Univers, 1976, 144 p.;
8. Jan Potocki, *Manuscrisul găsit la Saragossa* (roman), 3 vol., București, Editura Minerva, 1989, 844 p.;
9. Ryszard Kapuściński, *Împăratul*, București, Editura Globus, 1991, 192 p.;
10. Ryszard Kapuściński, *Abanos*, București, Editura Paralela 45, 2002, 352 p.

Conf. dr. Dumitru Zavera la 70 de ani

În anul 2002 colectivul Catedrei de limbi și literaturi slave a sărbătorit cu deosebită plăcere a 70-a aniversare a distinsului filolog și iscusit pedagog, conf. dr. Dumitru Zavera, șeful colectivului Secției de filologie bulgară.

Născut pe 18 martie 1932 în satul Lahovari județul Teleorman, Dumitru Zavera urmează între anii 1953-1958 cursurile Facultății de filologie bulgară din cadrul Universității "Kliment Ohridski" din Sofia, Bulgaria. În timpul celor patru ani de studiu are privilegiul de a audia, printre alte cursuri interesante, și prelegerile reputaților profesori bulgari Petăr Dinekov și Liubomir Andreicin. Întors în țară, Dumitru Zavera își începe activitatea didactică imediat după absolvirea facultății. În anul 1958 este numit preparator la Catedra de limbi și literaturi slave a Facultății de Limbi Străine de la Universitatea București, iar în anul 1962 devine asistent. Roadele muncii sale nu vor întârzia să apară, Dumitru Zavera urcând, binemeritat, treptele carierei didactice. Între anii 1972 și 1994 este lector la Secția de filologie bulgară, iar din anul 1994 devine conferențiar, construindu-și astfel cu seriozitate și dăruire o frumoasă carieră universitară până în anul 2002 - anul pensionării sale.

În anul 1974 își concretizează preocupările din timpul studenției și ale activității de cadru didactic susținându-și doctoratul în filologie cu teza *Eposul haiducesc bulgar*. Îndrumătorul său este ilustrul savant și reputat cercetător, profesorul Ion Chitimia, iar lucrarea, publicată în anul 1979 la Editura Universității din București, se va bucura de un real succes.

În anul 1974 Dumitru Zavera pleacă la Sofia ca lector de limba și literatura română la Catedra de Romanistică din cadrul Universității "Kliment Ohridski". Acolo, cu deosebită abnegație și seriozitate predă cursuri practice de limba română, implicându-se în procesul învățării acestei limbi de către studenții bulgari. Domnia-Sa a contribuit la cunoașterea și răspândirea culturii și literaturii române în țara vecină prin cursurile de limbă română contemporană și de literatura română pe care le-a ținut în acești patru ani, formând astfel specialiști bulgari în domeniul românisticii. Profesor exigent și foarte bun dascăl, Dumitru Zavera lasă o amintire frumoasă celor care au audiat cursurile sale, iar colegii bulgari îi poartă în continuare o adâncă recunoștință pentru munca depusă la lectorat și pentru materialele didactice lăsate în urma sa.

Întors în România în 1978, având experiența anilor petrecuți în Bulgaria,

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Dumitru Zavera își va continua și perfecționa neobosit cariera didactică. Personalitatea, talentul și generozitatea de dascăl își vor pune amprenta asupra lecțiilor de Istoria civilizației și literaturii bulgare, Metodica predării limbii și literaturii bulgare, Folclor comparat româno-bulgar. Cursuri audiate cu consecvență de studenți datorită înaltei ținute științifice pe care distinsul profesor le-a imprimat-o.

Dovada vie a recunoașterii meritelor Domniei Sale o reprezintă al doilea mandat ca lector la Catedra de Romanistică a Facultății de Filologie din cadrul Universității "Kliment Ohridski". Într-adevăr, în prezent, conf. dr. Dumitru Zavera face dovada, pentru a doua oară, a talentului său de dascăl și de mesager al culturii și civilizației române. Studenții săi de la Sofia urmăresc cu interes cursurile practice de limba română, cursul de Stilistica limbii române și de Literatură română pe care îndrăgitul dascăl le predă.

Dar activitatea didactică nu se rezumă la predare. Îndelungata sa experiență de dascăl într-o instituție de un asemenea prestigiu s-a concretizat în elaborarea de manuale și cursuri universitare. Amintim aici *Manualul de limba bulgară (curs practic). Partea a II-a*, conceput în colaborare cu lect. dr. Maria Zavera, excelent îndrumător în primii pași ai studierii limbii bulgare, rămas până în prezent singura lucrare de acest gen. Apar ulterior cursurile teoretice *Prelegeri de literatură bulgară (Renașterea)*, Ed. Universității, București, 1978, 167 p., *Prelegeri de folclor comparat româno-bulgar (Cântece haiducești)*, Ed. Universității, București, 1979, 120 p. și manualul pentru cei mici *Bălgarski ezik - Čitanka i gramatika za II klas*, Ed. Didactică și Pedagogică, București, 1969, 138 p. În prezent, neobositul și veșnic tânăr spiritualicește conf. dr. Dumitru Zavera pregătește un nou curs de literatură, în colaborare cu lect. dr. Roman Hagikosev, intitulat *Scurtă istorie a literaturii bulgare*.

La meritele didactice ale domnului Dumitru Zavera se adaugă cele științifice. De-a lungul timpului preocupările cercetătorului Dumitru Zavera s-au concretizat în studii inovatoare și solid argumentate apărute fie în volume, fie în prestigioase reviste din România și Bulgaria, precum "Литературна Мисъл", "Фолклор", "Romanoslavica".

Preocupările sale științifice cuprind diverse aspecte ale spațiului filologic bulgar. Specialist în literatura bulgară, cu o solidă bază științifică, fiind în permanență la curent cu mișcările literare și cu fenomenul socio-cultural bulgar, Dumitru Zavera este interesat de studiul comparativ al celor două literaturi. Această afinitate se va fructifica în studii precum *Априлското въстание отразено в румънския печат и в румънската литература* (în "Литературна Мисъл" Nr. 3, 1976, 12 p.), *Антон Пан и Петко Славейков* (în vol. *Българо-румънски литературни взаимоотношения през XIX век*, 1980, 27 p.) sau *Йордан Йовков в Румъния*, (în "Литературна история", Nr. 8, 1981, 4 p.).

Relațiile literare româno-bulgare și interferența lor în contextul politico-social al vremii nu-l împiedică pe distinsul cercetător să-și îndrepte atenția, și către sfera lingvisticii bulgare. Studiul său *L'influence roumaine sur le lexique des langues slaves* (în "Romanoslavica", XVI, 1968, 62 p.) constituie și astăzi un model pentru studenții și lingviștii interesați de studiul limbilor slave.

Dar preocuparea esențială a cercetătorului Dumitru Zavera rămâne folclorul. În studiile sale de folcloristică folosește, în demonstrație și argumentare, bogatele cunoștințe din domeniul culturii populare bulgare și române. Studiile *Фолклорни*

румъно-български паралели - Песен за Корбеа и Стоян Воевода и Будимакия кадия (în rev. "Фолклор", nr. 3, 1976, 12 p.), *Elemente mioritice în folclorul pastoral bulgar* (în vol. *Studii literare româno-slave*, 1978, 12 p.) reliefează, pe un larg fond comparat, multitudinea de motive, teme și personaje populare specifice spațiului balcanic și dezvoltă ideea unei mentalități spirituale și culturale înrudite.

Indiferent de domeniul de care s-a preocupat - literatură, folclor, lingvistică, conf. dr. Dumitru Zavera a adus contribuții personale, făcând precizări, propunând soluții noi și originale.

Participant de marca la viața științifică, atât în cadrul Asociației Slavistilor cât și al altor instituții și foruri culturale din țară, Domnia-Sa este cunoscut și în lumea științifică de peste hotare, fiind prezent cu comunicări și referate la sesiuni științifice, congrese internaționale de slavistică și balcanistică.

Mereu activ în viața culturală, conf. dr. Dumitru Zavera a îmbinat strălucit cercetarea cu activitatea didactică curentă în mijlocul tinerilor, pe care i-a încurajat și sprijinit întotdeauna cu multă dragoste.

Amintim aici generațiile de studenți, unii dintre ei actuali colegi, pe care i-a condus la cursurile de vară din Bulgaria, a căror practică pedagogică a supravegheat-o la Dudeștii-Vechi și la Liceul Pedagogic din București. Ca profesor de limba și literatura bulgară a coordonat cu competență și dăruire lucrări de diplomă și a format numeroase serii de specialiști în domeniul literaturii și folclorului bulgar.

La a 70-a aniversare, colectivul Catedrei de limbi și literaturi slave, colaboratorii revistei "Romanoslavica", foști și actuali studenți îi urează profesorului Dumitru Zavera ani mulți fericiți, sănătate și putere de muncă pentru a putea contribui, ca și până acum, la dezvoltarea relațiilor româno-bulgare în domeniile învățământului, științei și culturii.

Cătălina Puiu

LISTĂ DE LUCRĂRI

I. Studii și articole

Разпространение на новата българска литература в Румъния до 1944 година, "Romanoslavica", IX, 1963

L'influence Roumanie sur le lexique des langues slaves, "Romanoslavica", XVI, 1968 (în colaborare)

Априлско въстание отразено в румънския печат и в румънската литература (în "Литературна Мисъл" nr. 3, 1976

Фолклорни румъно-български паралели - Песен за Корбеа и Стоян Воевода и Будимакия кадия, "Фолклор", nr. 3, 1976

Elemente mioritice în folclorul pastoral bulgar, în vol. "Studii literare româno-slave", Sofia, 1978

Антон Пан и Петко Славейков, în vol. "Българо-румънски литературни взаимоотношения през XIX век", Sofia, 1980 (în colaborare)

Социални елементи в българските и румънските хайдушки песни, în

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

"Analele Universității București", anul XXVIII, nr. 2, 1979

Йсрдан Йовков в Румъния, în ""Литературна История", nr. 8, 1981

II. Manuale și cursuri universitare

Manual de limba bulgară - curs practic - partea a II-a, Ed. Universității, București, 1973 - în colaborare, 300 p

Prelegeri de literatura bulgară (Renașterea), Ed. Universității, București, 1978, 167 p.

Prelegeri de folclor comparat român-bulgar (Cântece haiducești), Ed. Universității, București, 1979, 120 p.

Prelegeri de literatura bulgară veche (xeroxat), 1991, 40 p.

Български език - Читанка и граматика за II клас, Ed. Didactică și Pedagogică, București, 1969, ed. I, 1991 ed. II, 138 p

LAURA BAZ FOTIADE
(1930 – 2002)

La 18 august 2002 s-a stins din viață lector universitar doctor Laura Baz Fotiade, apreciată specialistă în domeniul literaturii bulgare și al relațiilor literare româno-bulgare, talentată traducătoare din proza bulgară clasică și contemporană, profesoară îndrăgită de numeroase generații de studenți. Această veste neașteptată ne-a copleșit cu durere pe toți cei care am cunoscut-o și respectat-o. Ne obișnuisem cu Domnia-sa printre noi, o aveam adesea aproape la toate întrunirile și nu gândeam, nici măcar pentru o clipă, că ar putea veni așa de repede momentul despărțirii.

Născută la 25 martie 1930 în satul botoșănean Maghera într-o familie de învățători, Laura Baz Fotiade a urmat între anii 1951-1956 cursurile Facultății de Filologie "Kliment Ohridski" din Sofia, Bulgaria. Cu data de 1 septembrie 1956 este numită asistent la Catedra de limbi și literaturi slave a Facultății de Limbi Străine de la Universitatea din București, iar din anul 1969 devine lector, construindu-și astfel cu seriozitate și dăruire o frumoasă carieră universitară până în 1985 – anul pensionării sale.

În anul 1974 își susține doctoratul în filologie, cu teza *Contribuții la studiul relațiilor literare româno-bulgare în perioada 1850-1877. Activitatea publicistică și literară a lui G. S. Rakovski în România*, publicată la Sofia în 1980.

De-a lungul timpului, preocupările științifice ale lect. dr. Laura Baz Fotiade s-au concretizat în interesante și documentate studii și articole (peste 30 la număr), apărute fie în volume, fie în prestigioase reviste din România și Bulgaria, precum "Език и литература", "Литературна Мисъл", "Пламяк", "Etudes balcaniques", "Romanoslavica", "Revista de istorie și teorie literară" sau "Revue des etudes

sud-est européennes” ș.a. De asemenea, a participat cu peste 20 de referate și comunicări la diferite conferințe și simpozioane din țară și străinătate, la sesiuni științifice organizate de Asociația Slaviștilor din România, la congresele internaționale de slavistică. Menționăm prezența lect. dr. Laura Baz Fotiade la trei Congrese internaționale ale slaviștilor (Sofia, 1963; Praga, 1968; Varșovia 1973), precum și la Simpozionul Hristo Botev (1976), la Simpozionul închinat Războiului de independență a României (1977), la Simpozioanele româno-bulgare din 1978 și 1982.

Mereu activă în viața științifică românească, Laura Baz Fotiade s-a remarcat totodată și ca o iscusită traducătoare, având merite deosebite în încercarea de a face cunoscute cititorilor români valoroase creații ale unor prozatori bulgari contemporani ca Blaga Dimitrova, Nikolai Haitov, Bogomil Rainov, Milcio Radev. Invitată anual la simpozioanele organizate de Uniunea traducătorilor din Bulgaria (din 1969 până în 1977), activitatea de traducător a dnei Laura Baz Fotiade a fost extrem de bine apreciată de colegii bulgari.

La meritele științifice ale lect. univ. dr. Laura Baz Fotiade se adaugă personalitatea, talentul și generozitatea sa de dascăl. În cei treizeci de ani de carieră didactică, domnia-sa a îndrumat cu dragoste și pricepere generații de studenți, pe care i-a învățat limba bulgară și i-a făcut să înțeleagă și să îndrăgească literatura scrisă în această limbă. Profesoară exigentă și plină de solicitudine față de tinerii studioși a lăsat nu numai o amintire frumoasă celor care au audiat-o de la catedră, dar și materiale de lucru extrem de utile în învățarea limbii bulgare, chiar și acelor generații de studenți care n-au avut privilegiul de a o cunoaște personal. *Cursul practic de limba bulgară. Partea I*, elaborat împreună cu lect. univ. dr. Zlatka Iuffu, ediția a III-a revăzută și completată în 1987, este folosit și astăzi, precum și *Antologia de texte din literatura bulgară*, Ed. didactică și pedagogică, București, 1962, 860 p. sau cursul teoretic *Prelegeri de literatură bulgară*, T.U.B., 1979, 223 p.

Prin toată activitatea, Domnia-sa a contribuit la răspândirea culturii bulgare prin procesul de predare, prin traduceri, rămânând fidelă studiului comparat al literaturilor bulgară și română. Și aprecierea din partea statului bulgar nu a întârziat să apară, lect. univ. dr. Laura Baz Fotiade fiind distinsă în anul 1977 cu Ordinul Kiril și Metodiu, cls. a II-a, iar în 1982 cu Ordinul 1300 de ani de la înființarea statului bulgar.

Pentru profesoara Laura Baz Fotiade pensionarea sa în anul 1985 nu a însemnat îndepărtarea de viața universitară. După 1990, Catedra de limbi și literaturi slave a avut în continuare nevoie de calificarea profesională și experiența sa didactică. Fiind solicitată să țină unele cursuri și seminarii de specialitate, lect. univ. dr. Laura Baz Fotiade a răspuns cu promptitudine și energie. În acești ultimi ani, Domnia sa nu a încetat să fie alături de colegii de la Catedra de limbi slave, alături de noi - membrii colectivului de limbă bulgară. Venea la ședințele de comunicări ale Asociației Slaviștilor, la sărbătorile anuale din 24 mai, organizate cu ocazia Zilei culturii bulgare, se interesa de munca și viața fiecăruia dintre noi, se bucura sincer de succesele noastre, ne îndemna să perseverăm cu deosebire pe noi, cei tineri, aflați la început de carieră.

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

Marea sa dragoste pentru literatură, devotamentul cu care a slujit întreaga viață la catedră, respectul profund față de înaintași, grija pentru cuvântul scris, sentimentul datoriei, politețea, colegialitatea, tactul pedagogic, optimismul sunt numai câteva dintre trăsăturile portretului celei care a fost Laura Baz Fotiade. Profesori și studenți îi omagiază și cinstesc memoria, cu respect și recunoștință pentru tot ceea ce a făcut și a sădit în sufletele noastre.

Mariana Manguilea

S U M A R

S U M M A R Y

I. LINGVISTICĂ / LINGUISTICS

- Г. Михаила**, Исследования по славяно-румынской филологии писателя Александра Одобеску (Alexandru Odobescu) 9
- Mihai Mitu**, Du “sacré” au “profane” dans l’évolution sémantique (sur les slavonismes roumains) 25
- Виктор Васченко**, О типологической классификации народных говоров (русского и иного ареала) 37
- Жива Милин, Михај Н. Радан**, О заједничком пореклу архаичних српских говора са подручја румунског баната (“банатско-црногорски”, карашевски и свинички говори) 41
- Мария Думитреску**, Банк данных на основе *Русско-румынского словаря инноваций (1994 – 2003гг.)* 69
- Рихард Сырбу**, Актуальные тенденции в исторорумынском диалекте (влияние хорватского языка) 77
- Юстина Бурч**, Молдавская антропонимия славянского происхождения (конец XVIII – начало XIX вв.) 87
- Sorin Paliga**, N. D. Andreev’s Proto-Boreal Theory and Its Implications in Understanding the Central-East and Southeast European Ethnogenesis: Slavic, Baltic and Thracian 93
- Мария Кирай, Валерия Нистор**, Некоторые социо- и психолингвистические аспекты билингвизма 105

II. LITERATURĂ / LITERATURE

- Вирджил Шоптереану**, Философско–эстетические структуры А. Шопенгауэра в творчестве М. Эминеску и русских неоромантиков 115
- Адриана Улиу**, Русская драматургия на сцене Крайовского Национального Театра 129
- Constantin Geambașu**, Przegląd badań porównawczych nad literaturami słowiańskimi w Rumunii 141
- Antoaneta Olteanu**, Personnages démoniaques dans les contes populaires roumains et russes 147
- Думитру Балан**, Воздействие русской прозы на румынскую литературу XX века. 157
- Октавија Неделку**, Oblici fantastike u istorijskom romanu Miloša Crnjanskog 169

Al 13-lea Congres Internațional al Slaviștilor

RECENZII/REVIEWS

Pavol Winczer, <i>Súvislosti v čase a priestore. Básnická avantgarda, jej prekonávanie a dedičstvo</i> (Corneliu Barborică)	177
Dagmar Mária Anoca, <i>Slovenská literatúra v Rumunsku</i> (Corneliu Barborică)	178
Michal Gáfrik, <i>Na pomedzí moderny</i> (Ana Motyovszki)	180
Б.Д. Бондалетов, Н.Г. Самсонов, Л.Н. Самсонова, <i>Старославянский язык. Сборник упражнений</i> (Maria Dumitrescu)	182
<i>Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия</i> (Maria Dumitrescu)	184
P. Pavlov, I. Ianev, D. Cain, <i>Istoria Bulgariei</i> (Mariana Manguilea)	185

PERSONALIA

Petre P. Panaitescu - la 100 de ani de la naștere (Mihai Mitu)	191
Mihai Mitu la a 65-a aniversare (Mariana Manguilea)	197
Conf. dr. Dumitru Zavera la 70 de ani (Cătălina Puiu)	203
Laura Baz Fotiade (1930 – 2002) (Mariana Manguilea)	206